

ВОСПОМИНАНІЯ М. Д. ФРАНЦЕВОЙ.

I.

Мои родители.—Рѣшеніе моего отца ѣхать на службу въ Сибирь.—Сцены прощанья.—Пріѣздъ въ Сибирь.—Назначеніе отца исправникомъ въ Енисейскъ.—Знакомство съ Фонъ-Визинами.—Описаніе Енисейска.—Тамошнее общество.—Разгулъ чиновниковъ и замкнутость купечества.—Ссылные поляки.—Повѣзка отца въ Туруханскъ.—Злоупотребленія чиновниковъ и купцовъ.—Декабристы Абрамовъ и Бобрищевъ-Пушкинъ.—Тунгузскіе князьки.—Переходъ отца на службу въ Ачинскъ.—Приставъ Аванасьевъ и его похождения.—Разказы о братѣ Даніилѣ.—Его странное знакомство съ моимъ отцомъ.—Праведная кончина брата Даніила.

ЛУЖБА въ Сибири пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ давала большія преимущества чиновникамъ, почему отецъ мой и рѣшился ѣхать туда служить. Нужно было имѣть много твердости характера, чтобы въ то время съ семьей, маленькими дѣтьми, молодою женой, безъ средствъ, рѣшиться пуститься въ почти неизвѣстный и столь отдаленный край, какъ Сибирь. Отецъ и мать мои были оба уроженцы города Симбирска. Тамъ они имѣли свой собственный домъ съ садомъ, а въ Казанской губерніи Спасскаго уѣзда небольшое имѣніе, полученное въ приданое матерью моею при замужествѣ. Отецъ мой, хорошій хозяинъ, умѣлъ изъ этого маленькаго имѣніа извлекать все нужное для жизни. Онъ очень любилъ цвѣты, и его небольшой, образцовый садъ въ Симбирскѣ наполненъ былъ рѣдкими растеніями; особенно славился онъ необыкновенною коллекціею розъ; розы были точно бархатные, ихъ подстригали ежедневно дѣвочки ножницами.

Мать мою выдали замужъ чуть не ребенкомъ. У нея была ма- чиха, матери же своей она лишилась при рожденіи. Отецъ ея же- нился вторично, и, имѣя слишкомъ мягкій и слабый характеръ, подпалъ совершенно подъ вліяніе своей второй жены, женщины довольно властолюбивой и жесткой.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, матери моей минуло тринадцать лѣтъ, а въ январѣ слѣдующаго года она уже была замужемъ. Она была очень хорошенькая собой; отецъ мой, хотя и былъ старше ея лѣтъ на 15, но тоже былъ недуренъ собой, и они прожили, любя другъ друга, болѣе тридцати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ имѣли двад- цать человѣкъ дѣтей. Когда семья стала увеличиваться и неболь- шихъ доходовъ не доставало на поддержаніе приличной жизни, то отецъ мой рѣшился искать счастья по службѣ въ Сибири.

Хотя я была еще ребенкомъ пяти или четырехъ лѣтъ, но день отъѣзда нашего изъ Симбирска въ Сибирь очень врѣзался въ моей памяти. Помню, какъ всѣ родные наши собрались провожать насъ, точно на смерть. Прощанье было тяжелое, особенно старухи ма- тери съ покойнымъ отцомъ моимъ. Конечно, она раставалась безъ надежды съ нимъ свидѣться здѣсь на землѣ, и предчувствіе не обмануло ее; 80-лѣтняя старуха не дождалась сына изъ Сибири.

Всѣ столпились въ одной комнатѣ и господа и дворовые люди. Пришелъ священникъ и началъ служить напутственный молебенъ. Плачъ поднялся страшный, молитва лилась у всѣхъ горячая за отъѣзжающихъ въ такую даль и въ такую, по тогдашнему понятію, дикую страну, гдѣ, какъ рассказывали тогда, медвѣди по улицамъ ходили. Прощанье съ матерью моею больного старика-отца, пріѣхав- шаго нарочно изъ своей деревни близъ Симбирска, было также очень трогательно. Насъ троихъ дѣтей, старшаго брата, сестру и меня, закутанныхъ, ничего не понимающихъ, поднесли тоже прощаться. Помню, что мнѣ тяжелѣе всѣхъ было прощаться съ бабушкой, род- ной матерью отца моего, которая меня въ особенности любила и баловала.

Путешествія нашего въ Сибирь я совсѣмъ почти не помню, смутно только помню нашъ пріѣздъ въ Красноярскъ, гдѣ про- жили мы нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ перѣехали въ Ачинскъ, гдѣ тоже оставались недолго, а потомъ уже отца назначили исправ- никомъ въ Енисейскъ, Красноярской губерніи. Въ Енисейскѣ про- жили мы полтора года и здѣсь близко сошлись съ сосланными на поселеніе, послѣ шести-лѣтней каторги, такъ называемыми де- кабристами, Михаиломъ Александровичемъ и женою его Натальей Дмитриевной Фонъ-Визиными.

Енисейскъ довольно большой и красивый городъ. Въ немъ много церквей, два монастыря, одинъ мужской, другой женскій, много каменныхъ домовъ и прекрасная набережная. Онъ стоитъ на бе- регу огромной рѣки Енисея, быстрой и широкой. Ширина рѣки

въ самомъ городѣ почти двѣ версты, быстрота же такъ велика, что когда начинаетъ ломать весною ледъ на Енисей, то образуются цѣлыя горы льда, съ страшнымъ трескомъ падающія и тотчасъ же вновь поднимающіяся вверхъ. Когда Енисей трогается, то это составляетъ событіе въ городѣ; всѣ бѣгутъ на набережную смотрѣть и любоваться необычайною картиною; шумъ отъ паденія льда бываетъ такъ великъ, что когда ночью онъ трогается, то всѣхъ жителей будитъ своимъ трескомъ. Мои собственные впечатлѣнія объ Енисейскѣ, хотя дѣтскія, но очень поэтичныя. Съ дѣтства я обожала природу и восхищалась ею, а въ Енисейскѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо нельзя было ею не восхищаться.

Помню, какъ теперь, что когда послѣ нашихъ дѣтскихъ учебныхъ занятій отпускали насъ, дѣтей, гулять съ гувернеромъ-французомъ по живописнымъ окрестностямъ города, то трудно описать нашу радость, когда, бывало, выйдя за городъ, увидимъ разстилающійся живой коверъ всевозможныхъ цвѣтовъ подъ нашими ногами. Я нигдѣ потомъ ни въ Россіи, ни за границей, не видала такого богатства флоры, какъ тамъ. Разнообразіе и величина цвѣтовъ необыкновенныя: тамъ растутъ фіалки, гвоздики махровыя, астры, тюльпаны и незабудки величиной съ серебряный гривенникъ и еще какіе-то мѣстные цвѣты оранжеваго цвѣта, формы розъ, называемые сарана. Бывало, переѣхавъ на лодкѣ заливъ Енисея, мы направлялись на любимое мѣсто нашихъ прогулокъ, называемое Каштакъ. Это долина, покрытая цвѣтами, окаймленная живописными холмами и пригорками. Разсыпавшись по бархатнымъ лугамъ, каждый изъ насъ старается набрать какъ можно больше цвѣтовъ, и, сдѣлавъ огромные букеты, мы спѣшимъ принести ихъ домой. Жаль только, что прекрасные цвѣты не имѣютъ тамъ никакого запаха.

Лѣто въ Енисейскѣ очень скоротечно, продолжается не болѣе полутора мѣсяца, много два, при температурѣ, доходящей чуть не до 40° жара. Жаръ бываетъ такъ великъ, что мы дѣти часто забавлялись печеніемъ яицъ на окнахъ; подоконники послѣднихъ большею частью дѣлаются изъ грифельнаго камня, который такъ раскаляется солнцемъ, что положенное яйцо легко печется на немъ. Растительность идетъ тоже съ необычайною быстротою. Если съ вечера замѣтите растеніе въ саду, то утромъ вы увидите, что оно за ночь поднялось чуть не больше вершка. Вообще, все тамъ поспѣваетъ очень быстро; ягодъ лѣсныхъ, малины, морошки, смородины, земляники, брусники, родится множество. Изобиліе рыбы, дичи, мяса—необычайное, и жизнь поэтому была въ то время баснословно дешева; но за то нравственныя условія были убійственны. Общества почти никакого; кругъ чиновниковъ тогда былъ очень неразвитый, грубый. Всѣ удовольствія заключались для нихъ въ винѣ и картахъ. Бывало, празднуютъ именины дня три, пьютъ и

кутять цѣлыя ночи, уѣзжаютъ домой на нѣсколько часовъ, а потомъ опять возвращаются и кутять. Порядочному человѣку, попавшему въ ихъ кругъ, становилось невыносимо. Купечество хотя очень богатое, но замкнутое тоже въ своей однообразной, грубой средѣ. Приѣхавъ въ Енисейскъ, мой отецъ, волей-неволей, долженъ былъ поддерживать съ ними общеніе и даже раздѣлять ихъ пирушки; но, не имѣя ничего съ ними общаго, старался болѣе удалиться отъ нихъ, и поэтому сошелся вскорѣ съ поселеннымъ тамъ семействомъ декабриста Михаила Александровича Фонъ-Визина и съ сосланными туда поляками, общество которыхъ, какъ людей образованныхъ, было пріятное. Изъ поляковъ многіе были люди милые и талантливые; они давали намъ, дѣтямъ, уроки. Жизнь они вели трудовую и скромную, потому что нуждались очень въ средствахъ къ существованію. Фонъ-Визины жили тоже уединенно, хотя въ средствахъ не нуждались. Они занимали прекрасный каменный домъ съ садомъ; обстановка у нихъ была очень приличная и комфортабельная. Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина была весьма красивая, молодая женщина и большая любительница цвѣтовъ. Небольшой ея садикъ былъ—настоящая оравжерей, наполненная рѣдкими растеніями; она по цѣлымъ днямъ иногда возилась въ немъ. Она была женщина въ высшей степени религіозная и умная; ниже я буду говорить о ней подробнѣе. Семейство наше видалось часто съ Фонъ-Визинами, и я, какъ ребенокъ, сдѣлалась фавориткой ихъ обоихъ, особенно Михаила Александровича, который вообще очень любилъ всѣхъ дѣтей, почему привязался и ко мнѣ съ нѣжностью отца. Привязанность ихъ, въ послѣдствіи перешедшая въ горячую дружбу ко мнѣ, сохранилась до конца ихъ жизни, о чемъ тоже будетъ сказано подробнѣе въ моемъ мѣстѣ.

Моему отцу, какъ служащему въ Енисейскѣ исправникомъ, приходилось дѣлать большіе разъѣзды по дѣламъ службы. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ поѣздокъ его была въ Туруханскъ и далѣе на сѣверъ; онъ не доѣхалъ всего 200 верстъ до Ледовитаго океана. Туруханскъ—маленькій уѣздный городокъ, съ одною церковью, почти безъ всякой растительности лѣтомъ, населенный большею частью тунгусами и остяками, которые по непроходимымъ тундрамъ охотятся на звѣря и приносятъ въ Туруханскъ ясакъ свой, то есть дань или подать изъ лучшей пушины. Эта подать служила источникомъ страшнаго зла. Какъ купцы, такъ и начальство, пользуясь кто своею властью, а кто своими средствами, безсовѣстно обирали несчастныхъ инородцевъ. Послѣдніе до страсти любятъ вино и за штофъ водки готовы отдать, кажется, свою душу, не только дорогаго звѣря. Самый лучшій ясакъ, т. е. дорогія шкуры пушистаго соболя или чернобурой лисицы переходилъ за безцѣнокъ въ руки купцовъ и чиновниковъ, которые, такимъ образомъ, страшно обогащались. Раскрыть эти злоупотребленія и посланъ

былъ отецъ мой, и еслибъ онъ самъ былъ менѣе честенъ, то могъ бы тоже легко обогатиться, тѣмъ болѣе, что надъ нимъ не было почти никакого контроля. Ему предлагали крупныя взятки какъ купцы, такъ и чиновники, чтобъ только скрыть ихъ злоупотребленія; но отецъ, по своей добросовѣстности, не воспользовался заманчивою прелестью легкой наживы, открылъ и вывелъ зло на чистую воду, чѣмъ, конечно, нажилъ себѣ не мало враговъ. Награду же за свои честныя дѣянія онъ ожидаетъ теперь на небесахъ, хотя всѣ его дѣйствія по этому дѣлу занесены были съ похвалою въ формуляръ. Не легко ему было въ Туруханскѣ, на краю свѣта, вдали отъ семьи, бороться со зломъ и чувствовать кругомъ себя одну лишь враждебную силу. Но Богъ никогда не оставляетъ человека праваго и уповающаго на Него. Господь послалъ ему утѣшеніе и отраду въ лицѣ встрѣтившагося тамъ одного, тоже поселеннаго изъ декабристовъ, Александра Борисовича Абрамова, который какъ человекъ хорошій, добрый и образованный, былъ для отца въ этой глуши настоящимъ, какъ онъ выражался, сокровищемъ и опорой. Не легче было, конечно, и Абрамову почти заживо погребенному въ дикой, суровой странѣ, далеко отъ всего родного, близкаго, цивилизованнаго. Но хорошій человекъ не падаетъ духомъ и вездѣ, съ помощію Божіею, устроитъ себя такъ, что найдетъ возможнымъ быть полезнымъ другимъ. Абрамовъ былъ характера очень добраго, веселаго и общительнаго, старался всѣмъ дѣлать добро и помогалъ кому словомъ, а кому и дѣломъ, заступался часто за невинныхъ и отстаивалъ ихъ. Его всѣ тамъ очень любили, и когда онъ умеръ, заразившись сибирской язвой, то оплакивали, особенно бѣдные, какъ родного отца.

Въ Туруханскѣ на нѣкоторое время былъ тоже сосланъ одинъ изъ декабристовъ, Николай Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ. Несчастнаго изъ Иркутска провели туда пѣшкомъ на лыжахъ по тундрамъ. Этотъ страдалецъ не вынесъ, однако, такого страшнаго испытанія, сошелъ съ ума и въ послѣдствіи былъ переведенъ, по просьбѣ меньшого его брата, тоже декабриста, Павла Сергѣевича, въ Красноярскъ, гдѣ тотъ находился, а потомъ они вмѣстѣ переведены были на поселеніе въ Тобольскъ, откуда въ 1856 году возвращены на родину въ Россію.

Въ Енисейскъ ясакъ привозится самими тунгузскими князьками, которые иногда пріѣзжаютъ съ своими женами. Губернскія власти принимаютъ ихъ съ большою предупредительностію, угощаютъ и дарятъ имъ разныя бездѣлушки, до которыхъ они большіе охотники. Князьки собой далеко не привлекательны; маленькіе ростомъ, скуластые, съ расплоснутыми носами, грязные, неопрятные, одѣты лѣтомъ въ разное тряпье; женщины ушиваютъ свои тряпки разными побрякушками; зимою же у нихъ есть особенныя одѣянія изъ шкуръ оленей, сшитыя волосомъ вверхъ. Какъ

мужчины, такъ и женщины, страстно любятъ водку. Однажды, къ отцу пришло ихъ нѣсколько паръ мужей съ женами. Отецъ представилъ ихъ женѣ своей; подали имъ угощеніе и водку, безъ которой угощеніе для нихъ не существуетъ. Пьютъ они водку стаканами. Подвыпивъ, они пошли бродить безъ церемоніи по комнатамъ. Забравшись въ спальню, гдѣ по обыкновенію стояли кровати, вдругъ, къ ужасу матери моей, одинъ изъ князьковъ вскочилъ на постель и усѣлся съ поджатыми грязными ногами какъ на диванѣ. Насилу могли уговорить его сойти, такъ понравилось ему мягкое сидѣнье на постели. Въ другой разъ, одной изъ княгинь показалось, что поданное вино не крѣпко; она бросила стаканъ съ водкой на полъ и потребовала лучшаго, т. е. болѣе крѣпкаго. Подъ конецъ, они до того надоѣли матери моей своими выходками, что она просила больше ихъ не пускать къ ней въ комнаты.

Я уже сказала выше, что нравственная жизнь въ Енисейскѣ была очень тяжелая, съ отъѣздомъ же Фонтъ-Визиныхъ въ Красноярскъ, куда ихъ перевели на поселеніе, она стала просто невыносима. Къ счастью нашему, вскорѣ и отца перевели вторично въ Ачинскъ, уѣздный городъ Красноярской губерніи.

Отецъ очень былъ обрадованъ этимъ переводомъ. Постоянные, далекіе, соединенные съ опасностію для жизни, разъѣзды по уѣзду начали сильно его утомлять и очень вредно вліять на здоровье. Во вторичное пребываніе наше въ Ачинскѣ, мы прожили въ немъ тоже не болѣе полутора года. Маленькій уѣздный городокъ Ачинскъ, конечно, не могъ наполнить жизни, но, по крайней мѣрѣ, здѣсь было покойнѣе, не было того разгула среди чиновниковъ, какъ въ Енисейскѣ, и отцу не нужно было ѣздить на дальнія разстоянія.

Среди ачинскаго общества находились люди, если и не совсѣмъ развитые, за то добрые и пріятные. Отца очень многіе полюбили. Въ бытность его въ Ачинскѣ съ нимъ случился эпизодъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ. Тамъ жилъ одинъ, такъ называемый, братъ Даніилъ, старецъ, великій подвижникъ, всѣми уважаемый и считаемый за святого. Онъ жилъ въ землянкѣ, на краю города и проводилъ время въ постоянномъ трудѣ и молитвѣ. За кусокъ чернаго хлѣба онъ работалъ по ночамъ, копая въ огородѣ, или въ полѣ, косилъ и жалъ хлѣбъ до совершеннаго изнеможенія; потомъ, отдохнувъ немного, вкушалъ пищу, т. е. черный, сухой хлѣбъ и не очищенный картофель; чтобы меньше съѣсть, онъ закладывалъ себѣ за поясъ деревянный колъ. Родомъ онъ былъ изъ малороссіянъ и, будучи солдатомъ, дѣлалъ кампанію 1812 года. Выучившись грамотѣ, Даніилъ сталъ прилежно заниматься чтеніемъ св. Писанія, и, познавъ суету міра, вознамѣрился, по окончаніи служебныхъ лѣтъ, уйти въ монастырь; но начальство, имѣя въ немъ хорошаго служака, воспротивилось этому и стало его удерживать; онъ рѣшительно объявилъ, что не хочетъ болѣе слу-

жить. Тогда, не знаю навѣрно, это ли сопротивленіе власти поставлено ему было въ вину, или былъ онъ еще оклеветанъ, но его сослали въ Сибирь, и онъ попалъ въ Томскую губернію, въ Богатильскій заводъ на вѣчную каторгу. Онъ и тамъ всѣ работы, возлагаемыя на него, исправлялъ безъ упущенія, а ночи проводилъ въ молитвѣ. Даже днемъ, когда всѣ отдыхали, онъ удалялся въ уединенное мѣсто на молитву, чтобъ его никто не видалъ. Заводомъ управлялъ тогда приставъ Егоръ Петровичъ Аванасьевъ, прозванный «безстрашнымъ». Человѣкъ грубый, постоянно пьяный, онъ и прозванъ былъ безстрашнымъ за пьяное удалство. Однажды, будучи, конечно, пьянымъ, онъ похвастался, что на бѣговыхъ дрожкахъ проѣдетъ на верху кругомъ каланчи, что и исполнилъ къ изумленію всѣхъ предстоящихъ. Этотъ-то приставъ возненавидѣлъ Даніила за его святую жизнь, называлъ его не иначе какъ «святошей», насмѣхался, говоря: «ну-ка спасайся, святоша, на каторгѣ». Ненависть къ Даніилу дошла у него до крайняго предѣла. Разъ, онъ приказалъ посадить его, обнаженного, въ трескучій морозъ, на крышу своего дома и обливать изъ пожарныхъ машинъ водою; самъ же съ насмѣшкой кричалъ: «спасайся, Даніиль! Вѣдь ты святой!» Праведникъ страдалъ и молился за мучителя своего, а народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на истязаніе. Жена мучителя послала было шубу, чтобъ прикрыть наготу страдальца, но она была сорвана съ него. Однако, Господь вступился за своего вѣрнаго раба и поразилъ мучителя внезапною страшною болѣзнію; у него тутъ же вдругъ повернуло голову съ сильною болью на сторону, такъ что лицо очутилось почти назади. Жена мучителя начала укорять мужа за св. старца. «Что ты дѣлаешь? Побойся Бога, неужели не видишь надъ собой праведнаго наказанія за истязаніе Божьяго человѣка,—говорила она,—отпусти его!» Тогда приказалъ онъ позвать къ себѣ старца, началъ просить у него прощенія, кланялся ему въ ноги и умолялъ помолиться за него. Старецъ же Даніиль, забывъ претерпѣнныя страданія, съ обычною добротою сталъ ему говорить: «Что ты, что братъ, да ты ни въ чемъ передо мной не виновенъ. Вѣдь это была Божья воля, меня негоднаго наказать». Послѣ того, онъ началъ молиться за него, и ему тотчасъ же стало лучше и голова приняла прежнее положеніе. На другой день случилось поѣхать Аванасьеву въ городъ Ачинскъ; ночью поднялась вдругъ такая мятель, что онъ заблудился и сбился окончательно съ дороги. Кучеръ замѣтилъ ему: «это Господь наказываетъ насъ за то, что вчера оскорбили святого старца Даніила». Аванасьевъ въ испугъ внутренно обратился съ мольбою къ Даніилу: «Прости меня, старче Даніиле, и избавь насъ отъ неминуемой смерти. Болѣе тебя держать даже на заводѣ не буду и отпущу на волю». Повернувъ лошадей на удачу, они вдругъ очутились близъ самой дороги. Какъ только Аванасьевъ

возвратился назадъ, то сейчасъ же написалъ донесеніе къ губернатору, что такой-то Даніилъ совершенно не способенъ къ работѣ и отпустилъ его на волю, на пропитаніе. Всѣ эти подробности пришлось намъ слышать отъ жены Аѳанасьева, у котораго по пріѣздѣ нашемъ въ Ачинскъ жили мы на квартирѣ. Слава о святой жизни старца Даніила росла съ каждымъ днемъ и отцу моему очень хотѣлось его видѣть.

Однажды, отецъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и занимался дѣлами, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ комнату какой-то оборванецъ, бросается прямо къ нему и треплетъ по плечу со словами: «А, здравствуй, исправникъ, я пришелъ къ тебѣ за дѣломъ». Отецъ, увидя предъ собой какого-то бродягу, такъ фамиллярно съ нимъ обращающагося, закричалъ на него и хотѣлъ было вытолкать; но въ эту минуту входитъ писмоводитель и останавливаетъ отца: «Что вы дѣлаете, Димитрій Ивановичъ? Вѣдь это братъ Даніилъ!» Можно представить себѣ удивленіе и вмѣстѣ радость отца, узнавшаго, что у него въ домѣ давно желанный праведникъ. Отецъ тотчасъ же извинился предъ нимъ. Братъ же Даніилъ (его всегда звали братомъ по его собственному желанію; отцомъ онъ не позволялъ себя называть, говоря: у насъ одинъ отецъ,—Господь, а мы всѣ братья), продолжая трепать отца по плечу, говорилъ: «а я вѣдь къ тебѣ по дѣлу! У тебя есть дѣло, въ которомъ обвинили невиннаго и оправдали виновнаго, размотри-ка дѣло хорошенько». Отецъ обѣщалъ все сдѣлать и такъ былъ увѣренъ въ справедливости защиты брата Даніила, что тотчасъ же велѣлъ выпустить на свободу обвиняемаго. Впослѣдствіи, по тщательному разсмотрѣнію дѣла, точно оказалось, что обвиняемый, какъ говорилъ братъ Даніилъ, былъ правъ. Съ тѣхъ поръ онъ довольно часто забѣгалъ къ намъ и привязался къ отцу и матери моимъ. Не разъ потомъ, по просьбамъ брата Даніила, котораго отецъ очень чтилъ какъ святого, намъ приходилось дѣлать добро. Денегъ онъ никогда не бралъ. «Самъ находи бѣдныхъ, если хочешь истинно помогать имъ», отвѣчалъ онъ всегда, когда ему предлагали денегъ. О его жизни и дѣяніяхъ ходило множество рассказовъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, братъ Даніилъ переселился изъ Ачинска въ Енисейскъ, въ женскій монастырь, къ игуменьѣ Евгеніи, которой лѣтъ за десять передъ тѣмъ, когда она еще жила съ мужемъ, предсказалъ, что она будетъ въ Енисейскѣ игуменьей, и что тогда онъ придетъ къ ней, и она похоронитъ его. Вотъ какъ она сама описываетъ это въ своихъ запискахъ:

«Когда я еще жила въ мірѣ, то часто приглашала къ себѣ брата Даніила и въ саду хотѣла ему выстроить келью, по его желанію. Но онъ мнѣ говорилъ: «ты сама живешь на болотѣ; а когда будешь жить на твердой землѣ, тогда я къ тебѣ приду, ты меня и похоронишь». Такъ и случилось; ибо чрезъ десять лѣтъ, когда

я поступила въ игуменнѣ, пріѣхалъ ко мнѣ дорогой мой гость, и только вошелъ въ келью мою, сказалъ: «Вотъ теперь ты на твердой землѣ, и я къ тебѣ пріѣхалъ погостить; ты меня и похоронишь». Погостилъ дорогой мой гость только три мѣсяца и преставился 15-го апрѣля 1843 года въ четвергъ на Пасхѣ. Наканунѣ своей смерти, онъ съ удовольствіемъ осматривалъ мѣстность въ монастырской оградѣ и говорилъ мнѣ: «завтра меня ужъ не будетъ; вы не говорите — я уѣхалъ, а скажите: былъ, да нѣтъ Даніила». И подлинно такъ; съ вечера былъ здоровъ; въ утрени исповѣдался, а въ раннюю обѣдню причастился Св. Таинъ. Мнѣ онъ сказалъ: «прійди ко мнѣ въ третьемъ часу». Я, придя, послала за священникомъ, и онъ прочиталъ отходную. Старецъ сталъ на колѣни; я поддержала его за плечи. Онъ же сказалъ мнѣ: «Богъ тебя проститъ, мое золото». Съ этимъ словомъ онъ скончался. Когда начали его обмывать, увидѣли на тѣлѣ берестовый поясъ, уже вросшій въ тѣло и кровь запекшуюся около пояса; съ тѣмъ его и положили въ гробъ. Я съ радостію такое сокровище похоронила въ оградѣ монастыря. Скончался онъ около шестидесяти лѣтъ. На похороны его столько стеклось народу, что надобно было подивиться. Еще не знали хорошо странника въ нашемъ городѣ, а всѣ собрались въ церковь отъ мала до велика».

II.

Переводъ моего отца на службу въ Красноярскъ. — Намѣреніе его возвратиться въ Россію. — Пріѣздъ въ Тобольскъ. — Назначеніе его совѣтникомъ Тобольскаго губернскаго правленія. — Декабристы. — Ссылные поляки. — Генераль-губернаторъ князь Горчаковъ. — Крестьянскій бунтъ и его усмиреніе моимъ отцомъ. — Княгиня Н. Д. Горчакова. — Переводъ генераль-губернаторскаго управленія въ Омскъ. — Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина. — Ея жизнь до замужества. — Что послужило Пушкину темой для поэмы «Евгеній Онѣгинъ». — Самоотверженный подвигъ Н. Д. Фонъ-Визиной.

Въ Красноярскѣ, куда переведенъ былъ изъ Ачинска отецъ мы опять встрѣтились съ старыми знакомыми Фонъ-Визинными и снова прожили года полтора вмѣстѣ съ ними. Тамъ поселены были еще нѣкоторые изъ декабристовъ: два брата Бобрищевы-Пушкины, Краснокутскій, Митьковъ. Такъ какъ Красноярскъ губернскій городъ, то и составъ чиновниковъ былъ болѣе порядоченъ и образованный. Жизнь тамъ была болѣе пріятная, чѣмъ въ уѣздныхъ городахъ. Декабристъ Краснокутскій былъ холостой, разбитый параличемъ, почему всѣ его товарищи и знакомые собирались къ нему, бесѣдовали, играли иногда въ карты. Переведенный впослѣдствіи въ Тобольскъ, онъ тамъ и умеръ.

Красноярскъ довольно большой, красивый городъ, тоже съ замѣчательными живописными окрестностями и изобиліемъ флоры,

какъ и въ Енисейскѣ. Зимы тамъ жестокия до 40 градусовъ мороза, но безъ снѣга. Постоянный сильный вѣтеръ, дующій въ ущельѣ, сносить совершенно снѣгъ. На Рождествѣ часто приходилось ѣздить по замерзшей землѣ на колесахъ. Я помню, какъ мы дѣти боялись ѣздить по замерзшей рѣкѣ, гладкой какъ ледъ, совсѣмъ безъ снѣга. По отъѣздѣ Фонъ-Визиныхъ изъ Красноярска въ Тобольскъ, куда ихъ по просьбѣ родныхъ перевели, отецъ мой не долго оставался въ Красноярскѣ. Ему надобно жить въ Сибири, и онъ задумалъ возвратиться въ Россію, куда мы и отправились обратно въ декабрѣ мѣсяцѣ 1839 года.

Тобольскъ лежалъ намъ не по пути, но мы нарочно заѣхали туда, чтобъ повидаться и проститься въ послѣдній разъ съ Фонъ-Визиными. Тогда въ Тобольскѣ генераль-губернаторомъ былъ князь Петръ Дмитриевичъ Горчаковъ, родственникъ и другъ Фонъ-Визиныхъ. Михайлъ Александровичъ Фонъ-Визинъ уговорилъ отца остаться въ Тобольскѣ и рекомендовалъ его князю Горчакову, какъ честнаго человѣка; отцу предложили мѣсто совѣтника въ губернскомъ правленіи, которое онъ и принялъ. Въ Тобольскѣ мы прожили, не разлучаясь уже съ Фонъ-Визиными, въ постоянной, а потомъ тѣсной дружбѣ, ровно шестнадцать лѣтъ. Въ Тобольскъ же вскорѣ переведены были, изъ Красноярска, братья-Бобрищевы-Пушкины, тоже наши хорошіе знакомые, а впоследствии и дорогие друзья, а вскорѣ затѣмъ и еще нѣсколько семействъ изъ декабристовъ: Анненковъ, Александръ Михайловичъ Муравьевъ, докторъ Вольфъ, Петръ Николаевичъ Свистуновъ, баронъ Штейнгель, Башмаковъ, Степанъ Михайловичъ Семеновъ, князь Барятинскій. Недалеко отъ Тобольска, верстъ за 200, въ уѣздномъ городѣ Ялуторовскѣ, поселились также на житіе декабристы: Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, Иванъ Дмитриевичъ Якушкинъ, Иванъ Ивановичъ Пущинъ, баронъ Тизенгаузенъ, Ентальцевъ, Басаргинъ. Всѣ они нерѣдко пріѣзжали въ Тобольскъ, конечно, съ разрѣшенія губернатора, и, принадлежа большею частію къ высшему обществу, отличались образованіемъ и простотой обращенія.

Первые годы нашей жизни въ Тобольскѣ шли однообразно; мы, дѣти, заняты были ученіемъ, отецъ службою. Въ Тобольскѣ, какъ и въ Енисейскѣ, нашими учителями были большею частью сосланные поляки. Между ними особенно отличался нѣкто графъ Мархидскій, дававшій намъ уроки музыки на фортепіано. Многіе были приняты въ обществѣ и участвовали на балахъ и вечерахъ и были, конечно, изъ первыхъ танцоровъ.

Фонъ-Визины въ Тобольскѣ вели жизнь хотя скромную, но имѣли уже довольно обширное знакомство, благодаря своимъ прекраснымъ качествамъ, а также родству съ генераль-губернаторомъ княземъ Горчаковымъ, который бывалъ у нихъ всегда запросто, какъ близкій родственникъ. Надо сказать, что Горчаковъ въ первые годы

своего губернаторства, когда главная его резиденція была въ Тобольскѣ, велъ себя безукоризненно и мудро управлялъ краемъ, преслѣдовалъ и искоренялъ взяточничество, умѣлъ выбирать и окружать себя людьми честными и добросовѣстными. Онъ понялъ моего отца и отличилъ своимъ довѣріемъ, поручая ему многія запутанныя дѣла, требовавшія добросовѣстнаго исполненія; съ Божіей помощью, отецъ неутомимо, не падая своихъ силъ, исполнялъ ихъ съ успѣхомъ. Нѣкоторыя порученія приходилось ему исполнять съ опасностію жизни; такъ, напримѣръ, въ одномъ уѣздѣ произошелъ бунтъ крестьянъ, причиной котораго былъ одинъ изъ проѣзжавшихъ торговцевъ, рассказывавшій вольнымъ крестьянамъ, будто бы государь хочетъ и ихъ, по примѣру Россіи, закабалить въ крѣпостные и отдать помѣщикамъ, не смотря на то что въ Сибири никогда не существовало крѣпостнаго права, народъ былъ все вольный и жилъ на богатыхъ сибирскихъ пажитяхъ, имѣя въ своемъ распоряженіи землю, лѣсъ и всѣ угоды этого богатаго края. Въ подтвержденіе своихъ рассказовъ, торговецъ сочинилъ, что будто бы онъ даже обогналъ цѣлый обозъ лаптей, которыхъ сибиряки никогда не носили, но которые заставятъ ихъ надѣтъ, какъ эмблему крѣпостнаго надъ ними права. Народъ былъ настолько глупъ, что повѣрилъ этимъ баснямъ и взбунтовался противъ предстоящей крѣпостной кабалы; пріѣхали исправникъ и засѣдатель и стали ихъ уговаривать; не сѣмѣвъ хорошо убѣдить, они хотѣли силою заставить ихъ молчать; однако, этимъ до того разъярили народъ, что онъ бросился на начальство и буквально на куски разорвалъ несчастныхъ исправника и засѣдателя. Сейчасъ же дали знать въ Тобольскъ князю Горчакову, который и послалъ для усмиренія бунтовщиковъ моего отца, какъ довѣренное лицо. Можно себѣ представить, какъ тяжело было отцу ѣхать туда, чуть не на явную смерть. Но такъ какъ онъ былъ глубоко вѣрующій человекъ, то, предавшись на волю Всевышняго, напутствуемый молитвами семьи и совѣтами добрыхъ друзей Фонъ-Визинныхъ, бодро отправился къ своей цѣли.

Толпа, когда отецъ приблизился къ ней, еще бушевала и не хотѣла сначала слушать никакихъ доводовъ; но мало-по-малу, услыша кроткія убѣжденія и разъясненіе лжи легкомысленнаго торговца, начала стихать и, наконецъ, убѣдилась въ малодушномъ довѣріи къ баснямъ рассказчика. Раскаившись, она выдала зачинщиковъ и съ благодарностью отнеслась къ отцу за то, что онъ сѣмѣлъ наставить ихъ на истину, чѣмъ спасъ многихъ отъ гибели. Благополучное усмиреніе бунта еще болѣе возвысило въ глазахъ князя Горчакова моего отца, который послѣ этого сдѣлался окончательно его любимцемъ.

Княгиня Наталья Дмитриевна Горчакова, урожденная Черевина, находилась въ близкомъ родствѣ съ Натальей Дмитриевной Фонъ-

Визинной и ежедневно видѣлась съ нею. Бывало придеть со всѣми своими дѣтьми къ Фонъ-Визинымъ и отводить душу по цѣлымъ вечерамъ въ обществѣ у нихъ. Она была женщина очень скромная и въ высшей степени застѣнчивая, близорукая, терялась при появленіи каждаго новаго человѣка, такъ что официальные приемы у генераль-губернатора были для нея просто невыносимы; она любила жизнь болѣе тихую и скромную, много занималась воспитаніемъ дѣтей, часто ѣздила въ Россію, а подъ конецъ и совсѣмъ переселилась туда; мужу не нравились ея частыя уклоненія отъ общественныхъ приемовъ и ея частыя отлучки, но онъ не могъ ничего сдѣлать.

Князь Горчаковъ перевелъ свою резиденцію изъ Tobольска въ Омскъ, за шестьсотъ верстъ отъ Tobольска, ближе къ киргизской степи, куда, какъ онъ увѣрялъ, дѣлали часто набѣги киргизы, почему его корпусной квартирѣ и слѣдовало быть ближе къ этой мѣстности. Съ удаленіемъ главной квартиры, управленія генераль-губернатора, войска, чиновъ штаба, въ Омскъ, Tobольскъ совершенно опустѣлъ, сдѣлался скромнымъ губернскимъ городомъ и жизнь въ немъ началась довольно скучная. Собственно для меня это была лучшая пора, потому что въ этотъ періодъ мы больше сблизились съ Фонъ-Визиными; на меня, какъ на дѣвочку съ пылкимъ воображеніемъ и воспріимчивой натурой, Наталья Дмитріевна имѣла громадное нравственное вліяніе. Она была замѣчательно умна, образована, необыкновенно краснорѣчива и въ высшей степени духовно-религіозно развита. Въ ней такъ много было увлекательнаго, особенно когда она говорила, что передъ ней невольно преклонялись всѣ, кто только слушалъ ее. Она много читала, переводила, память у нея была громадная; она помнила даже всѣ сказки, которыя рассказывала ей въ дѣтствѣ ея няня, и такъ умѣла хорошо, живо, картинно представить все, что видѣла и слышала, что самый простой рассказъ, переданный ею, увлекалъ каждаго изъ слушателей. Характера она была чрезвычайно твердаго, рѣшительнаго, энергичнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно веселаго и проста въ обращеніи, такъ что въ ея присутствіи никто не чувствовалъ стѣсненія. Высокая религіозность ея проявлялась не въ однихъ внѣшнихъ формахъ обрядоваго исполненія, но въ глубокомъ развитіи вѣдѣнія духовнаго; она въ полномъ смыслѣ слова жила внутренней, духовной жизнью. Читала она всевозможныя духовныя книги, не говоря уже о Библіи, которую знала всю почти наизусть, читала творенія св. отцовъ нашей православной церкви и писателей католической и протестантской церквей, знала нѣмецкую философію, къ тому же обладала еще необыкновенно яснымъ и глубокимъ взглядомъ на жизнь.

Съ ней рѣдко кто могъ выдержать какой-нибудь споръ, духовный ли, философскій, или политическій. Какъ бывало мудро и глу-

боко умѣла она соединить міровыя событія съ библейскими пророческими предсказаніями. Не разъ приходилось ей развивать архіереямъ такія евангельскія истины, въ которыя они сами не вникали, и поражать ихъ глубиною своего духовнаго вѣдѣнія. Одинъ изъ тобольскихъ архипастырей настолько поразился ея знаніями, что заставилъ ее написать объясненіе на молитву «Отче нашъ», которое до сихъ поръ сохранилось. Объясненіе этой молитвы ясно выказываетъ глубокое чувство вѣрующаго человѣка. Жизнь ея съ дѣтства была необыкновенная. Она была единственная дочь богатаго человѣка, Апухтина, женатаго на Марѣ Павловнѣ Фонъ-Визинной. Онъ долго былъ предводителемъ въ Костромѣ, гдѣ были у него большія помѣстья. Въ этихъ-то костромскихъ лѣсахъ и воспитывалась поэтичная натура его дочери. Она любила поля, лѣса и, вообще, привольную жизнь среди народа и природы, не стѣсненную никакими живыми личинами свѣтской жизни въ городахъ.

Мать ея была очень благочестивая женщина, любила принимать разныхъ странниковъ, монахинь, и, конечно, воспитала дочь въ благочестивомъ направленіи. Но экзальтированная юная душа дочери не удовлетворилась однѣми наружными формами религіи. Она страстно предалась чтенію разныхъ духовныхъ книгъ. Изъ жизнеописаній святыхъ она увлекалась болѣе всего мученическими и аскетическими изъ любви ко Христу подвигами ихъ. Сердце ея загорѣлось тою же любовію къ Господу, и она начала подражать имъ.

Съ 14-ти лѣтъ она несла втихомолку разныя своего рода подвиги. Носила изъ веревки вареной въ соли на тѣлѣ поясъ, отъ котораго много страдала, потому что онъ разъѣдалъ ея нѣжное тѣло. Надо замѣтить, что она была очень красива собой, и чтобъ на нее менѣе обращали вниманія, она стояла по цѣлымъ часамъ на солнечномъ упекѣ и радовалась, когда кожа ея на лицѣ трескалась отъ жгучихъ лучей.

Когда ей исполнилось 16-ть лѣтъ, то къ ней стало свататься много жениховъ, о которыхъ она и слышать не хотѣла, рѣшившись въ сердцѣ посвятить себя Богу и идти въ монастырь. Родители, узнавъ о ея желаніи, возстали противъ него и потребовали, чтобы она вышла замужъ. Тогда она задумала тайно удалиться въ монастырь. Не смотря на молодость лѣтъ, она устроила все очень умно; заинтересовала своимъ горячимъ призваніемъ мѣстнаго деревенскаго священника, ея духовника, который помогъ ей уйти изъ дома родительскаго, далъ ей одежду сына своего семинариста, обрѣзалъ ея прекрасные волосы и нарекъ ее именемъ Назарія. Она ночью вышла изъ дома и шла лѣсомъ одна, безъ всякаго провожатаго, распѣвая тихо псалмы и молясь внутренно Господу. Страха, какъ она рассказывала потомъ мнѣ, не ощущала никакого, только спѣшила, чтобъ до утра уйти какъ можно дальше отъ родныхъ мѣстъ. Къ утру, впрочемъ, она очень ослабѣла; но боялась зайти

въ деревню, поворотила въ глушь лѣса и, сѣвъ на пень, подкрѣпила себя кускомъ чернаго хлѣба, взятымъ ею изъ дома священника. Отдохнувъ немного, она пошла далѣе и прошла, такимъ образомъ, верстъ 70-ть до вечера слѣдующаго дня. Платье ея, т. е. рубашка и кафтанчикъ семинариста, изорвалось; изъ ногъ струилась кровь, такъ какъ шла она больше босикомъ; но она радовалась и восхваляла Бога, что за Него терпитъ, спѣшила дойти до святой обители, которая была уже въ нѣсколькихъ только верстахъ отъ нея. Какъ вдругъ слышитъ стукъ экипажа по дорогѣ. Она свернула скорѣе въ сторону и въ проѣзжающемъ узнала одного изъ своихъ прежнихъ жениховъ, г. Верховскаго. Онъ проѣхалъ было мимо ея, но потомъ, замѣтивъ мальчика, вернулся прямо къ ней спросить не видѣлъ ли онъ барышню, и каково было его удивленіе, когда въ мальчикѣ узналъ тотчасъ же ее. Бороться съ нимъ она, конечно, не могла; онъ посадилъ ее къ себѣ на дрожки и привезъ обратно къ родителямъ.

Утромъ, въ день ея побѣга, когда родители узнали, что дочь пропала, конечно, поднялась страшная суматоха, разослали людей въ поиски, недоумѣвая куда могла она уйти. Однако, успѣли выпытать тайну ея побѣга въ монастырь отъ ея пріятельницы, дѣвушки ея лѣтъ, жившей у нихъ же въ домѣ. Въ эту суматоху пріѣзжаетъ къ нимъ Верховскій и, узнавъ въ чемъ дѣло, поскакалъ тотчасъ же самъ въ погоню за ней по направленію къ женскому монастырю, гдѣ на дорогѣ, какъ описано выше, и успѣлъ догнать ее.

Возвратившись въ домъ родительскій, она покорилась своей участи и дала обѣщаніе слезно умолявшей ее матери не уходить, пока они живы, въ монастырь; но съ условіемъ не принуждать ее выходить замужъ. Такъ прожила она спокойно нѣсколько лѣтъ.

Ея страстная натура не избѣгла, однако, нѣкоторыхъ увлеченій. Домъ богатаго ея отца, любившаго жить открыто, всегда былъ полонъ гостей, родныхъ, знакомыхъ, пріѣзжавшихъ часто изъ Москвы въ великолѣпное ихъ имѣніе, стоящее на берегу живописной рѣки Унжи Костромской губерніи.

Одинъ изъ молодыхъ людей, посѣщавшихъ ихъ изъ Москвы, съумѣлъ какъ-то тронуть и увлечь сердце молодой деревенской красавицы; она съ довѣрчивостью своего благороднаго юнаго сердца слухала напѣвы легкомысленнаго юноши, вѣрила имъ и надѣялась было уже найти съ нимъ счастье, но разочарованіе ея было жестоко, когда юноша, развѣдавъ, что состояніе ея отца очень разстроено, что широкая жизнь запутала его дѣла, и что онъ за дочерью не можетъ дать того, чего онъ ожидалъ, перемѣнивъ обращеніе, сталъ отъ нея удаляться, и уѣхалъ, не объяснившись даже съ ней, въ Москву.

Ея благородное сердце было сильно уязвлено и оскорблено ни-

зостью поступка молодого человѣка. Вскорѣ послѣ этого, пріѣхалъ къ нимъ въ деревню двоюродный ея дядя, Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ, человѣкъ въ высшей степени добрый, честный, умный и очень образованный. Онъ зналъ ее съ дѣтства и любилъ ее всегда, какъ милую дѣвочку; но за время, какъ онъ не видѣлъ ее долго, она успѣла расцвѣсти и изъ наивной хорошенькой дѣвочки превратиться въ красавицу, полную огня, хотя и съ оттѣнкомъ какой-то грустной сосредоточенности. Михаилъ Александровичъ, будучи мягкаго нѣжнаго сердца, не устоялъ и плѣнился настолько своей племянницей, что привязался къ ней страстно. Она, видя горячую его привязанность къ ней, не осталась равнодушною къ его чувству тѣмъ болѣе, что имѣла случай оцѣнить благородныя его качества и высоко-безкорыстное сердце, высказавшееся, какъ она узнала, въ слѣдующемъ великодушномъ относительно ея отца поступкѣ. Отецъ ея задолжалъ ему порядочную сумму денегъ, и когда Михаилъ Александровичъ узналъ о разстройствѣ его дѣлъ, то разорвалъ вексель и бросилъ въ каминъ. Старикъ отецъ хотя былъ очень тронутъ его благороднымъ великодушіемъ, но гордой душѣ его тяжело было все-таки перенести униженіе предъ другомъ. Замѣтивъ нѣжныя его чувства къ дочери, онъ очень обрадовался, когда Михаилъ Александровичъ заявилъ ему о желаніи на ней жениться, если получить ея согласіе. У гордаго отца послѣ этого объясненія точно камень свалился съ сердца. Онъ, зная нерасположеніе дочери вообще къ замужеству, передалъ ей предложеніе дяди и при этомъ разсказалъ ей о великодушномъ его поступкѣ относительно векселя, прибавивъ, что онъ былъ бы вполне счастливъ, еслибъ она не отвергла его предложеніе и тѣмъ какъ бы уплатила за отца и спасла бы его гордость и честь. Наталья Дмитриевна и сама настолько уже успѣла привязаться къ Михаилу Александровичу, что, узнавъ о такомъ безкорыстномъ его поступкѣ и, будучи глубоко вѣрующею душою, приняла все это какъ за указаніе воли Божіей, чтобъ рѣшеніемъ выйти замужъ за дядю, спасти честь любимаго отца, и тотчасъ же согласилась быть женою этого благороднаго человѣка.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они обвѣнчались въ костромскомъ ихъ родовомъ имѣніи Давыдовѣ и вскорѣ переѣхали на житіе въ Москву, гдѣ Наталья Дмитриевна, окруженная многочисленною роднею, какъ со стороны мужа, такъ и своей, должна была постоянно посѣщать свѣтъ. Не любя его, она скучала пустотой свѣтской жизни, тосковала и рвалась къ своимъ завѣтнымъ роднымъ полямъ и лѣсамъ. Роскошныя балы, гдѣ она блистала своею красотою, нисколько ее не привлекали. Посреди этой свѣтской лжи и лести, духовная внутренняя ея жизнь, какъ бы уходила еще глубже въ сердце, росла и крѣпла въ ней. Столкновеніе съ разнородными людьми выработало еще болѣе серьезную сторону и изъ наивной

экзальтированной дѣвочки она превратилась въ женщину необыкновенно умную, сосредоточенную, глубоко понимающую свои обязанности. Это доказываетъ очень характеристичный эпизодъ ея встрѣчи на одномъ балѣ съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, который когда-то такъ увлекалъ ее своими льстивыми увѣреніями, и такъ горько разбилъ ея чистыя мечты.

На балѣ онъ былъ пораженъ встрѣчею съ женою заслуженнаго и всѣми уважаемаго генерала, блестящею красотой и умомъ, не наивною уже дѣвочкою когда-то и его самого увлекавшей, но очаровательной женщиной, окруженной толпою поклонниковъ. Его низкая натура проявилась еще разъ тѣмъ, что онъ не задумался стать тоже въ число ея поклонниковъ, рассчитывая на прежнюю ея къ нему симпатію; но былъ уничтоженъ благороднымъ и гордымъ ея отпоромъ, какъ низкій ухаживатель за чужой уже женой. Тема «Евгеній Онѣгинъ» взята Пушкинымъ именно изъ жизни Натальи Дмитріевны; этотъ эпизодъ и многія подробности были ему переданы однимъ изъ общихъ ихъ знакомыхъ. Когда вышли первые главы поэмы «Евгеній Онѣгинъ», то Михаилъ Александровичъ находился уже въ крѣпости.

Однажды, одинъ изъ родственниковъ Натальи Дмитріевны: Молчановъ, прибѣгаетъ къ ней и говорить, «Наташа, знаешь, вѣдь ты попала въ печать! Подлецъ Солнцевъ передалъ Пушкину твою исторію, и онъ своимъ поэтическимъ талантомъ опоэтизировалъ тебя въ своей поэмѣ «Евгеній Онѣгинъ!»

Наталья Дмитріевна до конца жизни сохранила свой твердый рѣшительный характеръ. Она знала, что мужъ ея принадлежалъ къ тайному обществу; но не предполагала, однако, чтобъ ему грозила скорая опасность. Когда же послѣ 14-го декабря къ нимъ въ деревню Крюково, имѣніе принадлежащее Михаилу Александровичу, по Петербургскому тракту, гдѣ они проводили зиму, явился братъ Михаила Александровича въ сопровожденіи другихъ незнакомыхъ ей лицъ, то она поняла тотчасъ же, что пріѣздъ незнакомыхъ людей относится къ чему-то необыкновенному. Отъ нея старались скрыть настоящую причину и сказали, что ея мужу необходимо нужно ѣхать въ Москву по дѣламъ, почему они и пріѣхали за нимъ по порученію товарищей его. Безпокойство, однако, запало въ ея сердце, особенно когда стали торопить скорѣйшимъ отъѣздомъ; она обратилась къ нимъ съ просьбой не обманывать ее: — «Вѣрно вы везете его въ Петербургъ?» — приставала она къ нимъ съ вопросомъ. Они старались увѣрить ее въ противномъ. Мужъ тоже, чтобъ не огорчить ее вдругъ, старался поддержать обманъ, простился съ нею наскоро, сжавъ судорожно ее въ своихъ объятіяхъ, благословилъ двухлѣтняго сына, сѣлъ въ сани съ незнакомцами, и они поскакали изъ деревни. Наталья Дмитріевна выбѣжала за ними за ворота и, не отрывая глазъ, смотрѣла за уѣзжавшими, когда же

увидѣла, что тройка, уносящая ея мужа повернула не на московскій трактъ, а на петербургскій, то, понявъ все, упала на снѣгъ и люди безъ чувствъ унесли ее въ домъ. Оправившись отъ перваго удара, она сдѣлала нужныя распоряженія и на другой же день, взявъ съ собою ребенка и людей, отправилась прямо въ Петербургъ, гдѣ узнала о бывшемъ 14-го декабря бунтѣ на площади и о томъ, что мужъ ея арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость.

Она не упала духомъ, разузнала о другихъ арестованныхъ лицахъ, познакомилась съ ихъ женами и подговорила ихъ какъ-нибудь проникнуть къ заключеннымъ мужьямъ. Однажды, она сказала женѣ товарища мужа, Ивана Дмитриевича Якушкина, съ которой была дружна:—«Наймемъ лодку и поѣдемъ кататься по Невѣ мимо крѣпости?» И двѣ молодыя предприимчивыя женщины, нанявъ яликъ, долго плавали около крѣпости, наконецъ, замѣтили какихъ-то гуляющихъ арестантовъ, но побоялись приблизиться къ нимъ, не зная навѣрно кто они, и опасаясь быть замѣченными.

Разузнавъ потомъ хорошенько у служителей крѣпости, за деньги, конечно, какъ помѣщены ихъ узники, онѣ узнали также, что ихъ водятъ въ извѣстный часъ каждый день гулять по берегу Невы вдоль крѣпости. Тогда онѣ смѣлѣе стали продолжать ежедневно свои прогулки на яликѣ по Невѣ, и когда завидѣли вдали опять гуляющихъ арестантовъ, то подъѣхали ближе настолько, чтобъ они могли ихъ замѣтить, стали махать имъ платками и дѣлать разные знаки, по которымъ заключенные и узнавали своихъ женъ. Потомъ достигли уже того, что стали передавать имъ записочки и получать отвѣты на разныхъ грязныхъ бумажкахъ или табачныхъ бандероляхъ, которыя сохранились у меня до сихъ поръ. Она, какъ только ей стало извѣстно рѣшеніе участи мужа, что онъ высылается въ Сибирь на каторгу, рѣшилась послѣдовать за нимъ въ изгнаніе; но не могла ранѣе года исполнить свое желаніе. Когда мужъ ея уже сидѣлъ въ крѣпости, у нея родился второй сынъ, послѣ котораго она долго не могла поправиться. Мужа же въ продолженіе этого времени отправили въ Сибирь, и она не имѣла никакого извѣстія о немъ, такъ что не знала живъ ли онъ тамъ или нѣтъ.

Родители ея возставали противъ ея рѣшенія ѣхать за мужемъ на каторгу. Она была у нихъ единственная дочь, и разлука съ ней почти на вѣкъ казалась для нихъ невозможной. Но твердая рѣшимость дочери исполнить священную обязанность относительно изгнанника-мужа заставила ихъ покориться своей скорбной участи и разстаться съ любимой дочерью. Предчувствіе ихъ не обмануло, они уже не видали ее больше. Отецъ не долго пережилъ сразившее его горе, а мать отъ постоянныхъ слезъ сначала ослѣпла, и когда начала терять зрѣніе, то умоляла императора Николая Павло-

вича о позволеніи дочери пріѣхать изъ Сибири повидаться съ нею, хотъ на одинъ только день. Но просьба слѣпнувшей старухи-матери не была уважена императоромъ. Дочери поставлено было условіе: разъ выѣхавъ изъ Сибири, не возвращаться больше назадъ къ мужу, на что, конечно, дочь не согласилась, и старуха-мать такъ и ослѣпла, а потомъ умерла, не повидавшисьъ съ дочерью на землѣ.

Устроивъ своихъ двухъ малолѣтнихъ сыновей у дяди Ивана Александровича Фонъ-Визина, родного брата Михаила Александровича, человека высокихъ нравственныхъ правилъ, честнаго, добраго, благочестиваго и горячо любившаго брата, Наталья Дмитріевна поѣхала одна съ дѣвушкою и съ фельдъегеремъ на козлахъ, оторванная отъ родной семьи, родины, друзей, въ невѣдомую даль, съ будущимъ, покрытымъ таинственнымъ мракомъ.

До Тобольска она доѣхала благополучно, но тамъ захворала и должна была пробыть нѣсколько времени. На ея счастье въ Тобольскѣ тогда былъ губернаторомъ одинъ изъ ея родственниковъ, Д. Н. Бантышъ-Каменскій, который принялъ въ ней живое участіе, помѣстилъ ее у себя въ домѣ и обращался съ нею, какъ съ близкою родною, устроилъ отъѣздъ ея дальше съ лучшими удобствами, далъ ей въ провозатые по своей губерніи чиновника; такимъ образомъ, она благополучно доѣхала до Иркутска и дальше въ Читѣ, сдѣлавшуюся тюрьмою для 120 государственныхъ преступниковъ. Встрѣча ея съ мужемъ въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, сколько была радостная, столько же и тяжелая. Но твердость духа и упованіе на Господа не оставляли ее и въ эти тяжкія минуты. Она поняла вполнѣ свое высокое назначеніе быть нравственною поддержкою для мужа, почему и взялась съ истиннымъ самоотверженіемъ за свой великій подвигъ. По прошествіи полутора года, проведенныхъ въ Читѣ, въ тюрьмѣ, всѣхъ декабристовъ перевели въ Петровскій заводъ за 700 верстъ отъ Читы; тамъ нарочно для нихъ была выстроена тюрьма. Туда послѣдовали за ними и жены ихъ.

III.

Вліяніе декабристовъ на сибиряковъ. — Уваженіе къ декабристамъ каторжниковъ. — Случай съ княгиней Трубецкой. — Характеристика М. А. Фонъ-Визина. — Обзоръ жизни Фонъ-Визиныхъ въ Тобольскѣ. — Архіепископъ Аонасій. — А. М. Муравьевъ. — Докторъ Ф. Б. Больфъ. — И. А. Анненковъ. — Его жена Прасковья Егоровна. — Віолончелистка Христіани. — Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій. — П. Н. Свистуновъ. — П. С. Бобринцевъ-Пушкинъ. — Холера въ Тобольскѣ.

Декабристы въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ они жили, пріобрѣтали необыкновенную любовь народа. Они имѣли громадное нравственное вліяніе на сибиряковъ: ихъ прямота, всегдашняя со

всѣми учтивость, простота въ обращеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенность чувствъ, ставили ихъ выше всѣхъ, а, между тѣмъ, они были равно доступны для каждаго, обращающагося къ нимъ за совѣтомъ ли, съ болѣзнію ли, или со скорбію сердечною. Всѣ находили въ нихъ живое участіе, откликъ сердечный къ своимъ нуждамъ.

Даже осужденные за разные преступленія простые каторжники, и тѣ, не смотря на свою закоренѣлость, выказывали имъ своего рода уваженіе и предпочтеніе. Вотъ нѣкоторые тому примѣры. Первые изъ декабристовъ, восемь человѣкъ, были сосланы на каторгу въ Нерчинскіе заводы: князя Волконскій, Трубецкой, два брата Борисовы, Давыдовъ, Артамонъ Муравьевъ, князь Оболенскій и Якубовичъ; они были помѣщены въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ простыми каторжниками. Послѣдніе поняли, что эти люди хотя и осуждены тоже на каторгу, но все-таки не такіе злодѣи, какъ они. Что же дѣлаютъ каторжники? Сговариваются и рѣшаются сдѣлать зававѣсь, собираютъ разное тряпье и отдѣляютъ себя отъ нихъ импровизированною зававѣсью.

Другой случай былъ съ княгиней Трубецкой въ Читѣ или Петровскѣ: она жила съ своею горничной дѣвушкой въ нанятомъ крестьянскомъ домикѣ, который раздѣлялся сѣнями на двѣ половины; въ одной жила сама хозяйка, женщина довольно грубая и недобрая; въ другой же половинѣ помѣщалась княгиня Трубецкая. Она была удивительной доброты, кроткая и милая въ обращеніи. Когда во время своихъ одинокихъ прогулокъ по лѣсамъ и горамъ, княгиня встрѣчалась съ бѣглыми каторжниками, то старалась всегда съ ними быть ласковой, давала имъ иногда денегъ, и они ее боготворили, почитали и, конечно, не дѣлали ей никогда ни малѣйшаго зла. Однажды, они задумали обокрасть ночью хозяйку, у которой жила Трубецкая, но чтобъ не пугать послѣднюю, предупредили объ этомъ ея дѣвушку и просили передать княгинѣ, что если она услышитъ ночью шумъ на хозяйской половинѣ, то не пугалась бы, что они ее не тронутъ. Дѣвушка съ вечера побоялась все-таки сказать барынѣ, но, разбуженная стукомъ, сообщила тогда княгинѣ о случившемся. Злодѣи приперли снаружи шестомъ даже дверь, чтобъ княгиня въ испугѣ не выскочила ночью.

Въ Петровскѣ жены декабристовъ приобрѣли свои деревянные дома и украсили ихъ со вкусомъ сколько могли. Ихъ мужьямъ было разрѣшено приходить на свиданіе съ женами въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, тогда какъ прежде они могли видѣться только въ тюрьмѣ, гдѣ иногда испытывали большія непріятности.

Особенное счастье было для заключенныхъ, что назначенный главнымъ надъ ними тюремщикомъ, или комендантомъ, генералъ Лепарскій, былъ человѣкъ образованный, добрый и умный, такъ что

они все уважали и любили его. У них у всех почти сохранились его портреты.

По окончаніи срока каторги, многіе изъ декабристовъ были посланы на поселеніе въ сибирскіе города. Фонъ-Визины попали въ Енисейскъ, Красноярской губерніи, куда, какъ я уже рассказала раньше, вскорѣ и мы пріѣхали и познакомились тамъ съ ними. Здоровье Натальи Дмитріевны не выдержало, однако, тяжелыхъ испытаній и разстроилось серьезно. Особенно много болѣла и страдала она въ Читѣ и Петровскѣ; мѣстность, окруженная горами, дурно повліяла на ея нервы, и она получила тамъ сильную нервную болѣзнь, отъ которой страдала въ продолженіе десяти лѣтъ. Она была очень радушная, гостепріимная хозяйка и любила такъ же, какъ и мужъ ея, угощать; впрочемъ, онъ всегда самъ занимался столомъ. Въ Тобольскѣ, при обилии рыбы и разнородной дичи, столъ у нихъ былъ всегда прекрасный. Сухіе же продукты, какъ-то: миндаль, черносливъ, грецкіе и другіе орѣхи, кофе, горчица, конфекты, масло прованское и т. п., присылались имъ пудами прямо изъ Москвы, такъ что недостатка они ни въ чемъ не имѣли.

Сначала они нанимали квартиры, а потомъ купили собственный деревянный домъ съ садомъ; такъ какъ Наталья Дмитріевна была большая любительница цвѣтовъ, то разбила и украсила свой садъ превосходными цвѣтами, выписывая сѣмена изъ Риги отъ извѣстнаго въ свое время садовода Варгина, завела оранжерею и теплицу; у нея даже были свои ананасы. Не рѣдко собирались у нихъ по вечерамъ друзья, бесѣдовали и спорили. Фонъ-Визины получали разные журналы, русскіе и иностранные, слѣдили за политикой и, вообще, за всемъ, что дѣлалось въ Европѣ. Все ихъ интересовало. Умныя, увлекательныя ихъ бесѣды были весьма поучительны.

Въ Сибири у Фонъ-Визиныхъ родилось двое дѣтей, которыя тамъ же и умерли въ малолѣтствѣ. Тогда они начали воспитывать чужихъ дѣтей. Подружившись очень съ тобольскимъ протоіереемъ, Степаномъ Яковлевымъ Знаменскимъ, очень почтеннымъ и почти святой жизни человекомъ, обремененнымъ большою семьей, они взяли у него на воспитаніе одного изъ сыновей, Николая, который и жилъ у нихъ, продолжая ученіе свое въ семинаріи. По окончаніи же курса, они доставили ему возможность пройти въ казанской духовной академіи курсъ высшаго образованія. Онъ и до сихъ поръ живъ и служитъ въ Тобольскѣ по гражданской части. Затѣмъ, они воспитывали еще двухъ дѣвочекъ, которыхъ потомъ привезли съ собою въ Россію и выдали замужъ.

Отличительнымъ свойствомъ Мах. Алекс. Фонъ-Визина было необыкновенное добродушіе; любящее сердце его никогда не помнило зла, и онъ всегда старался смягчить ласковымъ, непритворнымъ обхожденіемъ даже тѣхъ, кто къ нему относился недоброжелательно. Поразительный примѣръ этой черты представляется очень характери-

стично въ слѣдующемъ эпизодѣ его ссыльной жизни въ Енисейскѣ. Когда послѣ шестилѣтней каторги Фонъ-Визины были поселены тамъ, то въ отдаленномъ уѣздномъ городѣ неразвитыя и грубыя уѣздныя власти съ высокомеріемъ стали обращаться съ ними. Особенною невѣжественностью отличался непосредственный его начальникъ нѣкто Т — овъ. Всѣ получаемыя письма изъ Россіи доставлялись не иначе, какъ черезъ него, онъ ихъ прежде самъ прочитывалъ, а потомъ уже передавалъ кому слѣдуетъ. Михайлъ Александровичъ самъ долженъ былъ ходить за ними къ нему, и онъ не удостоивалъ даже своеручно ихъ передавать, а только указывалъ рукою на лежащія на столѣ письма, тотъ бралъ ихъ и уходилъ. Грубое это обращеніе продолжалось до пріѣзда изъ Красноярска губернатора, который какъ только пріѣхалъ, тотчасъ же посетилъ самъ Фонъ-Визиныхъ и Михайлъ Александровичъ передалъ ему, какъ грубо власти обращались съ нимъ. Губернаторъ пригласилъ Михаила Александровича на офиціальныи къ себѣ обѣдъ, на которомъ посадилъ его около себя и большею частью разговаривалъ во время обѣда съ нимъ, что не мало изумило властей. Т — овъ послѣ отъѣзда губернатора совершенно измѣнился въ своемъ обращеніи съ Михайломъ Александровичемъ, и чтобы выказать свое благорасположеніе, сталъ зазывать и поить его силой на своихъ пьяныхъ пирушкахъ. Михайлъ Александровичъ пересталъ бывать у него, но начальникъ не унимался, желая, вѣроятно, загладить свое прежнее грубое обращеніе; зазвавъ его однажды къ себѣ, велѣлъ запереть ворота и не выпустилъ отъ себя до самаго утра другого дня. Наталья Дмитріевна, будучи беременна, слабая и больная, провела всю ночь въ такой страшной тревогѣ за мужа, что чрезъ нѣсколько дней выкинула и чуть не умерла ¹⁾. Вскорѣ послѣ этого Фонъ-Визиныхъ перевели изъ Енисейска въ Красноярскъ, а черезъ годъ по ихъ личной просьбѣ въ Тобольскъ, гдѣ жилъ, какъ я говорила выше, генераль-губернаторъ Западной Сибири князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, пріѣзжалъ въ Тобольскъ искать мѣсто бывший окружной начальникъ Енисейска Т — овъ; узнавъ о родствѣ Михаила Александровича съ княземъ Горчаковымъ, онъ обратился къ нему съ просьбою похлопотать у князя о мѣстѣ. Михайлъ Александровичъ съ обычнымъ своимъ добродушіемъ, не помня стараго зла, хлопоталъ о немъ и чрезъ его ходатайство тотъ получилъ мѣсто председателя казенной палаты въ Тобольскѣ, гдѣ потомъ и умеръ. Во время же продолжительной болѣзни Т — ва никто такъ часто не навѣщалъ

¹⁾ Эпизодъ изъ енисейской жизни Фонъ-Визиныхъ, описанный мною въ журналѣ «Русская Старина» 1885 г., кн. II, въ статьѣ: «Воспоминаніе о М. А. Фонъ-Визинѣ», былъ не столь вѣрно переданъ, какъ теперь, по собраннымъ мною болѣе достовѣрнымъ свидѣніямъ.

больного, какъ тотъ же всегда добрый и любящій Михайлъ Александровичъ.

Покорности. Провидѣнію въ немъ была безграничная; никогда онъ не жаловался и всегда старался съ благодушіемъ христіанскимъ принимать всѣ тяжелыя, посылаемыя Богомъ испытанія, выражая лишь свою скорбь словами: «вѣрно такъ угодно Богу». За то же и любили его всѣ знавшіе его, уважали и цѣнили его дружбу и вниманіе.

Обыденная жизнь Фонъ-Визинныхъ была такого рода. Михайлъ Александровичъ обыкновенно вставалъ рано, долго молился, потомъ пилъ кофе, приготовляемый Матреной Петровной или такъ называемой «няней», которая раздѣляла съ ними ихъ сибирскую изгнанническую жизнь, и которую какъ они сами, такъ и всѣ ихъ товарищи, уважали и любили. Она занималась хозяйствомъ и весь домъ былъ на ея рукахъ. Любимымъ мѣстомъ Михаила Александровича былъ большой турецкій диванъ, гдѣ онъ, покойно расположась съ трубкой, пилъ свой кофе. Въ это время няня часто служила ему пріятной собесѣдницей. Вспоминалось и перебиралось вмѣстѣ съ нею о многомъ прошломъ, о милой Москвѣ, о дорогихъ сердцу дѣтяхъ, о нѣжномъ братѣ, о возможности свиданія съ ними!.. Потомъ Михайлъ Александровичъ занимался чтеніемъ, любилъ переводить съ нѣмецкаго, писалъ свои записки, читалъ журналы.

Наталья Дмитріевна большую часть утра посвящала своимъ собственнымъ занятіямъ: молилась, читала, писала свои духовныя замѣтки и только къ обѣду выходила изъ своей комнаты. Любимымъ временемъ для ея занятій было утро и ночь. Обѣдали часа въ три. Михайлъ Александровичъ всегда самъ заказывалъ обѣдъ и настолько хорошо зналъ кулинарное искусство, что часто посредственный поваръ, поступавшій къ нимъ, подъ его руководствомъ дѣлался отличнымъ. Вечеромъ же къ нимъ обыкновенно собирались товарищи. Меня, большею частью, отецъ, отправляясь въ присутствіе, завозилъ къ нимъ на цѣлый день и Михайлъ Александровичъ хлопоталъ, чтобы были заказаны любимыя мною блюда къ обѣду. Вообще, онъ ужасно любилъ побаловать во всемъ своихъ любимцевъ, какъ баловалъ и своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ. День своихъ именинъ Наталья Дмитріевна не любила праздновать и избѣгала поздравленій, почему уѣзжала постоянно въ этотъ день куда-нибудь въ деревню. Въ подобныхъ случаяхъ я была всегдашней ихъ спутницей; накануне за мной присылался экипажъ, и рано утромъ Наталья Дмитріевна, Михайлъ Александровичъ, Николай Знаменскій, маленькая воспитанница Паша, я и няня, съ запасомъ приготовленнаго холоднаго обѣда и различныхъ угощеній, отправлялись иногда верстъ за 20 праздновать именины. Нерѣдко ѣзжали на Кучумово Городище, гдѣ погибъ Ермакъ Тимофеевичъ, покоритель Сибири.

На разостланномъ коврѣ, вокругъ кипящаго самовара, рассаживались всѣ мы и распивали прежде всего чай и кофе. Потомъ отправлялись гулять по живописнымъ мѣстамъ прежняго обиталища Кучума, близъ теперешняго села Преображенскаго, которое стоитъ на крутомъ берегу рѣки Иртыша, обвивающей точно голубой лентой окружныя горы съ ихъ величавыми соснами. Бродя по горамъ и лѣсамъ, то набредемъ иногда на цѣлое брусничное поле, красное какъ кумачъ, которой въ Сибири необыкновенное изобиліе, то отдыхаемъ подъ тѣнью столѣтнихъ кедровъ, покрытыхъ орѣховыми шишками. У кедра есть какой-то свой особенный шелестъ, который и безъ малѣйшаго вѣтерка таинственно точно нашептываетъ о своемъ вѣковомъ могуществѣ. Послѣ продолжительной прогулки, мы усаживались опять на коверъ, гдѣ ожидалъ насъ приготовленный обѣдъ. Утоливъ голодъ и закусивъ разными сладостями, мы возвращались поздно вечеромъ домой.

Когда въ храмовой праздникъ той церкви, прихожанами которой были Фонъ-Визины, случалось служить архіерею, они всегда приглашали его со всѣми служащими, архимандритомъ и каедральнымъ протоіереемъ, къ себѣ на великолѣпный обѣдъ. Уха изъ свѣжихъ стерлядей играла первую роль, и обѣдъ отличался самыми вкусными постными блюдами и лучшими, выписанными изъ Москвы, винами. Каедральный протоіерей Фелицынъ любилъ хорошо покушать и былъ знатокъ хорошихъ винъ и для Михаила Александровича было первое удовольствіе угощать его, подкладывая и подливая ему всевозможныхъ яствъ и питій. Весельчакъ Фелицынъ любилъ тоже поострить, и плотно покушавъ, восклицалъ:—«Помилуйте, батюшка Михаилъ Александровичъ, да это въ царствіи небесномъ такъ хорошо насъ не покормятъ!» Михаилъ Александровичъ съ нѣкоторыми архіереями былъ даже друженъ, особенно съ чахоточнымъ архіепископомъ Аѳанасіемъ, который скончался въ Тобольскѣ. Аѳанасій былъ очень ученъ и большой философъ, особенно занимался археологіей; но къ несчастію философскія идеи затемнили у него нѣсколько ясность евангельскаго ученія; однако, будучи все-таки хорошимъ человекомъ, онъ мучился сильно нѣкоторыми сомнѣніями. Дружба же съ Михаиломъ Александровичемъ, постоянныя бесѣды, веденныя съ силою убѣжденія, его прямая, твердая вѣра, разоблачала ему ложь философскихъ взглядовъ относительно божества настолько, что преосвященный, томясь предсмертною агоніей, благодарилъ Михаила Александровича, навѣщавшаго его каждый день во время предсмертной его болѣзни, за разсѣяніе мрака лживой философіи и укрѣпленіе въ основахъ истинъ божественныхъ. Умирая онъ благословилъ его иконою.

Въ Тобольскѣ, изъ поселенныхъ тамъ декабристовъ составилсѣ довольно обширный кружокъ. У большей части изъ нихъ были

свой дома. У Александра Михайловича Муравьева былъ прекрасный домъ съ большимъ тѣнистымъ садомъ; онъ еще въ бытность свою близъ Иркутска въ селѣ Урикѣ женился на одной гувернанткѣ-нѣмкѣ, Жозефинѣ Адамовнѣ Брокель, очень милой и образованной, которую любилъ страстно. У нихъ было четверо дѣтей, три дочери и сынъ, любимецъ отца, мальчикъ замѣчательно способный и милый; они воспитывали своихъ дѣтей очень тщательно и выписывали изъ Россіи гувернантокъ. Муравьевъ былъ богаче другихъ потому, что мать его Екатерина Ѳедоровна Муравьева, жившая постоянно въ Москвѣ, перевела всю слѣдующую ему часть имѣнія на деньги, что составляло около 300 тысячъ серебромъ, и посылала ему съ нихъ проценты, на которые онъ могъ жить въ Tobольскѣ весьма хорошо. У нихъ часто устраивались танцевальные вечера, сначала дѣтскіе, а послѣ, когда дѣти уже подросли, то и большіе балы и маскарады, на которые приглашалось все тобольское общество, начиная съ губернатора и другихъ служащихъ лицъ. У нихъ всегда много веселились, они были вообще очень радушные и любезные хозяева, умѣли своимъ вниманіемъ доставить каждому большое удовольствіе. На лѣто они обыкновенно нанимали верстъ за 10 отъ Tobольска, въ прекрасной живописной мѣстности при мужскомъ монастырѣ, называемомъ «Ивановскимъ», большой каменный домъ. Туда къ нимъ часто пріѣзжали знакомые изъ Tobольска отдохнуть немного на свѣжемъ, чистомъ воздухѣ. Мѣстность въ Ивановскѣ была чудная; высокія горы съ крутыми обрывами и лощинами, на днѣ которыхъ росли столѣтнія сосны, придавали еще болѣе величественности и грандіозности и безъ того замѣчательному по своей красотѣ мѣстоположенію.

Съ Муравьевыми жилъ декабристъ докторъ Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ. Они были очень дружны, и такъ какъ послѣдній былъ холостъ и одинокъ, то Муравьевы и пригласили его жить съ ними. Фердинандъ Богдановичъ былъ искусный докторъ, тщательно слѣдилъ за медициной, къ нему всѣ питали большое довѣріе и въ случаѣ особенно серьезной болѣзни всегда обращались за совѣтомъ. Онъ замѣчателенъ былъ своимъ безкорыстіемъ, никогда ни съ кого не бралъ денегъ и вообще не любилъ лѣчить. Когда онъ былъ еще въ Иркутскѣ, то тамъ прославился, вылѣчивъ одного богатаго золотоискателя, отъ котораго отказались уже всѣ тамошнія знаменитости. По выздоровленіи своемъ, золотоискатель, признательный доктору Вольфу за спасеніе, какъ онъ говорилъ, своей жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ зная, что тотъ никогда ничего не беретъ за визитъ, послалъ ему въ пакетѣ пять тысячъ ассигнаціями съ запиской, въ которой написалъ ему, что если онъ не возьметъ этихъ денегъ изъ дружбы, то онъ при немъ же броситъ ихъ въ огонь. Денегъ все-таки Фердинандъ Богдановичъ не взялъ.

Семейство Муравьевыхъ было очень дружно съ семействами де-

кабристовъ Ивана Александровича Анненкова и Петра Николаевича Свистунова (они всѣ трое служили въ Кавалергардскомъ полку). Считаю не лишнимъ кое-что разсказать о матери Анненкова. Она была дочь иркутскаго намѣстника, якобы очень богатаго вдовца, у котораго была одна дочь Анна Ивановна. Сколько ни являлось жениховъ, онъ, якобы не желая разстаться съ дочерью, отсрочивалъ свое согласіе года на два, на что никто изъ жениховъ не соглашался; наконецъ Анненковъ рѣшился увести невѣсту, и получилъ прощеніе отца съ условіемъ жить у него. Она была не первой молодости, лѣтъ за тридцать. Наконецъ, она овдовѣла, имѣя двухъ сыновей. Избалованная богатымъ отцомъ, она жила въ Москвѣ, въ своемъ великолѣпномъ домѣ, окруженная сиротами, воспитанницами и приживалками; вела жизнь своеобразную, вставала поздно, никуда не выѣзжала, къ себѣ же принимала знакомыхъ, лежа на диванѣ, въ подушкахъ, разряженная въ кружевной пеньюаръ и въ брилліантахъ. При ней жила и управляла всѣмъ домомъ дальняя родственница ея Марья Тихоновна Перская. Она была уполномочена распечатывать всѣ адресованныя къ ней письма и передавать ей только тѣ, которыя не могли ее растрогать; поэтому письма отъ сына изъ Сибири ей рѣдко сообщались. Передъ арестомъ Ивана Александровича Анненкова, онъ передалъ дядѣ своему на храненіе 80 тысячъ, которыя тотъ себѣ присвоилъ; но впослѣдствіи жена Ивана Александровича Анненкова обратилась съ просьбою къ императору Николаю, который и велѣлъ ихъ возвратить. Мать, узнавъ, что сынъ обезпеченъ этою суммою, перестала ему посылать отъ себя денегъ.

Изъ двухъ ея сыновей старшій былъ убитъ на дуэли, а другой, Иванъ Александровичъ, былъ сосланъ послѣ 14-го декабря на каторгу. Когда Иванъ Александровичъ былъ на каторгѣ, то къ нему пріѣхала его невѣста изъ Петербурга, выпросивъ сама лично у императора Николая Павловича на маневрахъ въ Вязьмѣ, куда нарочно ѣздила, позволеніе отправиться въ Сибирь на каторгу къ жениху. Она была француженка, по фамиліи Ледантю, но всѣ ее звали Прасковья Егоровна, очень хороша собою и замѣчательно энергична. Когда она подошла къ крыльцу, государь сѣлся въ коляску и, принявъ ея просьбу, назначилъ ей явиться къ нему на другой день. Принявъ ее въ кабинетѣ, онъ спросилъ о причинѣ, заставлявшей ее ѣхать въ глубь Сибири. Она, склонивъ голову, отвѣчала ему пофранцузски: «Je suis mère, votre majesté». Онъ послѣ ея отвѣта тотчасъ же далъ ей разрѣшеніе ѣхать въ Сибирь и пожаловалъ ей три тысячи на дорогу.

Пріѣхавъ въ Читу она остановилась у бывшихъ уже тамъ женъ декабристовъ и спустя нѣсколько дней обвѣнчалась съ Ив. Алекс. Анненковымъ; ихъ вѣнчали въ тюремной церкви и кандалы были сняты съ жениха только во время вѣнчанья, по окончаніи же ихъ

снова надѣли на него. Она въ полномъ смыслѣ слова обожала своего мужа и въ продолженіе всей своей жизни не переставала оказывать геройское самопожертвованіе. Иванъ Александровичъ, хотя въ гостинной былъ необыкновенно милъ и любезенъ, но въ домашней жизни былъ далеко не легкаго характера. Прасковья Егоровна старалась до мелочей во всемъ угождать ему и предупреждать его желанія. Въ тюремной жизни, не имѣя хорошей прислуги, она сама даже готовила ему его любимыя кушанья, обшивала всю семью, была всегда весела и, какъ француженка, беззаботнаго характера. У нихъ въ Tobольскѣ, куда они въ послѣдствіи переѣхали, было 5 человѣкъ дѣтей. Сыновья воспитывались въ тобольской гимназіи (одинъ изъ нихъ Владиміръ Ивановичъ теперь предсѣдателемъ окружнаго суда въ Самарѣ), а дочери — дома. У нихъ былъ тоже свой, весьма хорошій, домъ въ Tobольскѣ, гдѣ собиралась молодежь и танцевала подъ фортепьяно. Я съ старшею ихъ дочерью, Ольгою, въ продолженіе всѣхъ 16 лѣтъ проведенныхъ вмѣстѣ въ Tobольскѣ, была очень дружна. Тамъ вообще былъ недостатокъ въ кавалерахъ, съ переходомъ же главной квартиры генераль-губернатора въ Омскъ, вся военная молодежь переехала туда, остались только служащіе статскіе чиновники при губернаторѣ, такъ что еслибъ не общество образованныхъ поляковъ, то отсутствіе на балахъ кавалеровъ было бы очень замѣтно. Губернаторы тоже старались сколько могли веселить общество. Въ прекрасномъ губернаторскомъ домѣ часто давались балы и устраивались нерѣдко музыкальные вечера, въ которыхъ участвовали иногда пріѣзжавшіе артисты изъ Москвы и Петербурга; пѣвцы, пьянисты и скрипачи. Помню хорошо Малера, давшего великолѣпный концертъ на фортепьяно; но всѣхъ замѣтательнѣе изъ нихъ была m-lle Христіани, дававшая концерты во Франціи и Германіи съ большимъ успѣхомъ. Рѣшилась она поѣхать въ Сибирь, вѣроятно, желая испытать новыя впечатлѣнія. Она плѣнила насъ въ Tobольскѣ не только своею восхитительною игрою на віолончели, но и своею любезностью и игривостью ума. Узнавъ что супруга генераль-губернатора графа Муравьева-Амурскаго француженка, Христіани поѣхала въ Омскъ и такъ понравилась графинѣ Муравьевой, которая сопровождала всегда своего мужа въ объѣздахъ вѣреннаго его управленію обширнаго края, что она предложила Христіани сопутствовать имъ. Путешествіе было очень трудное, пришлось тащиться верхомъ въ Охотскъ и Камчатку; доѣхавъ до Петропавловскаго порта, они встрѣтили тамъ французское купеческое судно. Графинѣ Муравьевой пришла мысль посовѣтовать Христіани дать концертъ. Восторгъ и удивленіе французскихъ матросовъ были неописанные. Возвратившись въ Tobольскъ, Христіани живо и игриво рассказывала намъ о своемъ путешествіи. Изъ Сибири она отправилась на Кавказъ, гдѣ наканунѣ своего концерта скончалась отъ холеры.

Графъ Муравьевъ-Амурскій былъ человѣкъ необыкновенно энергичнаго и предприимчиваго характера, отличался удивительною вѣжливостью со всѣми своими подчиненными, не терпѣлъ и преслѣдовалъ взяточничество и хотя былъ очень вспыльчиваго нрава, но не менѣе того справедливъ и добръ, и такъ умѣлъ привязать къ себѣ служащихъ, что они готовы были пойти за него въ огонь и въ воду.

Со всѣми декабристами онъ былъ на дружеской ногѣ. Будучи генераль-губернаторомъ, проѣзжая въ Иркутскъ, онъ останавливался по дорогѣ въ Ялutorовскѣ на нѣсколько часовъ нарочно для того, чтобы видѣться съ поселенными тамъ декабристами, а пріѣхавъ въ Иркутскъ самъ первый дѣлалъ всѣмъ имъ визиты.

У П. Н. Свистунова, какъ любителя и хорошаго музыканта, были назначены по понедѣльникамъ музыкальные вечера, на которыхъ устраивались квартеты; нѣкоторые молодые люди играли на скрипкахъ, молодыя же барышни на фортепьяно и всѣ заѣзжіе артисты находили у него всегда радушный пріемъ и сочувствіе къ ихъ таланту. Онъ принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе, хлопоталъ и помогалъ имъ въ устройствѣ концертовъ, раздачѣ билетовъ, и, будучи всѣми уважаемъ и любимъ въ Tobольскѣ, былъ очень полезенъ для бѣдныхъ артистовъ, которые въ далекой странѣ не знали какъ и благодарить его за помощь.

П. Н. по просьбѣ архіерея завѣдывалъ хоромъ пѣвчихъ; кромѣ сочиненій Бартнянскаго и Львова, они исполняли также обѣдню написанную имъ самимъ.

Отъ 8 до 12 лѣтъ П. Н. Свистуновъ воспитывался въ іезуитскомъ пансіонѣ вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ, графомъ Комаровскимъ и братьями графами Шуваловыми, которые, по возвращеніи его изъ Сибири, не прерывали съ нимъ знакомства, а князь Суворовъ пріѣзжалъ даже видѣться съ нимъ въ Москву. По изгнаніи іезуитовъ, онъ поступилъ въ славившійся тогда пансіонъ барона Шабо, а оттуда въ Пажескій корпусъ, гдѣ изъ камеръ-пажей произведенъ былъ въ офицеры. До Tobольска онъ былъ сначала поселенъ въ селѣ Ильинскомъ, въ 120 верстахъ отъ Иркутска, извѣстномъ какъ разбойничій притонъ, такъ что хотя ссыльнымъ воспрещено было имѣть при себѣ огнестрѣльное оружіе, исправникъ передалъ Свистунову пару пистолетовъ для защиты въ случаѣ нападенія. Живя между разбойниками, П. Н. нѣсколько разъ подвергался большой опасности.

Вскорѣ П. Н. перевели въ Курганъ, уѣздный городъ Tobольской губерніи, гдѣ онъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей, переведенныхъ туда же на поселеніе. Тамъ онъ женился на дочери исправника. Татьяна Александровна Свистунова была добрая и милая женщина, но очень застѣнчивая, почему казалась менѣе любезной, чѣмъ ея мужъ. Надобно было ее короче знать, чтобы цѣ-

нить ея хорошія качества. Тѣхъ, кого она любила, не чуждалась и взаимно была ими любима.

Въ 1843 году, Петръ Николаевичъ пріѣзжалъ еще женихомъ въ Tobольскъ и здѣсь я въ первый разъ познакомилась съ нимъ у Фонъ-Визинныхъ. Женившись, онъ сталъ хлопотать о переводѣ ихъ также въ Tobольскъ, куда они вскорѣ и переѣхали на житье, купили себѣ тамъ одинъ изъ лучшихъ тобольскихъ домовъ, большія, высокія, подъ мраморъ отдѣланныя комнаты котораго были очень помѣстительны и убраны съ большимъ вкусомъ. У нихъ были, какъ впрочемъ и у всѣхъ другихъ декабристовъ, свои лошади и экипажи. П. Н. Свистуновъ былъ отлично образованный и замѣчательно умный человѣкъ; у него въ характерѣ было много веселаго и что называется пофранцузски *saustique*, что дѣлало его необыкновенно пріятнымъ въ обществѣ. Онъ всѣхъ воодушевлялъ и былъ всегда душою общества. Не смотря на то, что живостью и игривостью ума онъ много походилъ на француза, умъ у него былъ очень серьезный; непоколебимая честность, постоянство въ дружбѣ, привлекли къ нему много друзей, а всегдашнее расположеніе къ людямъ при утонченномъ воспитаніи и учтивости большого свѣта располагало къ нему всѣхъ, кто только имѣлъ съ нимъ какое-либо общеніе.

По назначеніи губернаторомъ Тихона Ѳедотовича Прокофьева, послѣдній съ большимъ рвеніемъ заботился объ учрежденіи женской школы и послѣ многихъ трудовъ ему удалось, наконецъ, открыть Маріинскую школу въ Tobольскѣ. Онъ пригласилъ П. Н. Свистунова содѣйствовать ему въ устройствѣ ея и наблюдать за ходомъ ученія и расходами по заведенію. Послѣ Прокофьева поступилъ губернаторомъ Викторъ Антоновичъ Арцымовичъ, принявшій самое живое участіе въ этомъ заведеніи, которое благодаря его заботамъ и при содѣйствіи того же П. Н. сдѣлалось образцовымъ.

По возвращеніи изъ Сибири, вслѣдствіе всемілостивѣйшаго манифеста, блаженной памяти императора Александра, П. Н. вступилъ во владѣніе переданной ему братомъ части родового имѣнія въ Калужской губерніи и былъ выбранъ дворянствомъ Лихвинскаго уѣзда въ члены комитета по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостного права. Тутъ посчастливилось ему приложить свою трудовую лепту къ дѣлу, составлявшему предметъ его сердечныхъ желаній съ самой молодости. Затѣмъ онъ былъ назначенъ отъ правительства членомъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, которымъ и состоялъ въ продолженіе двухъ лѣтъ подъ предѣлательствомъ переведеннаго изъ Tobольска въ Калугу губернатора В. А. Арцымовича. По назначеніи послѣдняго сенаторомъ, П. Н. вышелъ въ отставку и поселился на житье въ Москвѣ.

Вѣжливость во всѣхъ такъ называемыхъ декабристахъ была какъ бы врожденнымъ качествомъ. Высоко уважая въ людяхъ человѣче-

ское достоинство, они очень были ласковы со всѣми низшими и даже съ личностями, находившимися у нихъ въ услуженіи, которымъ никогда не позволяли себѣ говорить «ты». Подобное отношеніе къ слугамъ привязывало ихъ къ нимъ и нѣкоторые доказывали своею вѣрностью на дѣлѣ всю признательность своихъ сердецъ, не говоря уже о тѣхъ преданныхъ слугахъ, которые раздѣляли съ самаго начала злополучную участь своихъ господъ; какъ напримѣръ, няня Фонъ-Визинныхъ, Матрена Петровна, о которой я уже говорила, все время изгнанія добровольно прожила съ ними въ Сибири и вернулась въ Россію тогда только, когда Фонъ-Визины были сами возвращены. Она была замѣчательна по своей преданности, правдивости и честности; другая подобная же личность, Анисья Петровна, жила у Нарышкиныхъ; она тоже сначала до конца изгнанія не покидала своихъ господъ. Такія личности подъ конецъ были ужъ не слугами, а вѣрными друзьями, съ которыми дѣлилось и горе, и радость. У Свистуновыхъ долго не было дѣтей; когда же родилась дочь Магдалина, то они любили и баловали ее до нельзя, особенно отецъ, который самъ воспитывалъ и училъ ее. Вскорѣ послѣ нея родился сынъ Иванъ и дочь Екатерина въ Tobольскѣ, потомъ въ Калугѣ еще младшая дочь Варвара.

Въ Tobольскѣ Свистуновы прожили тоже лѣтъ 15-ть и со всѣми были постоянно въ хорошихъ отношеніяхъ. Губернаторша Энгельке очень любила П. Н., онъ часто участвовалъ на ея музыкальных вечерахъ. Вообще, губернаторы и другіе выдающіеся чиновники относились ко всѣмъ декабристамъ съ большимъ уваженіемъ, всегда первые дѣлали визиты и гордились ихъ расположеніемъ къ себѣ. Съ Свистуновыми жилъ одинъ изъ товарищей, декабристъ Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, у него былъ братъ Николай Сергѣевичъ, умственно разстроенный, съ которымъ сначала они жили вмѣстѣ, но раздражительность послѣдняго, наконецъ, дошла до такой степени, что не было никакой возможности съ нимъ жить, иногда случалось, что онъ въ припадкѣ бѣшенства, не смотря на всю любовь свою къ брату, при малѣйшемъ его противорѣчіи, бросался на него и замахивался тѣмъ, что попадалось ему подъ руку; однажды онъ пришелъ въ такое раздраженіе, что бросился на брата, изломалъ объ него чубукъ отъ трубки, которую курилъ въ то время. Свистуновъ, будучи друженъ съ П. Сер., предложилъ ему комнату у себя въ домѣ. Николай же Сергѣевичъ остался въ отдѣльной квартирѣ. Личность Павла Сергѣевича Бобрищева-Пушкина была замѣчательна по его глубоко религіозному чувству; онъ въ полномъ смыслѣ былъ христіанинъ и словомъ и дѣломъ; вся жизнь его была однимъ выраженіемъ любви къ ближнему и посвящена была на служеніе страждущему человѣчеству. Онъ былъ не женатъ, свѣтскихъ удовольствій удалялся, избѣгалъ новыхъ, неподходящихъ къ его душевному настроенію людей, хотя и не чуждался никого. Онъ,

какъ человѣкъ хорошо воспитанный, старался сохранить приличія общественной жизни; но никогда имъ рабски не покорялся, казался даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ оригиналомъ, одѣвался нѣсколько своеобразно. Будучи слабаго здоровья, очень боялся холода, почему и сочинялъ себѣ иногда особенные костюмы; но не смотря на его уклоненія отъ свѣтскихъ обычаевъ, его всѣ любили, какъ богатые, такъ и бѣдные, высокопоставленные и низко стоящіе люди. Родители его были почтенные и очень благочестивые помѣщики Тульской губерніи, особенно отецъ его былъ необычайно стойкаго и благороднаго характера, глубоко вѣрующій и строгихъ правилъ человѣкъ, всѣми уважаемый, имѣя много дѣтей, воспитывалъ ихъ въ благочестіи; двое изъ его сыновей, Николай и Павелъ Сергѣевичи, вступивъ въ тайное общество, раздѣлили общую участь своихъ товарищей въ Сибири. Заключение въ казематъ, какъ рассказывалъ намъ самъ П. Сер., имѣло превосходное вліяніе на развитіе его духовной стороны. Онъ только тамъ вполнѣ постигъ всю пустоту суетной мірской жизни и не только не ропталъ на перемѣну своей судьбы, но радовался, что черезъ страданіе теперешняго заточенія Господь открылъ ему познаніе другой, лучшей жизни. Внутреннее перерожденіе оставило навсегда глубокой слѣдъ въ его душѣ. Находясь въ казематѣ, онъ радовался и воспѣвалъ хвалу Господу за его святое къ нему милосердіе. Посвятивъ свою жизнь на служеніе ближнему, онъ старался во многомъ измѣнить свои привычки, любилъ читать Св. Писаніе, которое зналъ не хуже настоящаго богослова, велъ жизнь почти аскетическую, вырабатывая въ себѣ высокія качества смиренія и незлобія, ко всѣмъ былъ одинаково благорасположенъ и снисходителенъ къ недостаткамъ другихъ. Въ Тобольскѣ онъ занимался еще изученіемъ гомеопатіи и такъ много помогалъ своимъ безвозмезднымъ лѣченіемъ, что къ нему постоянно стекался народъ, особенно бѣдный. П. Сер. такъ, наконецъ, прославился своимъ гомеопатическимъ лѣченіемъ, что долженъ былъ завести лошадей съ экипажемъ, чтобъ успѣвать посѣщать своихъ пациентовъ. Лошадь у него была маленькая, которую мы прозвали «Конекъ Горбунокъ», лѣтній экипажъ въ родѣ тюльбери, на четырехъ колесахъ, а зимній—одиночныя сани. Въ нихъ укладывались гомеопатическіе лѣчебники, аптечка выписанная изъ Москвы, запасная одежда на случай внезапной перемѣны погоды, зимой лишняя шуба, а лѣтомъ теплая на ватѣ суконная шинель, которая никогда не покидала своего хозяина въ его экскурсіяхъ (тобольскій климатъ былъ очень измѣнчивъ, случалось въ одинъ и тотъ же день то холодъ, то сильная жара); когда было все уложено, то выходилъ и садился въ экипажъ самъ Петръ Сергѣевичъ, плотно укутанный не только зимой, но даже и лѣтомъ, бралъ вожжи въ руки и отправлялся на помощь больнымъ. Всюду куда онъ только ни приѣзжалъ, вездѣ его встрѣчали съ радостью, всѣмъ и каждому

подавалъ онъ утѣшеніе добрымъ словомъ, сердечнымъ участіемъ, хорошимъ совѣтомъ. Онъ былъ очень развитого ума, началъ свое образованіе въ Москвѣ въ дворянскомъ пансіонѣ, закончилъ же его въ извѣстномъ заведеніи Николая Николаевича Муравьева, гдѣ готовились въ офицеры генеральнаго штаба. П. С. былъ при случаѣ и архитекторомъ, и столяромъ, и закройщикомъ. Нужно ли кому планъ составить — обращаются къ П. С.; домъ ли построить или сдѣлать смѣту, — онъ своею математическою головою разочтетъ все вѣрно до послѣдней копѣйки. Онъ былъ въ особенности друженъ съ Фонъ-Визинными, Свистуновыми и съ нашимъ семействомъ. Мы, бывши еще дѣтьми, такъ любили его, что когда выросли, смотрѣли на него какъ на самого близкаго родного. Бывало захвораетъ ли кто изъ насъ, сейчасъ племъ за П. С. и онъ тотчасъ же катитъ на своемъ Конькѣ Горбункѣ.

Отецъ мой очень любилъ и уважалъ П. С. и удивлялся его постоянному самоотреченію. Онъ отлично зналъ всю службу церковную, часто въ церквахъ читалъ за всенощной шестопсалміе, читалъ всегда отчетливо съ большимъ выраженіемъ и чувствомъ, такъ что каждое слово невольно запечатлѣвалось въ слушателяхъ.

Когда въ Tobольскѣ, въ 1848 году, была холера, то П. С., забывая себя, помогалъ своею гомеопатіей всѣмъ и каждому. Только бывало и видишь, какъ въ продолженіе дня разтѣзжалъ Конекъ Горбункъ съ одного конца города на другой со своимъ неутомимымъ сѣдокомъ. Потребность въ помощи была такъ велика, что даже Фонъ-Визины и Свистуновы, по наставленію П. С., лѣчили въ отсутствіе его приходящихъ къ нему больныхъ въ эту тяжелую годину. Холера въ Tobольскѣ была очень сильна и смертность страшная; постоянное зрѣлище встрѣчающихся похоронъ и стоящихъ по нѣскольку за разъ гробовъ въ церквахъ наводило на всѣхъ ужасъ и уныніе. Такъ какъ смерть поражала людей внезапно, то нельзя было безъ страха отлучиться изъ дома. У Фонъ-Визинныхъ было два внезапныхъ смертныхъ случая; человѣкъ, подавая чай М. А., почувствовалъ себя вдругъ дурно. М. А., взглянувъ на него, былъ пораженъ мгновеннымъ измѣненіемъ лица несчастнаго; тотчасъ же приняты были всевозможныя мѣры, но ничто не спасло и чрезъ нѣсколько часовъ человѣка не стало, а къ вечеру другая жертва была уже готова: страшныя корчи начались у повара совѣми признаками холеры и тоже, что ни дѣлали, но спасти его не могли. Благодаря Бога, только этими двумя жертвами и ограничилась у нихъ въ домѣ холера. Не смотря на то, что больнымъ, начиная съ господъ, всѣ подавали помощь, М. А. и П. С. сами растирали окоченѣвшіе и почернѣвшіе ихъ члены, сами сажали въ ванну и никто изъ нихъ не заразился. Вообще, они оказали много дѣятельной помощи во время этой ужасной болѣзни, записывали всѣхъ приходящихъ къ нимъ больныхъ и потомъ подводили итоги, по кото-

рымъ оказалось около 700 человѣкъ, получившихъ излѣченіе отъ нихъ гомеопатіей.

Молодые годы моей жизни, проведенные въ Сибири, останутся навсегда неизгладимыми въ моей памяти; они полны воспомина-
ніями самыми свѣтлыми отъ сближенія съ дѣтства моего съ людьми не только даровитыми и развитыми умственно, но и глубоко понимающими высокую цѣль жизни человѣка на землѣ.

М. Францева.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

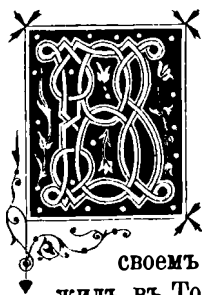

ВОСПОМИНАНІЯ М. Д. ФРАНЦЕВОЙ ¹⁾.

IV.

Е. О. Непряхина. — Несчастное семейство. — Миссіонеръ-архимандритъ Макарій. — Татьяна Филипповна. — Построеніе церкви въ селѣ Подрѣзовѣ. — Дешевизна жизни въ Сибири. — Прислуга изъ ссыльныхъ. — Посѣщеніе острога. — Убійца княгини Голицыной Зыковъ. — Ссылные поляки. — Цѣпные арестанты. — Участіе мое и Н. Д. Фонъ-Визиной въ участіи ссыльныхъ поляковъ. — Ночная поѣздка въ острогъ. — Исповѣдь Зыкова. — Его сибирскія походы.

ВЪ КРУГѢ нашихъ тобольскихъ друзей, кромѣ декабристовъ, входили и другія прекрасныя личности; не могу не упомянуть о наиболѣе выдающейся изъ нихъ, именно, о нашей хорошей знакомой Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ Непряхиной, которая была олицетворенная доброта и любовь къ Богу и человѣку. Она жила со старушкой матерью и сестрой въ своемъ собственномъ домѣ на горѣ; отецъ ея когда-то служилъ въ Tobolskѣ инспекторомъ врачебной управы. Послѣ его смерти у нихъ осталось порядочное состояніе.

По своему любящему сердцу она, если могла кому-нибудь помочь, ни въ чемъ не отказывала. Она была ученицей или вѣрнѣе — духовной дочерью извѣстнаго алтайскаго миссіонера-архимандрита Макарія и была даже имъ тайно пострижена въ монахини, по благословенію московскаго митрополита Филарета, лично ее знаваго. Имѣя на рукахъ престарѣлую, впавшую въ дѣтство, старушку мать и все хозяйство, она не могла, не смотря на свое

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 381.

влеченіе, удалиться отъ людей и идти въ монастырь для служенія Богу, почему по благословенію архимандрита Макарія оставалась монахиней тайною отъ свѣта, носила полумонашескую черную одежду и исправляла, конечно, дома всѣ монашескія келейныя правила, ходила каждый день въ церковь, призрѣвала разныхъ бѣдныхъ дѣвочекъ - сиротъ, учила ихъ и впослѣдствіи отдавала замужъ. Съ ней жила одна ея пріятельница, женщина больная и раздражительная. Екатерина Ѳедоровна, совершенно забывая себя, ухаживала за ней, исполняла всѣ ея капризы и требованія съ удивительнымъ терпѣніемъ, и старалась извинять всѣ ея капризы, скорѣе обвиняя себя въ неумѣннн хорошо ходить за больной. Получивъ хорошее образованіе и отъ природы очень умная, она имѣла много друзей и въ бытность свою въ Москвѣ еще при жизни своего отца, въ Москвѣ, подружилась очень съ Нарышкиными Варварой Михайловной и Маргаритой Михайловной, извѣстной потомъ Бородинской игуменьей, и вела съ ними постоянную переписку. Екатерина Ѳедоровна была также очень дружна съ Натальей Дмитріевной Фонъ-Визинной. Въ ея красивомъ лицѣ выражалось что-то ангельское, доброе и пріятливое. Какъ-то разъ мнѣ случилось по ея просьбѣ собрать нѣсколько денегъ для одного несчастнаго семейства, лишившагося отца, единственнаго кормильца. Мы поѣхали вмѣстѣ съ ней къ бѣднягамъ, чтобъ передать собранныя вещи и деньги. У воротъ большого, запустѣлаго, необитаемаго дома, насъ встрѣтили только собаки и никто не отвѣтилъ на нашъ стукъ въ запертую калитку; подождавъ немного, мы рѣшились отворить ее сами, вошли на большой, пустынный, поросшій сухой травой дворъ и по чуть-чуть извивающейся тропинкѣ, ведущей къ одному, тоже почти разрушенному, флигелю, наконецъ, добрались до дверей убогаго жилища несчастной семьи. Стояла глубокая осень; мелкій дождь билъ въ лицо, холодный, порывистый вѣтеръ бушевалъ, поднимая и неся сухой листъ по заросшему двору. Когда мы отворили незапертую дверь, намъ представилась поражающая картина нищеты. Небольшая холодная комната съ русской печью, на которой сидѣли и валялись маленькіе ребятишки. Въ углу на лавкѣ, на жесткомъ войлокѣ, прикрытая изорваннымъ одѣяломъ, лежала блѣдная и исхудалая еще молодая женщина; вокругъ нея суетились ея двѣ старшія дѣвочки въ оборванныхъ платьяхъ. Несчастная женщина такъ была истощена болѣзнью и, какъ мы узнали послѣ, голодомъ, что при неожиданномъ нашемъ появленіи не выказала даже сначала никакого удивленія; когда же мы приблизились къ ней, стали ее спрашивать и раздавать хлѣбъ, яйца и другіе сѣдомые припасы собравшимся вокругъ насъ маленькимъ голоднымъ ея дѣтямъ, а ей самой дали прежде всего проглотить нѣсколько вина, то несчастная зарыдала, хотѣла говорить, но удушающій чахоточный кашель не давалъ ей воз-

возможности выговорить слово. Отдохнувъ немного, она, прерываемая безпрестанно сухимъ кашлемъ, умоляла насъ не оставлять несчастныхъ ея сиротъ, не знала какъ насъ благодарить, цѣловала наши руки, называя Екатерину Ѳеодоровну ангеломъ утѣшителемъ. Правда, въ эту минуту она для несчастной страдальцы была точно ангеломъ посланнымъ съ неба. Никогда не забуду того умирающаго, полного любви и признательности взгляда больной женщины, какимъ проводила она насъ. На третій день послѣ нашего посѣщенія, несчастная мать отдала Богу душу мирно и покойно, поручивъ своихъ сиротъ доброй Екатерины Ѳеодоровны, которая и устроила ихъ всѣхъ впослѣдствіи по разнымъ заведеніямъ. Екатерина Ѳеодоровна, не смотря на свои уже не молодые лѣта, по совету о. Макарія принялась изучать французскій языкъ подъ руководствомъ П. Н. Свистунова, который отлично его зналъ и любилъ преподавать его; въ то же время и я занималась у него, и мы съ Екатериной Ѳеодоровной вмѣстѣ ѣздили къ нему на уроки, разумѣется, не какъ къ учителю, но какъ къ хорошему знакомому. Екатерина Ѳеодоровна часто шутила надъ собой, говоря: «Вотъ какъ Господь смиряетъ меня старуху, поставивъ въ ученицы на ряду съ молодыми!»

Упомянувъ объ отцѣ Макаріи, считаю умѣстнымъ сказать объ этой замѣчательной и рѣдкой личности все то, что имѣла случай объ немъ узнать. Онъ много лѣтъ состоялъ миссіонеромъ въ Алтайскихъ горахъ, гдѣ обратилъ въ христіанство болѣе тысячи инородцевъ-кочевниковъ, которыхъ привелъ къ осѣдлой жизни; они основали нѣсколько деревень, гдѣ о. Макарій учредилъ школы мужскія и женскія. Ему два раза предлагали быть архіереемъ, но онъ, не желая разстаться съ миссіею, которая такъ близка была его сердцу, предпочелъ остаться архимандритомъ-миссіонеромъ. Не имѣя средствъ выстроить храмъ, онъ долженъ былъ довольствоваться походною церковью и несказанно радовался, видя ревность и любовь новообращенныхъ; но скоро онъ подвергся горькому испытанію; какъ только мѣстный откупъ узналъ о существованіи походной церкви, то вздумалъ воспользоваться своимъ правомъ и ввести въ это селеніе продажу вина. До крайности возмущенный этимъ, о. Макарій рѣшился обратиться къ императору Николаю Павловичу, прося избавить отъ соблазна тѣхъ, которыхъ онъ привелъ ко Христу своею проповѣдью. Государь нашелъ письмо о. Макарія дерзкимъ и приказалъ св. Синоду удалить его въ Соловецкій монастырь. Св. Синодъ, высоко цѣня услуги оказанныя церкви о. Макаріемъ, упросилъ государя удовольствоваться въ этомъ случаѣ однимъ строгимъ внушеніемъ. Помимо его подвижнической жизни, онъ предпринялъ огромный трудъ перевода Библии на русскій языкъ; не ограничиваясь основательнымъ изученіемъ еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ, онъ счелъ

необходимымъ ознакомиться съ существующими переводами, дабы сличить ихъ съ подлинникомъ и убѣдиться въ правильности перевода; для этого пришлось ему изучить нѣмецкій, французскій и англійскій языки, такъ что переводъ его потребовалъ лѣтъ двадцати времени. Окончивъ безъ всякой посторонней помощи этотъ колоссальный трудъ, онъ представилъ его св. Синоду, ходатайствуя о разрѣшеніи обнародовать его путемъ печати, на что св. Синодъ не согласился; по случаю этого отказа о. Макарій сказалъ почувствованную рѣчь, въ которой упрекнулъ св. собраніе въ отступленіи имъ отъ святого долга, высказавъ какую отвѣтственность принимаютъ они предъ Богомъ, лишая свою паству духовной пищи, какой лишена она уже столько вѣковъ. Переводъ свой, по желанію покойнаго московскаго митрополита Филарета, онъ передалъ сему послѣднему на храненіе.

Ему обязательно нужно было пріѣзжать раза два въ годъ въ Тобольскъ для пріобрѣтенія всего необходимаго для походной церкви и двухъ устроенныхъ имъ школъ. Эти поѣздки дали мнѣ случай познакомиться съ нимъ у его духовной дочери Екатерины Ѳедоровны Непряхиной. Онъ избѣгалъ всякаго новаго знакомства; но по неотступной просьбѣ Екатерины Ѳедоровны въ 1845 году согласился быть въ двухъ домахъ, Фонъ-Визиныхъ и Черепанова, тогдашняго прокурора, который изъ свѣтскаго человѣка сдѣлался христіаниномъ, и Екатерина Ѳедоровна надѣялась вліяніемъ о. Макарія утвердить его въ колеблющейся вѣрѣ. Замѣчательна была простота его обхожденія, такъ что не будь на немъ монашеской рясы, его можно было бы принять за мірянина; однимъ лишь рѣзко отличался онъ отъ мірскихъ людей: какой бы пустой не начался разговоръ, онъ отъ него не уклонялся, но, приступая къ нему, тотчасъ же обращалъ его въ духовную бесѣду, въ которой рѣчь его лилась такъ плавно, обильно и назидательно, что трудно было оторваться отъ нея. Онъ провелъ одинъ вечеръ у Фонъ-Визиныхъ, гдѣ, кромѣ хозяевъ, находилось еще нѣсколько человѣкъ самыхъ близкихъ, и съ 8 часовъ вечера до 4-хъ часовъ утра, когда зазвонили къ утрени, онъ не переставалъ говорить на избранный текстъ св. Евангелія отъ Іоанна безъ перерыва. Всѣ присутствующіе были какъ бы прикованы силою его рѣчей и поражены неутомимостью щедраго старца. На этомъ вечерѣ, равно и у Черепановыхъ, онъ удивлялъ всѣхъ своею прозорливостью, нѣсколько разъ проявившеюся въ внезапныхъ обличеніяхъ тутъ присутствующихъ, какъ бы помимо его воли. Встрѣча съ такою рѣдкою личностью оставляла навсегда глубокое впечатлѣніе въ душѣ слушавшихъ его.

Его преклонные лѣта (ему было за 60 лѣтъ) и непосильный трудъ, несенный имъ продолжительное время, заставили его искать покоя. По просьбѣ его, онъ былъ переведенъ въ Болховскій мона-

стырь Орловской губ. Истощеніе физическихъ силъ понудило его просить св. Синодъ о разрѣшеніи устроить домовую церковь при его кельѣ. Не получивъ на это разрѣшеніе, онъ служилъ у себя всенощную, куда сходилъ весь городъ; по окончаніи службы, онъ садился на складной стулъ и приступалъ къ духовной бесѣдѣ, продолжавшейся за полночь; во избѣжаніе утомленія слушателей онъ приглашалъ ихъ присѣсть на полъ и пока онъ не умолкалъ, никто не двигался съ мѣста. Онъ до того возбудилъ во всемъ обществѣ довѣріе, любовь къ себѣ и рвеніе къ благотворительности, что нѣсколько дамъ посвятили себя на дѣло миссіонерства и отправились на Алтай для завѣдыванія школами и преподаванія дѣтямъ грамоты и слова Божія. Онъ давно мечталъ о побѣздѣ въ старыи Іерусалимъ, въ чемъ ему было отказано отъ духовнаго начальства; наконецъ, онъ получилъ на то позволеніе, но не могъ имъ воспользоваться, схвативъ вслѣдствіе простуды воспаленіе, повергшее его на смертный одръ.

Не могу пройти молчаніемъ еще одной изъ ряда выходящей личности, нашей общей любимицы, такъ называемой Татьяны Филипповны. Она была простая крестьянка, въ молодости сбившаяся было съ истиннаго пути, но познакомившись съ однимъ молодымъ чиновникомъ землемѣромъ, привязалась къ нему страстно и вышла потомъ за него замужъ и измѣнила совершенно свою прежнюю жизнь. Мужъ ея оказался очень дурнымъ человѣкомъ, вѣчно пьяный, буйный или, какъ называютъ подобныхъ людей, «озорникъ». Сначала онъ былъ съ ней хорошъ, а потомъ сталъ дерзко обращаться, билъ и мучилъ ее ужасно. Она увидѣла въ этомъ карающую руку Божию за ея прежнюю дурную жизнь, смирилась, покаялась и такъ прилѣпилась любовью къ Господу, что съ великой радостью стала переносить разныя истязанія отъ мужа, котораго не переставала любить, молиться за него и прощать всѣ наносимыя ей обиды. Господь, видя смиренную покорность ея сердца, вскорѣ освободилъ ее отъ него, и она, оставшись бездѣтною вдовой, посвятила себя окончательно на служеніе Богу, удалилась въ свою родную деревню «Подрѣзово», верстахъ въ 25-ти отъ Тобольска, выстроила у своего брата на концѣ огорода маленькую избушку въ 3 арш. длины и ширины (сама собственными руками рубила и возила лѣсъ), украсила ее иконами и разными святыми изображеніями, приобрѣла себѣ Евангеліе и Псалтырь, вмѣсто постели имѣла деревянную скамью съ войлокомъ, начала подвизаться и иногда проводила цѣлыя ночи въ молитвѣ; но въ ней не было ни малѣйшаго ханжества, напротивъ, она всегда оставалась веселой и довольной и никогда неунывающей. Живя совершенно одиноко, далеко отъ людей, она ничего не боялась, хотя въ Сибири и небезопасно отъ бѣглыхъ, но она даже на ночь никогда не запирала дверь. Имѣя простую, дѣтскую вѣру въ Господа, она находила,

что Онъ сдумѣтъ ее охранить отъ всѣхъ встрѣчающихся бѣдъ. Случайно познакомившись съ Фонъ-Визинными и со всѣми нами, она очень скоро внушила намъ къ себѣ любовь и стала часто изъ деревни приходить въ городъ и всегда останавливалась и гостила по нѣскольку недѣль у кого-нибудь изъ насъ. Въ деревнѣ, гдѣ она жила, не было храма, что ее очень огорчало и вотъ она задумала съ Божьей помощью и добрыхъ людей построить храмъ, много молилась объ этомъ и, наконецъ, рѣшилась. «Какъ же ты будешь строить его, не имѣя ни копѣйки денегъ?» говорили ей всѣ ея знакомые.—«А у Господа развѣ мало ихъ, захочетъ такъ и дать! расположить сердца и явятся жертвователи!» отвѣчала она съ горячей вѣрой. Архіерей, узнавъ, что у нея нѣтъ запаснаго капитала для построения церкви, не давалъ на то разрѣшенія, но М. А. Фонъ-Визинъ сообщил преосвященному о ея глубокой вѣрѣ и выпросилъ у него разрѣшеніе. И точно, ея вѣра вскорѣ оправдалась: по ея живому настоянію всѣ приняли большое участіе въ этой постройкѣ. Кто чѣмъ могъ, тѣмъ и помогалъ; Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ сдѣлалъ смѣту, составилъ планъ, самъ слѣдилъ за работами и былъ настоящимъ архитекторомъ; Н. Д. Фонъ-Визина написала сама иконы масляными красками для иконостаса, многіе же другіе жертвовали разными необходимыми вещами для церкви. Отецъ мой взялъ на себя самую трудную обязанность сбора денегъ, и Господь видимо помогалъ ему, жертва росла не по днямъ, а по часамъ; собрано было въ короткое время тысячъ пять ассигнаціями (тогда еще въ Сибири считали на ассигнаціи), такъ что черезъ годъ церковь была окончена. Татьяна Филипповна радовалась и прославляла Бога. Наконецъ, желанный часъ для нея насталъ, назначили день освященія церкви. Фонъ-Визины, Свистуновы, Бобрищевъ-Пушкинъ, наше семейство, всѣ мы накануне освященія храма отправились водою по Иртышу въ большой нанятой лодкѣ за 25 верстъ въ деревню «Подрѣзово». Завидѣвъ издали блестящій на солнцѣ крестъ надъ вновь воздвигнутой общими трудами церковью въ далекомъ захолустьѣ, невольно у всѣхъ радостно забилося сердце. Вся деревня вышла намъ на встрѣчу и восторженно насъ привѣтствовала. Мы размѣстились на ночлегъ въ избахъ братьевъ Татьяны Филипповны. Наконецъ, была отслужена всенощная съ пѣвчими, а на другой день состоялось и самое освященіе; торжество было очень трогательное, народу собралось со всѣхъ окружныхъ деревень множество; всѣ со слезами на глазахъ благодарили жертвователей и соорудителей храма въ столь отдаленной мѣстности. (Въ Сибири, по огромному ея пространству, большой недостатокъ въ церквахъ; приходъ тянется иногда на протяженіе 200 верстъ, такъ что часто дѣти умирали не крещенными и умершихъ погребали безъ отпѣванія, и только когда пріѣзжалъ священникъ въ деревню, то отпѣвалъ всѣхъ похороненныхъ надъ могилами общимъ отпѣваньемъ).

Послѣ освященія, сказано было прочувствованное слово, въ которомъ указывалось именно на необходимость храма въ этой глухой мѣстности. Послѣ молебствія, прочтѣно было многолѣтіе первой, зачавшей это святое дѣло, Татьянѣ Филипповнѣ, а потомъ и всѣмъ строителямъ и жертвователямъ. Небесною радостію сіяло ея лицо и ручьями текли слезы умиленія во все время богослуженія. По окончаніи торжества, она подошла къ намъ и отъ избытка чувствъ поклонилась всѣмъ въ ноги. «Не правда ли», воскликнула она, «что Господу все возможно, не чудо ли Его благодати этотъ храмъ, воздвигнутый безъ залежной (какъ она выражалась) копѣйки!» — Послѣ обѣденнаго угощенія возвратный нашъ путь состоялся тѣмъ же порядкомъ. Все населеніе провожало насъ съ благословеніями и благими пожеланіями. Мы вернулись въ Tobольскъ къ утру другого дня вполне довольные своимъ путешествіемъ.

Кончина Татьяны Филипповны была тѣмъ замѣчательна, что была предсказана ей заранѣе: «когда она увидитъ остановившійся предъ ея окномъ гробъ, то значить конецъ ея насталь». Такъ и случилось: везли покойника на кладбище; запряженная въ розвальни деревенская лошадка застряла въ сугробѣ предъ окномъ Татьяны Филипповны. Послѣ этого она тотчасъ же отправилась въ городъ проститься со всѣми знакомыми и, объявивъ, что больше ихъ не увидитъ, поѣхала въ сосѣднюю деревню, гдѣ жили ея родственники, объявить и имъ о своей неминуемой смерти. Она пріѣхала туда вечеромъ, а ночью у нихъ скончалась безъ всякой болѣзни 12 марта 1855 года.

Если бы не отдаленность края, то жизнь въ Сибири при томъ изобиліи, которымъ пользовались тогда тамошніе жители, давала гораздо больше спокойствія душевнаго и менѣе страха за будущее, чѣмъ здѣсь въ Россіи. Тамъ всякій трудящійся, получая небольшое содержаніе, могъ жить весьма порядочно. Я помню нашу жизнь. Отецъ, будучи уже прокуроромъ въ Tobольскѣ, хотя и получалъ сравнительно съ теперешними окладами гораздо меньше, но жилъ, правда съ аккуратностью, очень комфортабельно; занималъ прекрасную квартиру, держалъ лошадей и экипажи чуть не съ полдюжины. Часто здѣсь въ Россіи слышишь съ какимъ ужасомъ говорятъ о сибирскихъ морозахъ; но при 40° градусномъ морозѣ туманъ и тишина смягчаютъ его такъ, что онъ не бываетъ очень чувствителенъ. Градусовъ же въ 20-ть было наше любимое катанье въ саняхъ, обитыхъ внутри медвѣжьимъ мѣхомъ и закрытыми такими же полостями, вслѣдствіе чего холодъ не казался намъ такимъ сильнымъ. Прислугу выбирали прямо изъ ссыльныхъ. По понедѣльникамъ всегда приходила партія ссыльныхъ въ Tobольскъ и уже тобольское управленіе распредѣляло ихъ по волостямъ и городамъ на жительство. Когда кому былъ нуженъ поваръ или кучеръ, кухарка или горничная, то при приходѣ партіи справлялись нѣтъ ли

таковыхъ и если находились, то ихъ выбирали и приписывали на поселеніе къ городу, чѣмъ они очень дорожили. Ссылаемые люди по волѣ помѣщика были больше все изъ дворовыхъ, почему многіе изъ нихъ, не зная сельскихъ работъ, предпочитали оставаться въ городѣ. Плата имъ была положена общая для всѣхъ; мужчинамъ красненькая, женщинамъ синенькая, конечно ассигнаціями. Очень часто изъ ссыльныхъ выходили прекрасные люди; но иногда попадались и дурные, которыхъ тотчасъ перечисляли и отправляли по волостямъ. Нерѣдко удивляло насъ, какъ могли ссылатъ такихъ прекрасныхъ слугъ, какіе намъ попадались въ Сибири. Никогда не забуду одну дѣвушку, горничную, прекрасную портниху, сосланную по волѣ помѣщицы графини Строгоновой изъ Петербурга. Она жила нѣсколько лѣтъ у насъ въ Тобольскѣ и, кромѣ самого хорошаго какъ про характеръ, такъ и поведеніе ея, ничего дурного нельзя было сказать; всегда усердная, добродушная, отлично знающая свое дѣло, только постоянно грустная. Она очень любила своихъ родныхъ и разлука съ ними была для нея слишкомъ тяжела, такъ что подъ конецъ она впала въ чахотку и умерла въ далекой чужбинѣ. Я принимала въ ней большое участіе; писала ей письма къ ея роднымъ и получала на свое имя отвѣты отъ нихъ; они часто присылали ей засушенные цвѣточки съ родной стороны, и она бѣдная бывало обливала ихъ горячими слезами. Ссылнымъ запрещена была переписка съ родными изъ опасенія, чтобы отъ дурныхъ помѣщиковъ не стали убѣгать они въ Сибирь. Я любила ѣздить съ отцомъ въ острогъ къ обѣднѣ. Небольшая церковь вмѣщала скованныхъ арестантовъ; каждый звукъ ихъ цѣпей при молитвенномъ колѣнопреклоненіи раздиралъ у меня сердце; невозможно было безъ состраданія видѣть этихъ злополучныхъ, которые все-таки, какъ казалось мнѣ, томясь, искупали тяжкимъ крестомъ свои погрѣшности. При выходѣ изъ церкви они стояли всегда рядами и, проходя мимо ихъ, я старалась какъ только могла привѣтливей и съ любовью хоть взглядомъ выразить имъ мое сочувствіе. Мое молодое сердце находило какую-то особенную позцію быть посреди этихъ отверженцевъ міра и показывать имъ, что и они не чужды любви и состраданья. Однажды, пришлось мнѣ вынести раздирающее впечатлѣніе отъ посѣщенія такъ называемаго цѣпнаго отдѣленія. Это происходило такимъ образомъ: начну съ того, что въ то же время въ тобольскомъ острогѣ содержался извѣстный убійца, нѣкто Зыковъ, молодой послушникъ Донскаго монастыря, убившій изъ ревности княгиню Голицыну въ Москвѣ. Его исторія много надѣлала тогда шуму и многіе изъ высшаго общества принимали въ немъ горячее участіе, особенно московскія дамы. Не буду описывать исторію его убійства, она слишкомъ извѣстна, но скажу только про его личность и пребываніе въ тобольскомъ острогѣ (изъ Москвы многіе писали и ходатайствовали за него). Мать его хлопотала, чтобы

его по болѣзни оставили въ Тобольской губерніи на заводахъ, но ея просьба, за важностью преступленія, не была уважена. Когда Зыковъ былъ присланъ въ Тобольскъ, то отецъ мой, служа тогда прокуроромъ и посѣщая острогъ, заинтересовался имъ очень. Его молодость и болѣзненное состояніе (онъ страдалъ астмой) расположили къ нему отца на столько, что онъ принялъ въ немъ живое участіе, выхлопоталъ, чтобъ его оставили на зиму въ Тобольскомъ острогѣ въ больницѣ, гдѣ онъ и пробылъ до весны. Разказы отца о немъ возбудили во мнѣ желаніе его видѣть. Когда разъ отецъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ къ обѣднѣ въ острогъ и зайти послѣ того къ Зыкову, я очень обрадовалась и мы отправились туда. Больничное помѣщеніе, гдѣ находился Зыковъ, прилегалъ къ церкви и окно выходило прямо въ церковь, такъ что онъ могъ стоя у него молиться и видѣть всю службу. По окончаніи обѣдни, мы пошли къ нему: я шла съ обыкновенными своими чувствами къ заключеннымъ, приготовляясь съ любовью и состраданіемъ встрѣтить униженного преступника, или, по крайней мѣрѣ, смиреннаго узника-убійцу, но каково было мое удивленіе, когда я увидѣла предъ собою рисующагося и разыгрывающаго роль какого-то джентельмена или свѣтскаго человѣка въ полумонашескомъ одѣяніи молодого исхудалаго человѣка. За ширмами, которыми было отдѣлено для него помѣщеніе въ огромной комнатѣ больницы, стояли столъ, кровать и два стула; онъ поспѣшилъ тотчасъ же намъ ихъ предложить. На стѣнѣ надъ кроватью висѣли маленькіе образки, портретъ митрополита Филарета и миниатюрный портретъ «княгини Вѣры», какъ онъ безпрестанно называлъ убитую имъ княгиню Голицыну. На немъ сверхъ одежды надѣта была сѣрая пуховая косынка, вязаная, какъ онъ тоже безпрестанно объявлялъ, именно для него княгиней. Хвастовство его выражалось преимущественно въ разказахъ о томъ, какъ любилъ его митрополитъ Филаретъ и прочіе знаменитости московскіе, особенно разныя княгини и графини, принимавшія въ немъ участіе, не смотря на то, что онъ убилъ княгиню Голицыну. Онъ и мнѣ даже начиналъ лстить за мой, по Евангельскому ученію, какъ онъ выражался, посѣщеніи тюремъ, кривлялся, занимался своими бѣлыми руками, выставляя ихъ напоказъ. Однимъ словомъ, въ лицѣ его я увидѣла не несчастнаго злодѣя, а ничтожнаго фата, рисующагося даже своимъ злодѣянствомъ. У меня не достало духа сказать ему слово утѣшенія, такъ сильно охватило меня чувство отвращенія къ его пустотѣ, и я поспѣшила удалиться отъ него. Онъ очень хорошо понималъ, что не произвелъ на меня желаннаго эффекта; оскорбленное его самолюбіе не могло примириться съ фактомъ, что въ далекой Сибири, почти въ глуши, раскусили его лучше чѣмъ въ Москвѣ. Лицемѣря предъ отцомъ, но не смѣя ясно высказать свое негодованіе, онъ потомъ не разъ намекалъ ему на то, что мое посѣщеніе тюрьмы было больше изъ тщеславія, чѣмъ по Еван-

гельскому ученію, какъ онъ говорилъ мнѣ раньше. Вышедши отъ него, отецъ спросилъ меня, не хочу ли я пройти въ секретный казематъ, гдѣ содержалась только-что приведенная партія политическихъ преступниковъ-поляковъ, состоящая изъ 14-ти человѣкъ. Получивъ мое согласіе, мы отправились дальше; желѣзныя рѣшетчатые ворота, отдѣлявшія секретный дворъ, были заперты на замки; дежурный офицеръ ихъ отперъ, и онѣ растворились передъ нами, чтобы только пропустить насъ и тотчасъ же за нами снова сомкнулись. Грустно замерло у меня сердце! На секретномъ дворѣ встрѣтилось намъ нѣсколько человѣкъ въ кандалахъ; это были убійцы, которые, высидѣвъ по нѣскольку лѣтъ на цѣпи, оставляются потомъ вѣчно въ кандалахъ и выпускаются на прогулку только по секретному двору. Особенно одна личность бросилась мнѣ въ глаза: здоровый, коренастый, высокаго роста мужчина, нѣкто Кореневъ, представлявшій типъ совершеннаго разбойника; онъ загубилъ душъ десять, просидѣлъ десять лѣтъ на цѣпи и былъ оставленъ навсегда въ кандалахъ въ острогѣ. Когда мы вошли въ секретные казематы, моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина. Въ душной, хотя довольно большой, комнатѣ по обѣимъ сторонамъ наръ сидѣли полулежа въ цѣпяхъ на своихъ койкахъ заключенные поляки; они всѣ разомъ вскочили и точно остоленѣли при видѣ вошедшей въ ихъ недосыгаемая камеры точно сказочной феи, какъ они сами послѣ мнѣ рассказывали, молодой женщины, по одеждѣ принадлежащей къ кругу порядочныхъ людей. Потрясающій звукъ цѣпей разомъ вскочившихъ четырнадцати человѣкъ оглушилъ было меня совсѣмъ, но пока отецъ разговаривалъ съ нѣкоторыми, я оправилась и обратилась къ нимъ съ словами:

— Не имѣете ли вы въ чемъ нужды: въ чаѣ, сахарѣ и другихъ потребностяхъ? я съ удовольствіемъ исполню, что только могу.

Они окружили меня, благодарили кто поруски, кто польски, кто пофранцузски. Почти всѣ они были люди прекрасно образованные, многіе изъ хорошихъ фамилій. Отъ нихъ мы направились въ цѣпное отдѣленіе; тамъ ожидала меня еще болѣе потрясающая картина. Проходя по полутемному корридору, по бокамъ котораго устроены были отдѣльныя въ три аршина каморки, я видѣла, что у притолокъ каждой изъ нихъ стояли, точно мертвецы, блѣдные, исхудалые несчастные заключенные, смотрѣвшіе на насъ тупымъ, безжизненнымъ взглядомъ, какъ бы спрашивая: «да зачѣмъ это вы явились въ наши живыя могилы?» Внутренность каморки вмѣщала кровать и деревянную табуретку. Привинченная же однимъ концомъ тяжелая цѣпь въ углу каморки, а другимъ концомъ къ ногѣ несчастнаго заключеннаго, давала ему возможность дѣлать лишь три шага до порога своей каморки. Въ одной изъ нихъ лежалъ больной въ водяной и грубая цѣпь все-таки не выпускала его изъ своихъ оковъ. Повиснувъ тяжело съ ноги несчастнаго, она ле-

жала частью на полу и при малѣйшемъ его движеніи не давала ему забыться; несчастные такъ и умирали тутъ; одна смерть только освобождала ихъ отъ этихъ вѣчныхъ узъ. До сихъ поръ, хотя прошло болѣе уже 30-ти лѣтъ, не могу безъ особенно тяжелаго чувства вспомнить этихъ заживо погребенныхъ существъ. Когда я слышала рассказы о попыткахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ бѣжать изъ тюрьмы, то отъ всей души сочувствовала имъ.

Пріѣхавъ обѣдать съ отцомъ къ Фонъ-Визинымъ, я передала имъ о моемъ посѣщеніи въ острогъ поляковъ и о желаніи помочь имъ, тѣмъ болѣе, что и отецъ не былъ противъ этого, даже сказалъ, что не всѣ изъ нихъ богаты и иные нуждались въ необходимомъ. Фонъ-Визины приняли горячо къ сердцу ихъ положеніе, особенно Наталья Дмитріевна; она пожелала также ихъ посѣтить, и мы съ ней рѣшились поѣхать въ слѣдующее воскресенье вдвоемъ въ острогъ къ обѣднѣ, чтобъ какъ-нибудь пробраться къ нимъ. Предварительно же она отправила въ острогъ няню Матрену Петровну со всевозможными продуктами: чаемъ, сахаромъ, калачами, сухими закусками, и поручила ей, чтобъ она какъ-нибудь предупредила ихъ о нашемъ предстоящемъ посѣщеніи. Няня, ловкая и опытная по этимъ дѣламъ, добралась какъ будто съ подаяніемъ прямо до нихъ и передала имъ все, что нужно. Когда мы съ Натальей Дмитріевной пріѣхали къ обѣднѣ въ острогъ, то увидѣли, что и поляки были тоже въ церкви. По окончаніи службы, выходя, мы сказали имъ пофранцузски, что сейчасъ къ нимъ зайдемъ. Хотя я и знала, что къ политическимъ преступникамъ строго запрещено допускать кого бы то ни было; но, смѣло обратившись къ караульному офицеру, сказала:

— Пропустите, пожалуйста, меня съ Натальей Дмитріевной въ секретныя камеры къ полякамъ.

Молоденькій офицеръ смѣшался, не зная что отвѣчать.

— Вѣдь по закону не велѣно никого допускать къ политическимъ преступникамъ,—отвѣчалъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

Я поторопилась воспользоваться его замѣшательствомъ.

— Какъ, даже и съ подаяніемъ?—возразила я ему,—развѣ вы не знаете, что я въ прошлый разъ была уже тамъ съ моимъ отцомъ прокуроромъ, который не хуже вашего знаетъ законы?

Офицеръ поколебался; мой смѣлый, рѣшительный тонъ подѣйствовалъ на него; въ это время подошла новая смѣна караула, явился другой тоже молоденькій, очевидно, только-что произведенный офицерикъ, съ которымъ первый посоветовался, и, наконецъ, они рѣшили насъ пропустить. Весь этотъ разговоръ происходилъ передъ тѣми же замкнутыми чугунными рѣшетчатыми воротами, отдѣляющими секретный дворъ, и мы сквозь нихъ видѣли отчаяніе несчастныхъ поляковъ при нашемъ затрудненіи попасть къ нимъ, а стоявшій за воротами на дворѣ разбойникъ Кореневъ, усмѣхаясь, острилъ, обращаясь къ намъ:

— Здѣсь вѣдь нужно, сударыни, поставить Богу свѣчку, а чорту двѣ, тогда и сдѣлають.

Что онъ подъ этимъ разумѣлъ—не знаю. Офицеръ велѣлъ отворить ворота и самъ пошелъ съ нами. Мы торжествовали. Поляки радовались. Разговоръ нашъ съ ними происходилъ на французскомъ языкѣ и офицеръ не понималъ его. Поляки очень скорбѣли, что не имѣють возможности писать къ своимъ роднымъ, кромѣ официальныхъ писемъ. Мы предложили имъ написать письма, которыя взялись переслать. Особенно одинъ изъ нихъ, графъ Стадницкій, очень былъ огорченъ неизвѣстностью о ходѣ дѣла по его сконфискованному имѣнію. У него осталась дочь и жена; послѣдней онъ поручилъ хлопотать въ Петербургѣ о дѣлахъ. Онъ умолялъ меня, нельзя ли чрезъ кого-нибудь помимо начальства получить отъ нея извѣстіе. Я сознавала всю опасность для моего отца позволить имъ переписываться чрезъ меня, но, полагаясь на милосердіе Божіе и ввѣряя Ему это опасное дѣло, дала свой адресъ. Они такъ были тронуты нашимъ предложеніемъ, что со слезами на глазахъ бросились цѣловать наши руки. Провожая насъ, они съ грустью смотрѣли намъ въ слѣдъ; вдругъ одинъ изъ нихъ отдѣлился, догналъ насъ и со слезами въ голосъ сталъ умолять ломанымъ русскимъ языкомъ:

— Пане женко, мой письмо тожъ.

Мы такъ и обмерли; офицеръ обернулся къ нему; растерявшись въ первую минуту, я не знала какъ и чѣмъ отвлечь вниманіе офицера отъ него; увидѣвъ какое-то загороженное мѣсто, спрашиваю офицера: что это такое?.. Онъ, сконфузившись, мялся и не зналъ какъ мнѣ назвать его. Но во время моего глупаго разговора съ офицеромъ, товарищи успѣли удержать его и объяснить въ чемъ дѣло. Оказалось, что онъ, не зная хорошо французскаго языка, не вдругъ понялъ наше предложеніе о письмахъ; но догадавшись бросился догонять насъ и чуть-чуть не испортилъ дѣло и не подвергъ всѣхъ насъ большой непріятности.

Положеніе поляковъ было тѣмъ ужаснѣе, что подходила зима съ суровыми сибирскими морозами, а имъ предстояло изъ Тобольска пройти пѣшкомъ въ Иркутскую губернію 3,000 верстъ. Изъ 14-ти человекъ только четверо имѣли хорошія средства, а остальные десять ровно ничего не имѣли; богатые же ни въ чемъ не помогали своимъ бѣднымъ товарищамъ. Мы съ Натальей Дмитріевной старались пополнить ихъ недостатки, чѣмъ могли; она накупила имъ сапоговъ, теплыхъ перчатокъ, шапокъ, бѣлья и разныхъ необходимыхъ вещей для дороги; я съ своей стороны взялась собрать нѣкоторую сумму денегъ для мелкихъ ихъ расходовъ въ такомъ дальнемъ пути. Всѣ, къ кому я обращалась, приняли участіе и помогли съ любовью въ моемъ сборѣ, а больше всѣхъ Александръ Михайловичъ Муравьевъ, такъ что составила порядочная сумма.

Трудность состояла только въ томъ, какъ передать имъ въ руки деньги безъ участія начальства и какъ получить отъ нихъ для пересылки письма къ ихъ роднымъ. Поѣхать снова въ острогъ къ обѣднѣ и видѣть ихъ тѣмъ же порядкомъ, не возбудивъ подозрѣнія, было невозможно. Я долго ломала голову, какъ это устроить безъ участія отца, не желая безъ особенной причины подвергать его отвѣтственности. Одинъ планъ показался мнѣ болѣе удобоисполнимымъ, на которомъ я и остановилась. Смотрителемъ острога былъ очень скромный, простой чиновникъ старичекъ. Онъ настолько былъ робокъ, что зная вспыльчивый характеръ моего отца, пріѣзжая ежедневно съ рапортомъ о состояніи острога и входя со страхомъ къ нему въ кабинетъ, читалъ постоянно въ полголоса молитву: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его». Я рѣшилась воспользоваться его скромностью; когда однажды онъ выходилъ отъ отца, я подошла къ нему съ просьбою, чтобъ онъ принялъ меня съ Натальей Дмитріевной Фонъ-Визиной въ этотъ вечеръ у себя на квартирѣ въ острогѣ. Бѣдный старикъ былъ очень удивленъ такимъ небывалымъ моимъ заявленіемъ.

— Пожалуйста,—прибавила я,—сдѣлайте распоряженіе, чтобъ насъ пустили въ острогъ, когда мы пріѣдемъ.

Онъ поклонился и ушелъ. Я же тотчасъ отправилась обѣдать къ Фонъ-Визинымъ.

Часовъ въ шесть вечера, мы съ Н. Д. уже остановились у воротъ острога. Часовой не пропускалъ насъ, но мы сказали, что пріѣхали въ гости къ смотрителю; тогда часовой, не отворяя воротъ, передалъ объ этомъ другому часовому, стоявшему внутри двора, другой—третьему и такъ далѣе, пока не дошло до смотрителя. Разрѣшеніе пустить насъ передавалось тѣмъ же порядкомъ часовыми, почему намъ пришлось простоять очень долго на морозѣ. Темнота ночи и перекличка часовыхъ внутри острога наводили какой-то невольный страхъ. Наконецъ, послышались шаги, замки застучали и тяжело заскрипѣли ворота. Мы въѣхали на темный дворъ; кое-гдѣ мелькали огоньки, кругомъ мертвая тишина, нарушаемая лишь мѣрными шагами часовыхъ. Тяжело, грустно было въ этой живой могилѣ! На порогѣ своей квартиры встрѣтилъ насъ смотритель. Войдя въ комнату, я передала ему цѣль нашего посѣщенія. «Пожалуйста, устройте намъ свиданіе съ заключенными поляками»,—обратилась я къ нему.—«Да это невозможно, въ настоящее ночное время никого нельзя допускать къ нимъ въ камеры»,—отвѣчалъ онъ мнѣ растеряннымъ голосомъ.—«Такъ приведите ихъ сюда, вѣдь вы имѣете полное право потребовать ихъ къ себѣ, когда хотите»,—настаивала я. И добрый старичекъ, не смѣя отказать просьбѣ дочери своего начальника, скрѣпя сердце согласился. Не прошло четверти часа, какъ страшный звукъ цѣпей посреди мрака ночи раздался по двору и нѣсколько минутъ

спустя предъ нами стояли несчастные поляки. Часовые, приведшіе ихъ, съ ружьями остановились въ дверяхъ. Увидѣвъ насъ, злополучные заключенные бросились къ намъ; тутъ только поняли они зачѣмъ были потребованы ночью къ смотрителю на квартиру. Трудно выразить съ какимъ восторгомъ благодарили они насъ за участіе къ нимъ! Приготовленные деньги въ отдѣльныхъ пакетахъ были переданы каждому въ руки, а они отдали намъ написанныя ими и спрятанныя въ сапогахъ письма къ роднымъ. Они не знали чѣмъ выразить свою радость и признательность.—«Могли ли мы вообразить,—воскликали они,—что отправляясь въ ссылку въ Сибирь, почти на край свѣта, именно тамъ встрѣтимъ такихъ людей, которые съ такой любовью отнесутся къ намъ, тогда какъ просидѣвъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ у себя на родинѣ, отъ своихъ соплеменниковъ не видали подобнаго участія!» Неизвѣстность, куда именно пошлутъ ихъ изъ Тобольска, терзала поляковъ жестоко.—«Попросите, пожалуйста, вашего добраго отца,—умоляли они меня,—нельзя ли какъ-нибудь смягчить нашу участь». Особенно одинъ старикъ, нѣкто Піотровскій, тронулъ меня даже до слезъ своимъ умоляющимъ видомъ; онъ, кромѣ польскаго языка, не зналъ другого, почему и выражалъ свою просьбу одними лишь словами: «Добже пане!» Я, конечно, изъ этихъ словъ ничего не могла понять. Оказалось, какъ объяснили его товарищи, онъ просилъ выхлопотать ему у моего отца, по старости лѣтъ и болѣзни ногъ, позволеніе ѣхать на подводѣ при партіи. Обѣщавъ сдѣлать все, что только было можно, мы распростились съ ними. Подъ тѣмъ же конвоемъ солдатъ съ ружьями отвели ихъ обратно; какъ только стихли долетающіе унылые звуки ихъ цѣпей, мы, поблагодаривъ горячо добраго старика смотрителя и предупредивъ его не передавать отцу о нашемъ посѣщеніи, благополучно возвратились назадъ, довольныя, что могли утѣшить несчастныхъ. Отецъ зналъ, что мы съ Н. Д. принимали въ полякахъ большое участіе, почему его и не удивляли наши просьбы за нихъ; онъ и самъ относился къ нимъ на столько сострадательно, что расположилъ и другихъ высшихъ служащихъ оказать имъ снисхожденіе, такъ что вмѣсто Иркутской губерніи всѣхъ ихъ причислили на заводы Тобольской губерніи и по слабости здоровья отправили при партіи на подводахъ.

Страшно трескуцій морозъ стоялъ на дворѣ, когда пришлось имъ отправляться изъ Тобольска. Партія выступала слишкомъ рано на разсвѣтъ дня, почему мы не могли сами проводить ихъ; но Фонъ-Визины послали свою извѣстную няню, нагруженную всевозможными теплыми вещами. У меня было нѣсколько штукъ мѣховыхъ боа, которыя я и велѣла имъ передать. Няня, провожая партію, встрѣтила на дворѣ идущаго булочника, скупила у него весь коробъ бѣлаго хлѣба и высыпала имъ въ сани. Они со слезами на

глазахъ просили няню передать мнѣ и Н. Д. Фонъ-Визиной ихъ безпредѣльную благодарность.

Зыковъ, заболѣвъ въ больницѣ, просилъ очень черезъ отца, чтобъ его навѣстила Н. Д. Фонъ-Визина, о которой, какъ онъ говорилъ, много слышалъ хорошаго, почему и желалъ бы ей открыть свою душу. Н. Д. побоялась поѣхать къ нему одна и просила меня ее сопровождать. Въ больницу допускали всѣхъ, и мы могли быть тамъ безъ всякихъ опасеній. Приѣхавъ, по его желанію, вечеромъ, я думала найти его чуть не умирающимъ; но онъ насъ встрѣтилъ у своихъ ширмъ и, едва передвигая ноги и задыхаясь, ввелъ къ себѣ. Та же комедія опять повторилась; онъ рисовался передъ Н. Д. еще болѣе, чѣмъ передо мною. Обратившись къ ней, онъ ей сказалъ:—«Мнѣ нужно вамъ открыть свою душу и я желалъ бы поговорить съ вами наединѣ». Какъ ни была непріятна Н. Д. тайная съ нимъ бесѣда, но дѣлать было нечего и она попросила меня выйти за ширмы.

Больница представляла обширную, довольно чистую комнату съ рядами кроватей; въ полумракѣ слышался стонъ больныхъ арестантовъ; нѣкоторые боролись съ предсмертною агоніей, другіе умоляли дать имъ хоть каплю воды смочить запекшіяся отъ жара губы, третьи въ горячечномъ бреду вскакивали и порывались бѣжать, но были грубо удерживаемы служителями больницы. Жутко становилось мнѣ; наконецъ, Н. Д. позвала меня и я была очень рада вырваться на чистый воздухъ изъ душной атмосферы больницы. Исповѣдь Зыкова передъ Н. Д. заключалась, какъ она рассказывала, въ подробностяхъ убійства имъ княгини Голицыной и въ исторіи его любви. «Я любилъ ее страстно, она обѣщала выйти за меня замужъ, но обманула, думая уѣхать за границу; когда же я узналъ объ этомъ, то зазвалъ ее для послѣдняго прощанія въ домъ моей матери и, мучимый ревностью, вонзилъ ей въ сонную жилу, предварительно изучивъ, гдѣ она находится, приготовленный ножъ; ударъ былъ такъ удаченъ, что княгиня не вздохнула; я же, бросивъ окровавленный ножъ и тотчасъ преклонивъ колѣна, началъ читать надъ ея трупомъ заупокойныя молитвы и тутъ былъ арестованъ». Онъ точно съ какимъ-то наслажденіемъ рассказывалъ подробности этой ужасной сцены, находя при томъ въ лицѣ Н. Д. сходство съ покойной княгиней, такъ что ей просто стало страшно; рассказъ произвелъ на нее непріятное впечатлѣніе, особенно когда онъ въ концѣ спросилъ Н. Д.:—«Не правда ли, что обо мнѣ, какъ необыкновенномъ злодѣѣ, много говорятъ здѣсь въ Tobольскѣ?» Тогда Н. Д. довольно рѣзко отвѣтила ему:—«Напрасно вы это думаете, здѣсь такъ много и такъ часто приходится слышать о неслыханныхъ злодѣяніяхъ, что исторія вашего убійства, какъ болѣе обыкновенная, мало обращаетъ на себя вниманія».

Зыковъ, проживъ въ Tobольскѣ зиму, весною былъ отправленъ

въ Иркутскую губернію въ отдаленные заводы и по болѣзни ѣхалъ на подводѣ при партіи. На дорогу мать прислала ему изъ Москвы достаточное количество денегъ. Останавливаясь на этапахъ, онъ и тамъ сталъ разыгрывать роль богатаго барина, заставлялъ за собою ухаживать и когда ему, напримѣръ, подавали шубу, то давалъ по рублю на чай. Хвастаясь важными связями въ Россіи, онъ обѣщаль мѣста этапнымъ офицерамъ. Такимъ образомъ, онъ доѣхалъ до Иркутска, гдѣ въ то время генераль-губернаторомъ былъ графъ Ник. Ник. Муравьевъ-Амурскій; къ нему тоже писали изъ Москвы и просили за Зыкова. Графъ Муравьевъ-Амурскій вслѣдствіе этого принялъ въ немъ большое участіе, оставилъ его въ Иркутскѣ, отмѣнилъ по болѣзни посылку его на работы, помѣстилъ въ отдѣльномъ домѣ. И что же? Онъ такъ зазнался этою протекціею, что сталъ вмѣшиваться въ разные дѣла и раздавать даже мѣста, хвастаясь протекціею генераль-губернатора. Когда графъ Муравьевъ узналъ объ этомъ, то такъ разсердился, что сослалъ его въ самый дальній заводъ Акатуй на работы, гдѣ онъ и умеръ.

V.

Омскъ. — Генераль-губернаторъ Западной Сибири князь П. Д. Горчаковъ. — Генеральша Шрамъ. — Ея вліяніе на князя Горчакова и на дѣла управленія. — Власть и значеніе тогдашнихъ губернаторовъ въ Сибири. — Княгиня Горчакова и ея дочери. — Процессъ князя Горчакова о наслѣдствѣ. — Протестъ моего отца на рѣшеніе этого дѣла въ пользу князя. — Гнѣвъ князя Горчакова на моего отца и Фонъ-Визинныхъ. — Прибытіе въ Тобольскъ сильныхъ по дѣлу Петрашевскаго. — Проводы Достоевскаго и Дурова въ Омскъ. — Трусость князя Горчакова. — Стихи Дурова. — Угрозы князя Горчакова Н. Д. Фонъ-Визинной и моему отцу. — Письмо Н. Д. къ императору Николаю Павловичу. — Наши безпокойства. — Неожиданная отставка генерала Шрамъ. — Ревизія генерала Анненкова. — Увеселенія въ честь его въ Тобольскѣ. — Увольненіе князя Горчакова и назначеніе на его мѣсто генерала Гасфорта. — Неожиданная кончина сыновей Фонъ-Визина. — Пріѣздъ въ Сибирь брата Фонъ-Визина. — Успѣшныя хлопоты о прощеніи М. А. Фонъ-Визина. — Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Курганѣ. — Отъѣздъ М. А. Фонъ-Визина въ Россію. — Его путешествіе до Москвы. — Кончина брата его. — Наталья Дмитриевна Фонъ-Визина рѣшается ѣхать въ Россію. — Я соглашаюсь сопутствовать ей.

Въ Омскѣ, отстоящемъ въ 600 верстахъ отъ Тобольска, ближе къ киргизской степи, была сосредоточена главная квартира генераль-губернатора Западной Сибири. Тамъ находились также всѣ военныя управленія и военное училище, впослѣдствіи переформированное въ кадетскій корпусъ, переустройство котораго было поручено вновь назначенному изъ Петербурга инспектору, Ивану Викентьевичу Жданъ-Пушкину, бывшему потомъ директоромъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ и скончался. Онъ былъ

лично извѣстенъ, какъ отличный офицеръ, начальнику учебныхъ заведеній, Якову Ивановичу Ростовцеву, и ему было дано право со всѣми вопросами по этому дѣлу обращаться прямо къ нему, помимо бывшаго въ то время директоромъ генерала Шрамма. Прежде Омскъ былъ простой крѣпостью, назначенной для защиты нашихъ границъ отъ набѣговъ киргизовъ, но когда набѣги стали усиливаться, то генераль-губернаторъ князь Горчаковъ нашелъ нужнымъ перевести свою резиденцію изъ Тобольска въ Омскъ. Жизнь тамъ закипѣла ключомъ, начались необходимыя постройки для помѣщенія войска и гражданского управленія. Городъ возросталъ не по днямъ, а по часамъ, хотя долго еще ощущался недостатокъ въ удобныхъ помѣщеніяхъ для служащихъ. Князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ умѣлъ окружить себя хорошими людьми; адъютантами его были люди прекрасно образованные, принадлежавшіе къ лучшему обществу: графъ Толстой, баронъ Врангель, Мантефейль, Бибиковъ и другіе. Въ началѣ своего управленія князь Горчаковъ держался твердыхъ и честныхъ правилъ, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать про конецъ его правленія. Подпавъ подъ вліяніе очень умной, хотя далеко не красивой и не молодой генеральши Шраммъ, онъ настолько подчинился ей, что не устоялъ даже въ своихъ прежнихъ твердыхъ правилахъ. Она своимъ замѣчательно тонкимъ и хитрымъ умомъ такъ забрала его въ руки, что подъ конецъ безъ ея согласія и совѣта не рѣшалось никакое дѣло. Лестъ и взяточничество начали проявляться въ огромныхъ размѣрахъ, владычество и управленіе краемъ перешло совершенно въ ея руки; если кому было что-нибудь нужно, то прямо обращались къ ней, неся иногда непосильную дань для успѣха дѣла. Князь, конечно, закрывалъ глаза и дѣлалъ видъ, будто ничего не видитъ, тогда какъ вся область страдала отъ владычества корыстолюбивой женщины; возникъ общій ропотъ, посыпались доносы въ Петербургъ. Бывши разъ на балу у князя Горчакова въ Омскѣ, куда къ нему приглашались иногда губернаторы съ семействами и другіе болѣе почетные чиновники Тобольска, я увидѣла тамъ жену богатаго золотискателя Асташева, пріѣхавшую изъ Томска тоже на этотъ балъ; она, можно сказать, вся была унижена великолѣпными брилліантами; особенное вниманіе обращалъ на себя драгоцѣнный браслетъ, съ крупными солитерами. Черезъ нѣсколько дней браслетъ этотъ уже красовался на рукѣ корыстолюбивой генеральши. Въ столь отдаленномъ краю, какъ Сибирь, особенно въ то время, генераль-губернаторы имѣли безграничную власть, распоряжались почти безъ контроля, все передъ ними молчало и не смѣло прекословить; очень немногіе могли идти, не уклоняясь, прямымъ путемъ къ правдѣ, что, конечно, очень не нравилось властолюбивымъ правителямъ.

Губернаторы тоже имѣли не малую власть и жили магнатами. Воз-

вращаясь разъ изъ Омска въ Tobольскъ съ однимъ изъ нихъ, Энгельке, я была поражена тѣмъ подобострастіемъ, съ которымъ встрѣчали и провожали насъ вездѣ. Впереди насъ, на всемъ шестисотъ верстномъ разстояніи, скакалъ на перекладной, въ мундирѣ, засѣдатель; онъ приготавлилъ въ деревнѣ квартиру и устраивалъ приличную встрѣчу. За нимъ слѣдовалъ поваръ губернатора и заранѣе готовилъ обѣдъ, гдѣ назначена была остановка. Потомъ въ каретѣ шестерикомъ, по нарочно усаженной березами и убитой пескомъ аллеи, подѣзжали мы къ дому, гдѣ была приготовлена квартира. Мужики и бабы въ праздничныхъ одеждахъ встрѣчали насъ съ низкими поклонами и тутъ же приносили и заявляли свои жалобы губернатору. На подъемѣ же высокой горы берега Иртыша, по окраинѣ которой лежала дорога, буквально вся деревня была выслана и стояла шпалерами на крутизнѣ, поддерживая экипажъ губернатора, чтобы онъ какъ-нибудь не соскользнулъ въ пропасть.

Ѣзда въ Сибири необыкновенно быстрая; лошади съ виду кажутся маленькими, но мчатъ во весь карьеръ. Когда ѣдутъ на вольныхъ, то ямщики, слышавъ издали звукъ колокольчиковъ, верхами выѣзжаютъ на встрѣчу проѣзжающимъ за околицу и на расхватъ стараются вести ихъ. Станціи иногда бываютъ верстъ по 40. Запрягая лошадей, толпа ямщиковъ окружаетъ экипажъ и держать лошадей, пока ямщикъ не сядетъ на козлы; онъ же садится лишь тогда, когда усядутся сѣдоки, потому что разъ онъ взялъ въ руки вожжи, народъ, держащій лошадей, разбѣгается въ стороны и тройка, подхвативъ, какъ стрѣла мчится съ такою быстротою, что духъ захватываетъ у сѣдоковъ.

Князь Горчаковъ, увлекшись дурнымъ вліяніемъ, внесъ не мало горя и въ семейную свою жизнь. Княгиня уѣхала въ Россію и болѣе уже не возвращалась въ Сибирь. Послѣ ея кончины, дочери ея пріѣзжали было къ отцу въ Омскъ, но не могли вынести несправедливости отца и должны были тоже возвратиться назадъ въ Россію. Единственнымъ ихъ утѣшеніемъ во время пребыванія ихъ въ Сибири было свиданіе съ Нат. Дмитр. Фонъ-Визиной; онъ нарочно пріѣзжали къ ней въ Tobольскъ; но князь, подозрѣвая, что онъ жалуется ей, какъ близкой родственницѣ покойной ихъ матери, на его поведеніе и недобросовѣстные поступки относительно ихъ самихъ, такъ какъ онъ затѣялъ въ то время еще одно очень не-правое дѣло, касательно завѣщаннаго его дочерямъ дядею ихъ матери Черевинымъ по духовному завѣщанію наслѣдства, и перевелъ это дѣло для скорѣйшаго успѣха въ сибирскіе суды, гдѣ, какъ властелинъ края, надѣялся выиграть его, возсталъ и противъ Фонъ-Визинныхъ, не смотря на то, что до тѣхъ поръ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ въ лучшихъ дружескихъ отношеніяхъ съ ними. Онъ началъ писать укорительныя письма къ Натальѣ Дмитриевнѣ, будто она возстановляетъ дочерей его противъ него, бѣсился неимо-

вѣрно, особенно же когда неправое дѣло, кончившееся въ низшихъ инстанціяхъ судовъ сибирскихъ въ его пользу, перешло на разсмотрѣніе прокурора, которымъ былъ тогда мой отецъ, пользовавшійся, какъ сказано раньше, всегда его большимъ расположеніемъ. Но сколько ни дорожилъ отецъ лестнымъ его вниманіемъ, онъ не могъ поступить вопреки своей совѣсти, почему и протестовалъ противъ неправого рѣшенія дѣла въ пользу князя Горчакова. Отецъ очень хорошо сознавалъ, что своимъ протестомъ онъ наживалъ себѣ непримиримаго врага въ лицѣ князя, какъ это и оказалось потомъ, и что онъ жертвуетъ благосостояніемъ своей многочисленной семьи, которой оставалось единственное наслѣдство послѣ его смерти — заслуженная имъ безпорочной сорокалѣтней службой пенсія. Князь же, по своей силѣ и безграничной власти въ Сибири, легко могъ сокрушить и уничтожить всѣ его прежнія заслуги. Какъ ни трудно было предстоявшее ему рѣшеніе, но, предавшись Богу, онъ поступилъ, какъ повелѣвалъ ему законъ совѣсти. Князь Горчаковъ, получивъ протестъ отца, разсвирѣпѣлъ окончательно. Онъ никакъ не предполагалъ встрѣтить оппозицію отъ человѣка, въ преданности котораго былъ увѣренъ. Зная же хорошо наши дружескія отношенія съ Фонъ-Визинами, онъ въ своемъ гнѣвѣ отнесъ все это ихъ вліянію и поклялся, что уничтожить до тла противодѣйствующее ему гнѣздо.

Незадолго же до этой исторіи была привезена въ Тобольскъ партія политическихъ преступниковъ, такъ называемыхъ Петрашевцевъ, состоявшая изъ восьми человѣкъ: Достоевскаго, Дурова, Момбели, Львова, Григорьева, Спѣшневъ и самого Петрашевскаго. Отсюда ихъ распредѣляли уже по разнымъ заводамъ и губерніямъ. Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина, посѣщая ихъ въ Тобольскомъ острогѣ, принимала въ нихъ горячее участіе и, находясь еще тогда въ дружескихъ отношеніяхъ съ княземъ Горчаковымъ, просила его оказать посланнымъ въ Омскъ Достоевскому и Дурову покровительство, что и было сначала исполнено княземъ.

Узнавъ о днѣ ихъ отправленія, мы съ Натальей Дмитріевной выѣхали проводить ихъ по дорогѣ, ведущей въ Омскъ, за Иртышъ, верстъ за семь отъ Тобольска. Морозъ стоялъ страшный. Отправившись въ своихъ саняхъ пораньше, чтобъ не пропустить проѣзжающихъ узниковъ, мы заранѣе вышли изъ экипажа и нарочно съ версту ушли впередъ по дорогѣ, чтобъ не сдѣлать кучера свидѣтелемъ нашего съ ними прощанья; тѣмъ болѣе, что я должна была еще тайно дать жандарму письмо для передачи въ Омскъ хорошему своему знакомому, подполковнику Жданъ-Пушкину, въ которомъ просила его принять участіе въ Достоевскомъ и Дуровѣ.

Долго намъ пришлось прождать запоздалыхъ путниковъ; не помню, что задержало ихъ отправку, и 30-ти-градусный морозъ порядочно начиналъ насъ пробирать въ открытомъ полѣ. Прислуши-

ваясь безпрестанно къ малѣйшему шороху и звуку, мы ходили взадъ и впередъ, согрѣвая ноги и мучаясь неизвѣстностью, чему приписать ихъ замедленіе. Наконецъ, мы услышали отдаленные звуки колокольчиковъ. Вскорѣ изъ-за опушки лѣса показалась тройка съ жандармомъ и сѣдокомъ, за ней другая; мы вышли на дорогу и, когда они поровнялись съ нами, махнули жандармамъ остановиться, о чемъ уговорились съ ними заранѣе. Изъ кошевыхъ (сибирскій зимній экипажъ) выскочили Достоевскій и Дуровъ. Первый былъ худенькій, небольшого роста, не очень красивый собой молодой человѣкъ, а второй лѣтъ на десять старше товарища, съ правильными чертами лица, съ большими черными, задумчивыми глазами, черными волосами и бородой, покрытой отъ мороза снѣгомъ. Одѣты были они въ арестантскіе полушубки и мѣховые малахы, въ родѣ шапокъ съ наушниками; тяжелые кандалы гремѣли на ногахъ. Мы наскоро съ ними простились, боясь, чтобы кто-нибудь изъ проѣзжающихъ не засталъ насъ съ ними, и успѣли только имъ сказать, чтобы они не теряли бодрости духа, что о нихъ и тамъ будутъ заботиться добрые люди. Я отдала приготовленное письмо къ Пушкину жандарму, которое онъ аккуратно и доставилъ ему въ Омскѣ.

Они снова уѣхали въ свои кошевые, ямщикъ ударилъ по лошадамъ, и тройки помчали ихъ въ непроглядную даль горькой ихъ участи. Когда замеръ послѣдній звукъ колокольчиковъ, мы, отыскавъ наши сани, возвратились чуть не околѣнѣвшія отъ холода домой.

Въ началѣ пребыванія въ Омскѣ, въ арестантскихъ ротахъ, Достоевскаго и Дурова, имъ было гораздо лучше, чѣмъ впослѣдствіи. Князь Горчаковъ, по просьбѣ Натальи Дмитріевны, принялъ въ нихъ участіе и дѣлалъ разныя облегченія, но послѣ размолвки Натальи Дмитріевны съ княземъ все вдругъ перемѣнилось, и вмѣсто снисхожденія началось притѣсненіе. Прежде всего, запрещено было помѣщать ихъ въ госпиталь, потомъ велѣно было высылать ихъ съ прочими арестантами въ кандалахъ чистить зимой самыя многолюдныя улицы, однимъ словомъ, начался для нихъ цѣлый рядъ разнородныхъ униженій. Мы имѣли о нихъ постоянныя свѣдѣнія отъ Пушкина; онъ, какъ инспекторъ кадетскаго корпуса, писалъ ко мнѣ о нихъ подъ видомъ извѣстій будто бы о родственникахъ-кадетахъ; между прочимъ, забавно описывалъ онъ переполохъ князя изъ-за Достоевскаго и Дурова. «Однажды, — писалъ Пушкинъ, — начальникъ штаба, генералъ Жемчужниковъ, посѣтилъ военный лазаретъ и, видя здоровый видъ Достоевскаго и Дурова, шепнулъ главному доктору Троицкому, чтобы онъ ихъ выписалъ, прибавивъ при этомъ по секрету, что въ нихъ и князь Горчаковъ принимаетъ большое участіе и что имъ не такъ худо будетъ и внѣ госпиталя; дѣйствительно, коменданту было передано по секрету,

чтобъ съ ними и обращались хорошо и не употребляли ихъ на тяжелыя работы. Причина приказанія выписать ихъ изъ госпиталя была, кажется, трусость князя. Здѣсь пресмѣшная комедія была. Князь, получивши въ первый разъ предписаніе о присылкѣ въ Сибирь этихъ несчастныхъ, распорядился тотчасъ же о развозѣ ихъ по назначеннымъ мѣстамъ тоже на почтовыхъ, какъ они прибыли изъ Петербурга; на другой день приходитъ къ князю начальникъ штаба и увѣряетъ, что ихъ слѣдовало отправить по этапамъ пѣшкомъ, а не по почтѣ, и что за это князь можетъ получить непріятность. Князь испугался, послалъ было тотчасъ же адъютанта своего на курьерскихъ въ Tobольскъ, чтобъ остановить свое первое распоряженіе, но было уже поздно, адъютантъ встрѣтилъ на дорогѣ ѣдущихъ въ Омскъ Дурова и Достоевскаго и узналъ, что прочіе тоже отправлены и что ихъ никакъ не догонишь. На князя напала страшная трусость, пошли вздохи и жалобы; онъ только и твердилъ окружающимъ его, что вотъ долготѣняя служба его должна пропасть, что онъ ожидаетъ каждую минуту, что прискачетъ изъ Петербурга фельдъегерь, посадить его въ сани и увезетъ за тридевять земель; ничѣмъ заниматься не могъ, только это въ головѣ у него и было, и вотъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ этой-то трусости онъ и послалъ начальника штаба въ госпиталь съ тѣмъ, что ежели онъ найдетъ ихъ на видъ здоровыми, то чтобы приказалъ выписать. Надняхъ получилъ, наконецъ, князь успокоительный отвѣтъ изъ Петербурга, гдѣ пишутъ, что всѣ его распоряженія на счетъ отправленія и назначенія этихъ несчастныхъ одобряются совершенно, и вотъ онъ вздохнулъ свободнѣе.

Дуровъ былъ поэтъ; онъ въ тюрьмѣ написалъ прекрасные стихи, которые переслалъ чрезъ Пушкина къ намъ въ Tobольскъ, на текстъ св. евангелиста Матѳея: «Пришелъ Іоаннъ, ни ѣсть, ни пьеть; и говорятъ: въ немъ бѣсъ. Пришелъ Сынъ человѣческій, ѣсть и пьеть, и говорятъ: вотъ, человѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ». Гл. XI. Стихи 18, 19. Прилагаю ихъ здѣсь.

«Когда пустынникъ Іоаннъ,
«Окрѣпнувъ сердцемъ въ жизни строгой,
«Пришелъ крестить на Іорданъ
«Во имя истиннаго Бога,

«Народъ толпой со всѣхъ сторонъ
«Бѣжалъ, ища съ Пророкомъ встрѣчи,
«И былъ глубоко пораженъ
«Святою жизнію Предтечи.

«Онъ тяжкій поясъ надѣвалъ,
«Во власяницу облекался,
«Подъ изголовье камень клалъ,
«Одной акридою питался.

«И фарисеи для того,
 «Чтобъ потушить восторгъ народный,
 «Шептали всюду про Него
 «Съ улыбкой дерзкой и хитрой:

«Не вѣрите... видано ль во вѣкъ,
 «Чтобъ кто-нибудь какъ Онъ постился,
 «Нѣтъ, это лживый человѣкъ:
 «Въ немъ бѣсъ нечистый поселился...

«Но вотъ исполнился завѣтъ,
 «Сбылись пророчества святыя —
 «И за Крестителемъ во слѣдъ
 «Пришелъ Божественный Мессія.

«Сойдя съ небесъ спасти людей,
 «Къ высокой цѣли шелъ Онъ прямо,
 «Во лжи караль учителей
 «И выгналъ торжниковъ изъ храма.

«Онъ словомъ вѣру зажигалъ
 «Въ сердцахъ униженныхъ и черствыхъ,
 «Слѣпорожденныхъ исцѣлялъ
 «И вызывалъ изъ гроба мертвыхъ.

«Незримыхъ язвъ духовный Врачъ,
 «Онъ не былъ глухъ къ мольбамъ злодѣя...
 «Услышалъ Онъ Марію плачь
 «И вопль раскаянья Закхея.

«И чтожь? На площади опять
 «Учителя и фарисеи
 «Пришли Израиля смущать
 «И зашипѣли словно змѣи:

«Бѣгите ложнаго Христа,
 «Пусть Онъ слова теряетъ праздно,
 «Его крамольныя уста
 «Полны раздора и соблазна...

«И какъ, взгляните, Онъ живеть
 «Мірскимъ весь преданный заботамъ,
 «Онъ ѣстъ, Онъ бражничаеть, пьетъ
 «И исцѣляетъ по субботамъ.

«Онъ грязью мечетъ въ Божество,
 «Законъ отвергнувъ Моисеевъ.
 «И кто межъ насъ друзья Его,
 «Кромѣ блудницъ или злодѣевъ?..

Дуровъ.

14-го марта 1850 года.

Темница Омскъ.

Достоевскій и Дуровъ, по окончаніи четырехлѣтняго пребыванія въ Омскихъ арестанскихъ ротахъ, были переведены въ Семипалатинскъ, откуда потомъ возвращены, уже въ 1856 году, въ Россію.

Каждые два года сибирскіе генераль-губернаторы обязательно ѣздили въ Петербургъ съ отчетами и новыми представленіями по устройству края. Случилось такъ, что князю Горчакову, послѣ всѣхъ своихъ непріятныхъ исторій, нужно было ѣхать въ Петербургъ. Уѣзжая, онъ прямо заявилъ во всеуслышаніе свои угрозы и негодованіе какъ на Фонъ-Визиныхъ, такъ и на отца моего, говоря громко, что, по своемъ возвращеніи изъ Петербурга, онъ всѣхъ своихъ недоброжелателей нарядитъ въ сѣрые армяки и разсѣетъ по Сибири. Положеніе наше было очень критическое, надо было предпринять какія-нибудь охранительныя мѣры. Наталья Дмитриевна Фонъ-Визина, по своему смѣлому характеру, рѣшилась написать письмо прямо къ императору Николаю Павловичу, прося его защиты отъ самовластия безконтрольнаго властелина Западной Сибири. Излагая всепокорнѣйшую свою просьбу императору, она упомянула, что въ оправданіе свое она можетъ только представить свою переписку съ княземъ Горчаковымъ по этому дѣлу, которую и препровождаетъ въ III Отдѣленіе князю Алексѣю Ѳедоровичу Орлову.

Письмо къ императору и переписку ея съ княземъ взялся отправить на почту жандармскій штабъ-офицеръ Фонъ-Коленъ. Отвѣта, конечно, не послѣдовало, и мы прожили зиму въ тяжелой неизвѣстности, чѣмъ рѣшится наша участь весной, по возвращеніи князя, тѣмъ болѣе, что отъ него получались извѣстія объ успѣхѣхъ будто бы его дѣлъ въ Петербургѣ. Предавшись на волю Божію, мы единственное подкрѣпленіе находили лишь въ молитвѣ. Вдругъ, подъ конецъ зимы, неожиданно прислана была отставка генералу Шрамму безъ всякаго, конечно, съ его стороны желанія, изъ чего всѣ тотчасъ же поняли, что дѣла князя въ Петербургѣ плохи. Вскорѣ потомъ стали доходить слухи, что и онъ не вернется больше въ Сибирь. Наши сердца встрепенулись надеждою на спасеніе; и въ самомъ дѣлѣ прошло лѣто, а князь все не возвращался. Какъ письмо Натальи Дмитриевны Фонъ-Визиной, такъ и множество доносовъ, посланныхъ со всѣхъ сторонъ, подѣйствовали въ Петербургѣ на столько сильно, что къ осени назначена была ревизія Западной Сибири, которую и поручено было произвести генераль-адъютанту Николаю Николаевичу Анненкову. Ревизія была имъ сдѣлана очень снисходительно, вслѣдствіе просьбы военного министра графа Чернышева, который въ продолженіе 14-ти лѣтъ всегда заступался за князя Горчакова, почему и опасался, чтобъ открытіе всѣхъ его злоупотребленій не послужило бы укоромъ и самому министру. Съ Николаемъ Николаевичемъ Анненковымъ пріѣхали для

ревизіи два брата Викторъ и Адамъ Антоновичи Арцымовичи и Ковалевскій. Н. Н. Анненковъ былъ двоюродный братъ декабристу Ив. Алек. Анненкову, поселенному въ Тобольскѣ. По приѣздѣ своемъ въ Тобольскъ, Ник. Ник. тотчасъ же послалъ за Иваномъ Александровичемъ и потомъ самъ все свободное отъ дѣлъ время проводилъ у нихъ, относясь къ нему и къ его семьѣ, какъ самый близкій родственникъ. При ревизіи оказалось много безпорядковъ въ дѣлахъ и пришлось нѣкоторыхъ чиновниковъ удалить отъ должностей; къ покойному же отцу моему, Анненкову во все время ревизіи относился съ довѣріемъ и часто руководился его указаніями. Онъ нашелъ въ такомъ порядкѣ всѣ его дѣла, что, по окончаніи ревизіи, представилъ его къ св. Аннѣ 2-й степени.

Ник. Ник. Анненковъ всю зиму 1851 года провелъ въ Тобольскѣ. Общество старалось доставить ему всевозможныя удовольствія. Давались балы, концерты, пикники, обѣды. Молодежь рада была и сама повеселиться. Вообще, городъ оживился и былъ неузнаваемъ, каждый старался чѣмъ-нибудь отличиться и обратить на себя вниманіе заѣзжаго петербургскаго вельможи, который, надо отдать ему полную справедливость, былъ необыкновенно любезенъ и внимателенъ, особенно съ дамами. Чтобъ ближе познакомить его съ обществомъ и товарищами декабристами, сибирскіе Анненковы устроили у себя танцевальный вечеръ. Всѣ приглашенные уже собрались, когда приѣхалъ Николай Николаевичъ. Онъ прошелъ прямо въ гостиную, куда послѣдовали за нимъ тотчасъ же и многія дамы, прося хозяйку представить ихъ генералу. Я осталась съ нѣкоторыми декабристами въ залѣ и когда началась кадрили, которую танцевала я съ декабристомъ Александромъ Мих. Муравьевымъ, Николай Николаевичъ, стоя у дверей, разсматривалъ всѣхъ присутствующихъ и, замѣтивъ меня, какъ не представленную ему, спросилъ Прасковью Егоровну Анненкову пофранцузски:

— Qui est cette charmante personne?

Она отвѣчала:

— C'est la fille du procureur, m-elle Frantzoff.

— Présentez moi je vous en prie á m-elle, j'estime beaucoup son père et je désire faire sa connaissance.

На всѣхъ прочихъ балахъ онъ постоянно былъ ко мнѣ очень внимателенъ, что, конечно, весьма льстило моему самолюбію. На масляницѣ, въ прощенный день, для него былъ устроенъ въ благородномъ собраніи «folle journée», на которомъ, по болѣзни отца, я не могла быть; онъ, узнавъ объ этомъ, наговорилъ мнѣ много любезностей и сказалъ, что самъ приѣдетъ приглашать меня; и хотя самъ не приѣхалъ, но прислалъ одного изъ своихъ чиновниковъ просить отца отпустить меня на пикникъ.

По назначеніи ревизіи, князь Горчаковъ подалъ въ отставку, и на его мѣсто назначенъ былъ новый генералъ-губернаторъ, гене-

раль Гасфортъ. Тобольскій губернаторъ Энгельке тоже по окончаніи ревизіи вышелъ въ отставку и на его мѣсто также пріѣхалъ другой, нѣкто Тихонъ Ѳедотовичъ Прокофьевъ, добрый и благодушный старикъ. Пробывъ года два не больше въ Тобольскѣ, онъ по болѣзни долженъ былъ оставить должность. Его замѣнилъ потомъ Викторъ Антоновичъ Арцымовичъ.

Послѣ многолѣтняго страданія декабристовъ, наконецъ, нѣкоторымъ изъ нихъ начало улыбаться счастье; ко многимъ, получивъ разрѣшеніе, стали пріѣзжать на свиданіе изъ Россіи сыновья.

Фонъ-Визинымъ тоже предстояла эта радость; ихъ сыновья также принялись хлопотать о разрѣшеніи пріѣхать въ Сибирь, но!.. пути Божіи неисповѣдимы! Несчастные родители были лишены этого счастья на землѣ. Старшій ихъ сынъ вдругъ заболѣлъ, отправился въ Одессу лѣчиться и скончался тамъ на рукахъ однихъ своихъ друзей, на 26-мъ году жизни; это было въ 1850 году. Младшій же братъ его, Мих. Мих. юноша не особенно крѣпкаго здоровья, такъ былъ друженъ съ своимъ старшимъ братомъ, что послѣ его потери черезъ 8 мѣсяцевъ пріѣхалъ въ Одессу на могилу брата и испустилъ духъ въ той же семьѣ, гдѣ умеръ братъ его и легъ съ нимъ рядомъ. Впослѣдствіи, ихъ мать, возвратясь изъ Сибири, посѣтила могилу своихъ сыновей въ Одессѣ, поставила надъ нею великолѣпный огромнаго размѣра крестъ съ художественно отлитой изъ бронзы во весь ростъ страдальческой фигурой Спасителя. Трудно описать скорбь несчастныхъ родителей, когда до нихъ дошли въ Сибирь эти печальныя вѣсти. Каждый отецъ, каждая мать поймутъ это сердцемъ лучше всякаго описанія. Потеря первенца хотя и отозвалась тяжело въ сердцахъ родителей, но все же оставалась еще надежда увидѣть другого сына. Но никогда не изгладится изъ моей памяти почтенная фигура старика отца, пораженнаго новымъ тяжкимъ горемъ, въ минуту полученія извѣстія о смерти второго и послѣдняго сына; онъ стоялъ на колѣняхъ, обративъ взоръ, полный слезъ, къ лику Спасителя, и могъ только прошептать: «Да будетъ воля Твоя святая, Господи! вѣрно такъ угодно Господу!» Наталья же Дмитріевна, какъ ни была поражена вторичнымъ страшнымъ горемъ, но глубокая ея преданность и непоколебимая вѣра не только не поколебались ни на минуту, но заставили ее съ тою же любовью, покорно и безъ ропота, принять новое тяжелое испытаніе, ниспосланное на нихъ Господомъ. У нея удивительно какъ глубоко было выработано внутреннее самоотреченіе и постоянная готовность къ принесенію въ жертву всего, что бы не потребовалось отъ нея Богомъ.

Въ Россіи, на милой родинѣ, у нихъ оставалось теперь одно только дорогое сердцу существо, — это горячо и нѣжно любимый братъ Фонъ-Визина, Иванъ Александровичъ, который и сталъ просить разрѣшенія пріѣхать въ Сибирь на свиданіе съ несчастнымъ

братомъ. Получивъ позволеніе, онъ тотчасъ же пустился въ путь и пріѣхалъ въ Tobольскъ лѣтомъ 1852 года. Радость свиданія братьевъ послѣ такой многолѣтней разлуки была безпредѣльна! Иванъ Александровичъ прожилъ въ Tobольскѣ 6 недѣль и спѣшилъ назадъ въ Россію, чтобы хлопотать о возвращеніи изъ Сибири брата-изгнанника.

Вся зима прошла въ этихъ хлопотахъ и, наконецъ, чрезъ содѣйствіе князя Алексѣя Ѳедоровича Орлова, онъ достигъ желаемого. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1853 года императоромъ Николаемъ было подписано разрѣшеніе о возвращеніи изъ ссылки Михаила Александровича Фонъ-Визина. Это былъ единственный декабристъ, возвращенный прямо на родину Николаемъ Павловичемъ. Нѣкоторые изъ декабристовъ, какъ-то: Мих. Мих. Нарышкинъ, Мих. Александровичъ Назимовъ, Лореръ, баронъ Розенъ, Лихаревъ, Фохтъ, фонъ-деръ-Бригенъ, поселенные въ городѣ Курганѣ, по случаю посѣщенія Сибири во время путешествія въ 1836 году цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, были переведены на Кавказъ солдатами. Когда дано было знать, что Наслѣдникъ заѣдетъ по маршруту въ Курганъ, уѣздныя власти, растерявшись, не знали какъ поступить съ поселенными тамъ декабристами, куда ихъ дѣвать. Будучи съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ и уважая ихъ, городничій пріѣхалъ къ нимъ и просилъ ихъ не показываться никуда во время пребыванія Наслѣдника въ городѣ. Они, конечно, согласились. Александръ Николаевичъ прибылъ въ Курганъ вечеромъ. Адъютантомъ у него былъ нѣкто Назимовъ, двоюродный братъ поселеннаго въ Курганѣ декабриста М. А. Назимова. Адъютантъ, по прибытіи, просилъ у Наслѣдника позволенія повидаться съ братомъ декабристомъ, на что Наслѣдникъ изъявилъ полное согласіе. Назимовъ тотчасъ же въ сопровожденіи городничаго отправился къ брату и провелъ съ нимъ вмѣстѣ всю ночь. Узнавъ отъ него о запретѣ показываться имъ во время пребыванія въ городѣ цесаревича, Назимовъ доложилъ объ этомъ Наслѣднику, который немедленно же разрѣшилъ декабристамъ быть въ соборѣ утромъ при молебнѣ, прибавивъ, что онъ даже самъ желаетъ ихъ видѣть. По своему мягкому и доброму сердцу, Наслѣдникъ, когда ему указали въ соборѣ на кучку стоящихъ въ сторонѣ изгнанниковъ, не могъ равнодушно и безъ слезъ смотрѣть на нихъ. Возвратившись изъ путешествія въ Петербургъ, онъ, говорятъ, на колѣняхъ просилъ своего отца, императора Николая, оказать имъ милость и возвратить ихъ на родину. Николай же Павловичъ согласился лишь перевести тѣхъ, кто пожелаетъ, на Кавказъ солдатами, о чемъ и былъ посланъ запросъ въ Курганъ. Мих. Мих. Нарышкинъ, Лореръ и М. А. Назимовъ, заявивъ о своемъ желаніи, были переведены на Кавказъ, гдѣ, прослуживъ нѣсколько лѣтъ солдатами, возвращены уже были потомъ раньше другихъ въ Россію.

Въ началѣ марта, именно 3-го числа, радостная вѣсть о возвращеніи Фонъ-Визиныхъ достигла, наконецъ, и дальнихъ странъ Сибири; неожиданно мнѣ пришлось быть вѣстницею ихъ свободы. Письмо отъ брата ихъ Ивана Александровича съ извѣстіемъ о свободѣ было переслано чрезъ моего отца. Когда Фонъ-Визины, изъ привезеннаго мною имъ письма, узнали о дарованномъ имъ правѣ возвратиться на родину, то слезы радости полились изъ глазъ страдальцевъ и всѣхъ окружающихъ; упавъ на колѣни, они благодарили Всевышняго за дарованную имъ давно желанную свободу. Весь домъ, вся дворня, собрались выразить полное сочувствіе ихъ радости и также проливали слезы умиленія, глядя на нихъ.

Какъ сердечно ни порадовалась и я за счастье своихъ дорогихъ друзей, но невольно сжалось сердце за себя отъ предстоящей разлуки съ столь дорогими людьми, жизнь безъ которыхъ казалась мнѣ не мыслимой. Я не могла себѣ представить, какъ останусь безъ постоянной заботливости любящаго сердца старика Мих. Алек. Фонъ-Визина.

При всемъ ихъ желаніи поскорѣе отправиться въ путь, время года не позволяло имъ даже и думать ранѣ мая мѣсяца пуститься въ такое дальнее путешествіе, такъ что волей не волей они должны были отложить свой отъѣздъ изъ Сибири, чему, конечно, я очень радовалась; каждая лишняя минута ихъ присутствія для меня была дорога; но слабое здоровье Ив. Алек., отъ сильныхъ потрясеній душевныхъ и трудовъ по дѣлу о возвращеніи брата и отъ частыхъ разъѣздовъ въ Петербургъ, не выдержало и онъ слегъ въ постель, такъ что вскорѣ за радостною вѣстью, стали приходить тревожныя извѣстія о разстройствѣ здоровья Ивана Александровича. Первое время онъ еще самъ писалъ брату, по обыкновенію, каждую недѣлю; потомъ вдругъ больше недѣли не имѣли совсѣмъ писемъ отъ него, что заставило страшно встревожиться Михаила Александровича; какъ теперь помню, рано утромъ 9-го апрѣля сильно разстроенный онъ пріѣхалъ къ намъ и просилъ послать на почту, нѣтъ ли на имя моего отца письма отъ брата. Чрезъ нѣсколько минутъ (мы жили рядомъ съ почтой), письмо было уже въ рукахъ Михаила Александровича.

Я еще не выходила изъ своей комнаты, какъ отецъ, войдя ко мнѣ, говорить:

— Выйди поскорѣе, врядъ ли Михаилъ Александровичъ не получилъ печальныхъ вѣсти о братѣ, онъ такъ, видимо, разстроенъ.

Я кое-какъ одѣлась, вышла поспѣшно въ гостиную и невольно остановилась въ ужасѣ, увидѣвъ почтеннаго старика съ дрожащимъ въ рукахъ письмомъ. Слезы лились изъ его глазъ, я была увѣрена, что онъ читаетъ извѣстіе о смерти брата; но, окончивъ письмо, онъ перекрестился съ словами:

— Слава Богу, братъ еще живъ!

Надежда на выздоровленіе его хотя и освѣтила Мих. Алек., но какъ будто подъ тяжестью грустнаго предчувствія, не успокоила совершенно. Онъ тутъ же рѣшился ѣхать въ Россію одинъ, не смотря ни на какую дорогу, и прямо отъ насъ поѣхалъ къ губернатору просить дозволенія на выѣздъ. Ровно черезъ 5 дней 15-го апрѣля 1853 года, въ великій четвергъ, на страстной недѣлѣ, не обращая вниманія на страшную распутицу, этотъ 70-тилѣтній старецъ отправился одинъ, въ сопровожденіи жандарма, въ простой телѣгѣ на перекладныхъ, въ далекій путь на родину. Любовь къ брату заставила его пренебречь всѣми опасностями, могущими встрѣтиться на пути въ такое время года. Какимъ-то тяжелымъ и грустнымъ предчувствіемъ отозвался у всѣхъ на сердцѣ такой скорый, рѣшительный отъѣздъ М. А. изъ Тобольска. Меня же онъ положительно уничтожилъ нравственно. Я прощалась съ нимъ точно какъ передъ смертью, не думая когда-либо увидѣть его больше на землѣ. Мгновенно по городу разнеслась вѣсть о поспѣшномъ отъѣздѣ М. А. и, не смотря на страстную недѣлю, всѣ спѣшили пріѣзжать прощаться съ столь глубокоуважаемымъ всѣми человѣкомъ; богатый и бѣдный равно старались заявить свое сердечное сочувствіе къ отъѣзжающему изъ края, гдѣ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ жизни, никто никогда не слыхалъ отъ него ничего другого, кромѣ добраго слова и всегда радушнаго пріема и привѣта. Наконецъ, насталъ назначенный день отъѣзда. Всѣ товарищи, друзья и люди, искренно любившіе М. А., собрались провожать его до берега Иртыша въ 3-хъ верстахъ отъ Тобольска, до мѣста называемаго Подъ-Чуаши. Въ домѣ былъ отслуженъ непутственный молебенъ; началось тяжелое прощаніе съ товарищами многолѣтняго изгнанія, потомъ съ людьми и со всѣми знакомыми. Длинный кортежъ провожавшихъ двинулся при ярко блестящемъ весеннемъ солнышкѣ; день 15-го апрѣля былъ чудный, теплый, ясный. Подъѣхавъ къ Иртышу, съ замираніемъ сердца слѣдили всѣ, когда телѣга съ сѣдоками вѣхала на ледъ и покрылась до половины колесъ водою, образовавшуюся отъ таявшаго снѣга. Переѣхать Иртышъ было не безопасно; чѣмъ дальше удалялся М. А. отъ холодныхъ странъ Сибири, тѣмъ опаснѣе становилось путешествіе. Въ одномъ мѣстѣ, какъ онъ самъ потомъ рассказывалъ, ему опять пришлось переѣзжать Иртышъ. Никто не брался перевезти, такъ какъ ледъ былъ уже тонокъ; тогда М. А. рѣшился перейти рѣку пѣшкомъ, и только дошелъ до середины, какъ ледъ тронулся, и старикъ съ опасностью жизни, перескакивая съ льдины на льдину, добрался наконецъ благополучно до противоположнаго берега. Такъ доѣхалъ онъ до Перми, не разъ подвергаясь опасности при переправахъ черезъ рѣки; въ Перми онъ сѣлъ уже на пароходъ, гдѣ хотя и отдыхалъ физически, но зато душевное безпокойство и предчувствіе о потерѣ брата томило его жестоко.

На пароходѣ онъ доѣхалъ покойно до Нижняго-Новгорода. Ему очень нравилось путешествіе по Волгѣ и очень интересовало устройство пароходнаго сообщенія, которое для него было новостью. Встрѣчи съ разнородными личностями нѣсколько развлекали его отъ постоянно томящей грусти, не покидавшей во все время дороги.

Пробывъ въ Нижнемъ-Новгородѣ не болѣе сутокъ, онъ успѣлъ осмотрѣть: кремль, соборы, подземную церковь, ярмарку, и поѣхалъ затѣмъ на почтовыхъ по шоссе до Москвы.

По пріѣздѣ въ Москву, неизвѣстно для чего, его прямо привезли къ дому генераль-губернатора графа Закревскаго, гдѣ онъ получилъ разрѣшеніе отправиться въ домъ брата Ивана Александровича на Малую Дмитровку. Подъѣзжая къ дому, сердце у него замерло, какъ онъ писалъ самъ въ Tobольскѣ, отъ какого-то страннаго предчувствія, что брата уже нѣтъ въ живыхъ. У подъѣзда его встрѣтилъ дворецкій, у котораго М. А., дрожащимъ отъ волненія голосомъ, спросилъ: «Что братъ здоровъ»? Дворецкій, увидя его столь разстроеннымъ, самъ такъ растерялся, что не рѣшился сказать вдругъ ужасную правду, что брата нѣтъ уже на свѣтѣ, и пробормоталъ сквозь зубы: «Слава Богу!» Михаилъ Александровичъ, перекрестясь, воскликнулъ: «Благодареніе Господу!» и поспѣшно вошелъ въ богато убранный домъ брата; но глубокій трауръ, вышедшей къ нему на встрѣчу родственницы, жившей всегда при Иванѣ Александровичѣ, Екатерины Ѳедоровны Пушиной, заставилъ понять несчастнаго старика ужасную истину. Они, зарыдавъ, обнялись молча...

Какъ только сдѣлалось извѣстно, что онъ пріѣхалъ въ Москву, масса экипажей потянулась къ дому покойнаго брата на Малую Дмитровку, гдѣ остановился Михаилъ Александровичъ. Толпа родныхъ и старыхъ друзей окружала его въ продолженіе цѣлаго дня и не давала ему сосредоточиться на своемъ горѣ. Но всего отраднѣе для Михаила Александровича было свиданіе съ старикомъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, у котораго въ молодости онъ служилъ адъютантомъ. Ермоловъ, какъ только узналъ о возвращеніи Фонъ-Визинныхъ изъ Сибири, велѣлъ тотчасъ же дать ему знать объ его пріѣздѣ въ Москву, и какъ только получилъ это извѣстіе, то явился самъ и весь день не оставлялъ Михаила Александровича. Такое дружеское вниманіе старика Ермолова очень тронуло и утѣшило Михаила Александровича. Онъ часто потомъ съ любовью вспоминалъ объ участіи, оказанномъ ему въ то время Ермоловымъ.

По волѣ императора Николая, Михаилъ Александровичъ долженъ былъ жить въ своемъ имѣніи селѣ Марьино (Московской губерніи, Бронницкаго уѣзда въ 50-ти верстахъ отъ Москвы) съ запрещеніемъ вѣзда въ столицу. На другой день по пріѣздѣ,

онъ отправился вмѣстѣ съ Екатериной Ѳедоровной Пущиной туда на жительство. Проѣзжая Бронницы, онъ посѣтилъ свѣжую могилу дорогаго и столь нѣжно любимаго брата. Это посѣщеніе было для него невыразимо тяжело; во время служенія панихиды на могилѣ, слезы лились ручьями изъ глазъ злополучнаго старика. (Иванъ Александровичъ похороненъ въ родовомъ склепѣ при Бронницкомъ соборномъ храмѣ, гдѣ также было оставлено мѣсто и для Михаила Александровича).

Тяжело было ему, одинокому, убитому горемъ, поселиться въ родовомъ имѣніи, гдѣ жили его отцы и дѣды, гдѣ все когда-то кипѣло жизнью, общео съ нимъ, тогда какъ теперь онъ былъ одинокъ и въ средѣ общества, совершенно чуждаго ему по взглядамъ и по понятіямъ. Все, что было дорого ему на родинѣ, лежало въ свѣжихъ могилахъ, а все дорогое и близкое его сердцу: жена, пріемныя дѣти, товарищи, друзья, всѣ были далеко, въ странѣ изгнанія, куда невольно летѣло его сердце. Онъ самъ въ послѣдствіи передавалъ мнѣ, какую сердечную муку пришлось ему вынести первое время по своему возвращеніи въ Россію.

Когда пришлось ему разставаться съ сибирскимъ жандармомъ, сопровождавшимъ его до села Марына и отъ котораго онъ во всю дальнюю, трудную дорогу не видѣлъ ничего, кромѣ самаго сердечнаго вниманія и заботливости, то онъ обнялъ его какъ задушевнаго друга. Жандармъ до того былъ растроганъ, что даже цѣловалъ у него руки.

Три дня спустя послѣ отъѣзда Михаила Александровича изъ Тобольска, въ день Пасхи, Наталья Дмитріевна получила изъ Москвы извѣстіе о кончинѣ брата Ивана Александровича, послѣдовавшей 6-го апрѣля 1853 года. Хоронили его 9-го числа, именно въ тотъ день, когда Михаилъ Александровичъ читалъ у насъ въ домѣ въ Тобольскѣ то письмо, которое заставило его рѣшиться ѣхать одному, чтобъ застать брата живымъ.

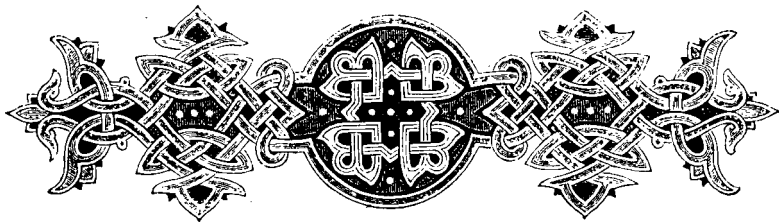
Положеніе Натальи Дмитріевны было тоже ужасное по полученіи извѣстія о смерти Ивана Александровича. Страхъ за мужа, который привыкъ дѣлить съ нею всѣ горести и радости жизни, и боязнь за то, какъ онъ перенесетъ одинъ тяжелое горе, найдя вмѣсто брата лишь его свѣжую могилу, все это ее страшно терзало и мучило. Письма, получаемыя отъ Михаила Александровича съ дороги, ее мало успокоивали; она рѣшилась ѣхать при первой возможности, не смотря на свое разстроенное здоровье и нервное потрясеніе. Въ особенности ее мучила мысль, какъ она найдетъ мужа и перенесъ ли онъ ударъ, поразившій его такъ внезапно по пріѣздѣ на родину. Зная любящее сердце мужа, она сознавала какъ тяжело ему теперь быть на родинѣ безъ тѣхъ, кого онъ привыкъ любить съ дѣтства, почему и рѣшилась просить отца моего отпустить меня съ нею хоть на годъ въ Россію, для утѣшенія убитаго горемъ Михаила Александровича.

Какъ ни тяжело было отцу разставаться со мной, потому что онъ меня сильно любилъ, но его благородное сердце не знало отказа въ жертвѣ, когда дѣло касалось пользы другого. Отецъ тоже зналъ хорошо, что Михаилъ Александровичъ съ моего дѣтства любилъ меня такъ горячо, какъ родную дочь, и ничѣмъ больше не могъ доказать ему свою дружбу въ минуту такого тяжелаго горя, какъ пожертвовать разлукою со мной.

М. Д. Францева.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. Д. ФРАНЦЕВОЙ ¹⁾.

VI.

Нашъ отъѣздъ изъ Тобольска. — Мое прощаніе съ отцомъ. — Наше путешествіе до Нижняго-Новгорода. — Неожиданныя крестины. — Приѣздъ въ Москву. — Приказъ генераль-губернатора, чтобы мы немедленно выѣхали въ Марьино. — Прощаніе съ жандармомъ. — Приѣздъ въ Марьино. — Свиданіе съ Михаиломъ Александровичемъ Фонъ-Визинымъ. — Наша жизнь въ Марьинѣ. — Разказы Михаила Александровича Фонъ-Визина. — Нарышкины. — Моя поѣздка въ Говорово на именины М. М. Нарышкина. — Семейство Рененкамфъ. — Кончина моего отца. — Предсмертная болязнь и кончина Михаила Александровича Фонъ-Визина.

4-го мая 1853 года, какъ только дороги стали возможными для проѣзда, мы двинулись въ далекій путь, тоже въ сопровожденіи жандарма, двухъ дѣтей-приемышей, меня, старой няни, раздѣлявшей съ Фонъ-Визиными ихъ изгнанническую жизнь въ Сибири, и прислуги. Мы выѣхали изъ Тобольска утромъ въ трехъ тарантасахъ, нагруженныхъ до верха (сибирскіе тарантасы необыкновенно удобны и пріятны для путешествія); размѣстившись такимъ образомъ: Наталья Дмитріевна со мной и жандармомъ на козлахъ въ одномъ, въ другомъ няня съ дѣтьми, а въ третьемъ прислуга съ багажемъ.

Всѣ близкіе провожали насъ также до берега Иртыша, до мѣста Подъ-Чуваши, гдѣ, пока устанавливали наши экипажи на паромъ, мы простились со всѣми провожавшими насъ. Здѣсь же простилась я съ моею матерью, маленькими сестрами и братьями; не мало, конечно, было пролито горькихъ слезъ при этомъ. Отецъ же

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 610.

мой, Свистуновъ и Бобрищевъ-Пушкинъ, поѣхали провожать насъ дальше, до второй станціи, верстъ за 40.

Прощаніе мое съ отцемъ было самое тяжелое. Я была поражена его страшною грустью и необыкновенною нѣжностью, выразившейся при прощаніи со мной, тогда какъ обыкновенно, при всей его горячей любви ко мнѣ, онъ мало выражалъ это чувство внѣшнимъ образомъ; но при разставаньи оно проявилось въ неудержимомъ потокѣ нѣжныхъ душевныхъ изліяній; онъ цѣловалъ мнѣ руки, глаза, благословляя меня. Его сердце точно предчувствовало, что наше съ нимъ свиданіе на землѣ не повторится болѣе. (Четыре мѣсяца спустя послѣ кончины Михаила Александровича Фонъ-Визина, отецъ мой скончался въ Tobольскѣ безъ меня).

Наше трехнедѣльное путешествіе изъ Сибири, хотя было далеко не легкое, по случаю сильнаго разлива рѣкъ, но тѣмъ не менѣе очень пріятное. Красота природы поражала насъ на каждомъ шагѣ своими величественными видами. Мы ѣхали день и ночь, дороги были хорошо устроены, гладкія какъ скатерть, вездѣ чрезъ рѣчки отличные, прочные, съ выкрашенными перилами мосты. На большихъ рѣкахъ вездѣ крѣпкіе, исправные паромы, такъ что нигдѣ не было никакой задержки. На станціяхъ мы выходили очень рѣдко, останавливались только для того, чтобы напиться чаю. Обѣдъ же нашъ состоялъ большею частью изъ холодныхъ блюдъ, и мы, сидя въ экипажахъ, закусывали, пока перепрягали лошадей на станціи. По переѣздѣ Уральскаго хребта, горы дѣлались все громаднѣе, подъемъ на нихъ становился очень затруднительнымъ; по бокамъ дороги лежали такіе громадные камни, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли видъ домовъ. Подѣхавъ къ границѣ, раздѣляющей Азію отъ Европы, и гдѣ былъ поставленъ гранитный памятникъ въ память путешествія наслѣдника Александра Николаевича по Сибири, мы вышли всѣ изъ экипажей, чтобы поклониться дорогой, оставляемой нами, Азіи. Здѣсь находилась самая вершина Урала, откуда послѣ постоянного подъема въ гору, начинается спускъ съ нея; тутъ и рѣки измѣняютъ свое прежнее теченіе. Поразительная картина цѣпи горъ, утопающей въ синевѣ небосклона, приковывала насъ къ себѣ, и мы долго не могли оторваться отъ нея. Много думъ навѣяла эта живая картина на душу, какъ о прошедшемъ, такъ и о неизвѣстномъ будущемъ, ожидавшемъ насъ за предѣломъ этихъ величественныхъ чудныхъ горъ.

Въ большихъ городахъ мы останавливались отдыхать по нѣскольку дней. Въ Екатеринбургѣ пробыли дня три, городъ, хотя и не большой, но намъ очень понравился, особенно поразилъ онъ насъ своею необычайною чистотою. Мы были встрѣчены тамъ очень радушно Одинцовымъ, женатымъ на племянницѣ покойнаго генерала Глинки, бывшаго главнымъ управляющимъ горныхъ заводовъ въ Екатеринбургѣ, и всегда очень расположеннаго къ декабристамъ.

Одинцовы, въ продолженіе всего нашего пребыванія, угощали насъ обѣдами, возили осматривать городъ и дома нѣкоторыхъ богатыхъ мѣстныхъ жителей съ ихъ садами и великолѣпными оранжереями, наполненными всевозможными тропическими растеніями. Наталья Дмитріевна, какъ страстная любительница цвѣтовъ, была просто очарована великолѣпіемъ и богатствомъ сортовъ растеній.

Пермь намъ мало понравилась; она показалась какою-то мрачною; даже Кама настолько была бурна и непривѣтлива, что мы не рѣшились плыть водою, а поѣхали опять въ экипажахъ.

До Казани, по быстротѣ ѣзды и по устройству дорогъ, все еще чувствовалось, что ѣдешь Сибирью; за Казанью же все это измѣнилось. Ёзда была уже гораздо медленнѣе и дороги менѣе исправны; вмѣсто прекрасныхъ мостовъ, приходилось, большею частью, переезжать по полуразвалившимся и сгнившимъ доскамъ. Переправы были тоже далеко не въ исправности. Помню хорошо, какъ выѣхавъ изъ Казани рано утромъ, мы до самаго вечера могли сдѣлать только одну станцію, потому что разлитіе Волги было такъ велико, что затопляло дуга и поля на нѣсколько верстъ въ окружности, и намъ приходилось переправляться, за неимѣніемъ хорошаго парома, на большой лодкѣ, на которую ставили сначала одинъ тарантасъ и плыли съ нимъ чрезъ все это пространство воды, потомъ возвращалась лодка за другимъ тарантасомъ, а такъ какъ у насъ ихъ было три, то мы и должны были провести на берегу весь день. Въ ожиданіи конца нашей переправы, которая была не безопасна. Лодка, съ натянутымъ изъ рогожи парусомъ и поставленнымъ тарантасомъ, качаемая вѣтромъ, рисковала ежеминутно опрокинуться, особенно пробираясь между затопленныхъ кустовъ, такъ что не мало натерпѣлись мы страха при въѣздѣ на милую родину. На наше счастье погода стояла теплая, ясная.

Михаилъ Александровичъ, проѣздомъ останавливаясь на почтовыхъ станціяхъ, съумѣлъ оставить по себѣ добрую память. Во многихъ мѣстахъ намъ оказывали особенную услужливость станціонные смотрителя, узнавъ, что нашъ кортежъ составлялъ семью того добраго и необыкновенно ласковаго господина, который говорилъ имъ, что скоро будетъ проѣзжать его семейство.

— Что за простой и ласковый въ обхожденіи баринъ! — говорили они про М. А., — рѣдко встрѣчали такихъ господъ, хоть и много проѣзжаетъ ихъ у насъ!

Нижній Новгородъ, раскинувшійся по высокимъ берегамъ Волги, показался намъ необыкновенно живописнымъ. Остановившись въ лучшей гостинницѣ на площади противъ церкви, я, на другой день нашего пріѣзда, пошла къ обѣдни. Подойдя къ церкви, я была очень удивлена, увидя около нея цѣлую вереницу повозокъ съ толкающими вокругъ, плохо одѣтыми мущиками, женщинами и дѣтьми. Я спросила: «Что это за люди?» Мнѣ отвѣтили, что это переселенцы изъ Псковской губерніи въ Сибирь.

Въ церкви, по окончаніи литургіи, я замѣтила какого-то несчастнаго мужичка, обращающагося съ какою-то просьбою ко многимъ изъ присутствовавшихъ. Дѣло было въ томъ, что у него въ ночь родился ребенокъ на столько слабый, что онъ торопился его окрестить, но никакъ не могъ найти восприемниковъ. Придя въ церковь въ страшномъ горѣ, онъ просто не зналъ, что дѣлать. Узнавъ это, я предложила быть крестной матерью, а какой-то господинъ, бывшій тоже въ церкви, не отказался быть восприемникомъ. Я поскорѣ сходила домой въ гостинницу за необходимыми вещами для крестинъ и передала Нат. Дмитр. о положеніи бѣдныхъ людей; она собрала кое-что изъ бѣлья, платья и дала денегъ.

Окрестивъ ребенка, мы вмѣстѣ съ крестнымъ отцомъ и новорожденнымъ пошли къ кибиткѣ, гдѣ находилась несчастная мать ребенка. Бѣдность ихъ была поразительная; благодарность несчастныхъ родителей не имѣла границъ, когда мы дали имъ денегъ и разнаго тряпья на дорогу.

До Нижняго мы ѣхали въ убійственной неизвѣстности относительно Михаила Александровича; мы не знали, какъ онъ доѣхалъ и живъ ли? Пробывъ въ Нижнемъ дня три, наконецъ, получили извѣстіе, что онъ живъ и здоровъ, почему и поѣхали дальше покойно. Усталые и разбитые отъ продолжительнаго дальняго пути, мы были очень рады дотащиться, наконецъ, до Москвы, гдѣ надѣялись отдохнуть тоже нѣсколько дней; но, увы! намъ не дали даже вздохнуть спокойно, не только хорошо отдохнуть.

Рано утромъ, 25-го мая 1853 года, вѣхали мы въ бѣлокаменную чрезъ Владимірскую заставу; велика показалась мнѣ Москва, пока добрались мы до Малой Дмитровки, въ домъ покойнаго Ивана Александровича Фонъ-Визина. Грустно сжималось сердце въ этой обширной, но пустынной для насъ столицѣ. Въ осиротѣломъ домѣ насъ встрѣтила одна лишь оставшаяся тамъ прислуга. Пустота великолѣпнаго дома и его могильная тишина производили на насъ тягостное впечатлѣніе. Только-что успѣли мы нѣсколько оправиться съ дороги, какъ стали наѣзжать родные Наталья Дмитріевны: тетка ея, Александра Павловна Фонъ-Визина, и дядя ея, Сергѣй Павловичъ Фонъ-Визинъ, и другіе. Вслѣдъ за ними явился чиновникъ отъ генераль-губернатора графа Закревскаго, прося насъ немедленно выѣхать изъ Москвы въ село Марьино. Наталья Дмитріевна настолько была утомлена далекимъ путешествіемъ, что просила позволить ей хоть переночевать въ Москвѣ. Пошли переговоры, ходатайства родныхъ; но ничто не помогло, — неумолимая власть не согласилась и на это, боясь, какъ мы узнали послѣ, чтобъ у Нат. Дмитр. не было такого же съѣзда, какъ при проѣздѣ Мих. Алекс. чрезъ Москву. И такъ, къ вечеру того же дня, мы выѣхали далѣе, въ сопровожденіи жандарма, но только уже не нашего сибиряка; неизвѣстно по какимъ соображеніямъ власти, вмѣсто него,

посадили къ намъ на козлы одѣтаго въ полную форму московскаго жандарма. Намъ было очень грустно разставаться съ жандармомъ-сибирякомъ, сдѣлавшимъ съ нами трехнедѣльное путешествіе, тѣмъ болѣе, что человѣкъ онъ былъ прекрасный, и когда сталъ съ нами прощаться, то со слезами бросился къ ногамъ Натальи Дмитріевны и обнимался съ нами побратски.

Проѣхавъ всю ночь, мы на другой день утромъ остановились въ Бронницахъ, съ тѣмъ, чтобъ на могилѣ Ив. Алекс. отслужить панихиду, и отправили гонца въ село Марьино, отстоящее въ 2-хъ верстахъ отъ Бронницъ, предупредить Мих. Алекс. о нашемъ пріѣздѣ. Только-что мы успѣли свернуть съ шоссе на проселокъ, какъ увидѣли вдали быстро шедшаго къ намъ на встрѣчу Михаила Александровича. Радость свиданія нашего была безгранична. Онъ былъ крайне удивленъ, увидя меня вмѣстѣ съ Нат. Дмитр., такъ какъ отъѣздъ мой былъ рѣшенъ неожиданно не задолго до нашего выѣзда, то ему и не успѣли написать объ этомъ.

Марьинская усадьба, окруженная стариннымъ, тѣнистымъ, съ столѣтними липовыми аллеями садомъ, стояла на возвышенной мѣстности; хорошій барскій съ мезаниномъ и балконами домъ виднѣлся издали. Домъ былъ обширный, комнаты высокія, большія, увѣшанныя старинными портретами и картинами, работы покойной матери Натальи Дмитріевны, Маріи Павловны Апухтиной.

Мы размѣстились очень удобно; внизу были пріемныя и комнаты для пріѣзжающихъ, прекрасный кабинетъ Мих. Алекс. и помѣщеніе для прислуги. На верху же спальня и моя комната, изъ которой открывался великолѣпный видъ. Вдали виднѣлся городъ Бронницы, а за нимъ нескончаемая даль съ разбросанными селами, полями и лугами.

Наша жизнь въ Марьинѣ потекла очень однообразно и мало удовлетворяла М. А., ему пришлось болѣе вращаться съ людьми совершенно чуждыми ему по духу и по воспитанію, тѣмъ болѣе, что на лѣто съ нами поселилась родственница покойнаго Ивана Александровича, привыкшая къ роскоши и самовластному распоряженію въ домѣ Ив. Алекс., гдѣ она жила, окруженная постоянно разными бѣдными дворянками и приживалками, работѣнно поклонявшимися ей за ея щедрыя благодѣянія изъ чужого богатства. Она вздумала было перенести всѣ свои привычки и въ Марьино, окружила себя и тутъ поклонницами и поклонниками изъ представителей маленькаго уѣзднаго городка, которые иногда бывали на столько комичны, что напоминали собой типы Гоголя, и страшно стѣсняли нашу простую жизнь, наши простыя требованія. Работѣпство крѣпостного права ея прислуги нисколько также не гармонировало съ добродушіемъ нашей незатѣйливой сибирской прислуги. Вообще, духъ подобострастія, господствовавшій, какъ намъ казалось, въ Россіи, производилъ на насъ удручающее впечатлѣніе.

Михаилъ Александровичъ прожилъ въ Марьинѣ ровно одиннадцать мѣсяцевъ. Отсутствіе товарищей и душевныхъ умныхъ бесѣдъ съ ними видимо было тягостно для него. Наталья же Дмитриевна должна была большую часть времени посвящать приведенію въ порядокъ весьма разстроеннаго имѣнія, доставшагося ей по наслѣдству отъ брата ея мужа, Ивана Александровича Фонъ-Визина. Онъ, умирая, не могъ оставить его брату, которому не были возвращены права и званіе. Сосѣдей, подходящихъ для Мих. Алекс., почти никого не было, такъ что большую часть дня ему приходилось дѣлать со мной.

Радужная внимательность и сердечная признательность за малѣйшую услугу, были отличительными чертами его благороднаго характера; подъ его попеченіемъ жило пріятно и отрадно. Онъ относился одинаково внимательно къ самымъ малѣйшимъ мелочамъ жизни. Бывало, обо всемъ подумаетъ, чтобъ было удобно и хорошо живущимъ у него. Помню, какъ велика была его заботливость, когда мнѣ случилось поѣхать въ первый разъ изъ Марьина осматривать Москву; заранее были посланы всѣ распоряженія управляющему домомъ Ив. Алекс. Фонъ-Визина, гдѣ я должна была остановиться, чтобъ по пріѣздѣ я не имѣла ни въ чемъ недостатка; кромѣ старой няни и человѣка, со мной былъ отправленъ изъ Марьина поваръ, которому даже заказаны были Михаиломъ Александровичемъ обѣды на всю недѣлю, которую я намѣревалась провести въ Москвѣ. Я описываю всѣ эти подробности съ тою именно цѣлью, чтобъ показать во всей полнотѣ, какъ велика была всегда заботливость о другихъ незабвеннаго Михаила Александровича.

Лѣтомъ мы съ нимъ часто ѣзжали по разнымъ селамъ къ обѣдни, много гуляли по любимымъ, роднымъ его полямъ. Ему доставляло особенное удовольствіе рассказывать мнѣ про былыя времена, напримѣръ, про нашествіе французовъ въ 1812 году, при чемъ онъ вспоминалъ разные эпизоды, касавшіеся лично его въ эту эпоху. Напримѣръ, какъ, однажды, будучи адъютантомъ Ермолова, онъ прискакалъ въ Марьино къ своему отцу, жившему тутъ съ семействомъ, сказать, что французы идутъ по этой дорогѣ, и чтобъ они уѣзжали, какъ можно скорѣе на Рязань, и какъ, проводивъ ихъ, онъ отправился самъ, не смотря на близость непріятеля, въ баню, которую любилъ, какъ русскій человѣкъ, страстно. Только-что успѣлъ онъ выйти изъ бани, ему докладываютъ, что непріятель близко; онъ вышелъ на балконъ дома и, увидѣвъ, дѣйствительно, вдали приближающихся французовъ, скрылся отъ непріятеля переодѣтый, съ помощью обожавшихъ его крестьянъ, въ мужицкое платье, и, встрѣтивъ нашу бригаду, шедшую къ Москвѣ, остановилъ ее, сказавъ, что Москва занята уже французами. Бригадный генералъ не повѣрилъ было его словамъ и не хотѣлъ измѣнить маршрута, даннаго ему начальствомъ. Тогда Мих. Алекс. энергично

возсталъ, взявъ всю отвѣтственность на себя, и далъ генералу письменный приказъ, какъ адъютантъ Ермолова, перемѣнить маршрутъ по случаю занятія столицы непріателемъ, чѣмъ и спасъ цѣлую бригаду отъ неминуемаго плѣна. Всѣ эти рассказы развлекали его нѣсколько; но не на столько удовлетворяли, чтобъ онъ не чувствовалъ своего одиночества на родинѣ. Впрочемъ, пріѣзды нѣкоторыхъ старыхъ товарищей-декабристовъ, какъ, напримѣръ, Михаила Михайловича Нарышкина съ женою, рожденной графиней Коновницыной, барона Тизенгаузена, возвращеннаго изъ Сибири по просьбѣ дѣтей, родныхъ П. С. Бобрицева-Пушкина и разныхъ родныхъ Фонъ-Визиныхъ, служили всякій разъ большимъ утѣшеніемъ для Михаила Александровича. Онъ точно перерождался и снова оживалъ въ бесѣдахъ съ людьми одного съ нимъ взгляда, образованія и понятій.

Нарышкины и прежде всегда были очень дружны съ Фонъ-Визиными, а такъ какъ они, какъ я говорила выше, были возвращены чрезъ Кавказъ гораздо раньше всѣхъ другихъ въ Россію, то много о чемъ пришлось поговорить имъ при свиданіи. Личность Мих. Мих. Нарышкина была необыкновенно симпатична. Въ его благообразной старческой фигурѣ (онъ былъ въ молодости очень красивъ собой) сіяло что-то дѣтское, мягкое. Привѣтливо-ласковое его обращеніе привлекало къ нему невольно всѣхъ. Жена его, Елисавета Петровна, имѣла самостоятельный характеръ: она хотя была и некрасива собой, но удивительно умное выраженіе лица заставляло не замѣчать этого; умъ у нея былъ въ высшей степени острый, игривый и восторженный; она все подмѣтитъ и ничего не пропуститъ безъ замѣчанія. Съ ней всегда было очень весело и пріятно. Она получила самое блестящее образованіе и была единственная дочь знаменитаго генерала графа Коновницына. Любимица отца, обожаемая мужемъ, она послѣдовала за нимъ въ Сибирь, на каторгу, гдѣ и подружилась съ Наталей Дмитріевной Фонъ-Визиной, передъ которой впослѣдствіи благоговѣла за ея глубокую религіозность и внутреннюю духовную жизнь. При свиданіи въ Марьянѣ онѣ вспоминали о жизни, проведенной на каторгѣ, но безъ малѣйшей горечи или грусти, напротивъ, много смѣялись, припоминая разные смѣшные эпизоды, случавшіеся тамъ съ ними.

Нарышкины, пріѣзжая нѣсколько разъ въ Марьяно, всегда были очень внимательны и добры ко мнѣ. Пріѣхавъ однажды осенью и узнавъ, что я собиралась въ Москву, они упросили меня пріѣхать на именины къ Михаилу Михайловичу, 8-го ноября, въ Говорово, имѣніе его родной сестры княгини Евдокіи Михайловны Голицыной, въ 15-ти верстахъ отъ Москвы. Отправившись изъ Марьяно въ одно время съ ними, я, пріѣхавъ въ Москву, остановилась у Е. (). Пуцтиной и, наканунѣ 8-го числа, отправилась съ дѣвушкой на своихъ лошадяхъ въ сопровожденіи присланнаго отъ Нарышки-

ныхъ человѣка. Меня просили не опаздывать къ обѣду, такъ какъ княгиня не любила этого, но дорога была на столько дурна и по замершей землѣ невозможно было скоро ѣхать. Я застала всѣхъ уже за столомъ. Михайлъ Михайловичъ и Елисавета Петровна вышли меня встрѣтить въ переднюю и представили княгинѣ, которая обворожила меня своею любезностію. Высокая, худая, спокойная, она носила на себѣ отпечатокъ какой-то благородной величавости и невольно внушала къ себѣ уваженіе. Она меня очень обладала, посадила около себя за столомъ, представила всѣмъ присутствующимъ у ней гостямъ, много разспрашивала о Сибири и о жизни тамъ. Говорово показалось мнѣ настоящимъ раемъ, такъ все въ немъ было устроено со вкусомъ и изяществомъ.

Пробывъ дня три въ Говоровѣ, я возвратилась въ Москву съ милымъ и добрымъ барономъ Рененкамфомъ и его женою, съ которыми я познакомилась у княгини и которые предложили мнѣ для большаго удобства поѣхать съ ними вмѣстѣ въ каретѣ. Баронъ и баронесса приняли во мнѣ, какъ въ заѣзжей сибирячкѣ, большое участіе, старались показать достопримѣчательности Москвы, познакомили со многими своими знакомыми, возили въ оперу. Сама баронесса была довольно слабаго здоровья и мало выѣзжала, такъ что моимъ чичероне былъ самъ генераль Рененкамфъ. Онъ былъ большой добрякъ, любезный и предупредительный. Благодаря всѣмъ этимъ развлечениямъ, мнѣ пришлось прожить въ Москвѣ лишнее время; но я начала уже скучать и меня тянуло въ Марьино къ моимъ дорогимъ друзьямъ, зная хорошо, что и имъ безъ меня не весело въ деревнѣ. Подъ конецъ, Мих. Алек. уже началъ въ письмахъ ко мнѣ спрашивать: «скоро ли я приѣду?» Я была счастлива вернуться въ Марьино, гдѣ мнѣ, окруженной любовью и постояннымъ въ высшей степени деликатнымъ вниманіемъ, такъ хорошо жилось; только тоска по отцѣ моемъ, о которомъ я не могла вспоминать безъ давящей грусти, нарушала мое счастье. Какое-то предчувствіе говорило мнѣ, что я его не увижу больше. Конечно, я старалась, сколько могла, скрывать тягостное чувство и боролась съ нимъ, чтобъ не огорчить Фонъ-Визиныхъ; но оно было вѣрнымъ предсказаніемъ души. Ровно чрезъ годъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отецъ мой лежалъ уже въ могилѣ одиноко на тобольскомъ кладбищѣ, такъ какъ мать моя съ осиротѣвшей семьей, вскорѣ послѣ его смерти, должна была переѣхать въ Россію.

Послѣ отъѣзда Ек. Ѳ. Пуциной изъ Марьяна въ Москву на зимній сезонъ въ свой домъ на Малую Дмитровку, доставшійся ей по духовному завѣщанію отъ Ивана Алек. Фонъ-Визина, наша жизнь потекла гораздо пріятнѣе и свободнѣе, безъ нравственнаго стѣсненія, испытываемаго нами во все время лѣтняго ея присутствія въ Марьинѣ.

Мих. Алек. по своему живому характеру, и здѣсь велъ дѣя-

тельную жизнь и много читалъ, такъ какъ въ Марьинѣ сохранилась большая старинная библіотека; онъ велъ огромную переписку, любилъ очень бесѣдовать съ мужиками, вникалъ во всѣ ихъ нужды, помогалъ имъ и словомъ, и дѣломъ. Всѣ они имѣли къ нему свободный доступъ и большую довѣренность. Гуляя съ нимъ, мы часто заходили къ крестьянамъ въ избы, гдѣ всѣ встрѣчали его какъ родного отца; но не смотря на всю его доброту, онъ не потакалъ дурнымъ ихъ качествамъ и былъ неумолимъ, когда нужно было оказывать правосудіе, что хорошо знали крестьяне и чтили его за это. Вся хозяйственная часть въ Марьинѣ, такъ же какъ и въ Сибири, лежала на старой нянѣ Матренѣ Петровнѣ; она много помогала Мих. Алек. своею чуткою правдивою натурою въ удовлетвореніи нуждъ крестьянскихъ. Маленькія пріемныя дѣти развлекали и утѣшали любящее его сердце. Старшую дѣвочку онъ помѣстилъ въ одинъ изъ московскихъ пансіоновъ, гдѣ она и кончила свое воспитаніе. Наши бесѣды съ Мих. Алек. были продолжительныя; воспоминанія о прошлой сибирской жизни и о всѣхъ, тамъ оставшихся, друзьяхъ, доставляли ему много удовольствія. Наталья Дмитриевна только къ вечеру освобождалась отъ своихъ занятій по привиденію въ порядокъ дѣлъ по имѣніямъ, и тогда наши общія бесѣды длились далеко за полночь.

Однако душевныя потрясенія и горести, вынесенныя съ удивительною покорностью, повліяли разрушительно на здоровье Михайла Александровича. Силы стали измѣнять ему, неизлѣчимая болѣзнь начала проявляться различными недугами, мучившими его не мало. Такъ прошли лѣто и зима; приближалась живительная весна, дававшая намъ большія надежды на обновленіе силъ больного и на успѣшную борьбу съ недугами; но неумолимая смерть подкараулила свою жертву какъ разъ въ то время, когда все въ природѣ возрождалось и давало всему жизнь и силу. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1854 года, у М. А. кромѣ другихъ недуговъ разболѣлась сначала раненая нога, а потомъ и въ другой ногѣ стала ощущаться боль, преимущественно въ пяткѣ. Ему дѣлали нѣсколько разъ ванну, которая немного успокаивала боли, затѣмъ вдругъ боли въ ногахъ прекратились, чему мы очень было порадовались; но чрезъ нѣсколько дней болѣзнь поднялась выше и сдѣлалась опухоль въ лицѣ. Погода всю весну стояла отвратительная; холодъ, сырость и слякоть не позволяли выходить на воздухъ. 20-го же апрѣля наконецъ порадовало насъ солнышко, — это былъ первый теплый, почти лѣтній день. Мих. Алек. не смотря на то, что накануне бралъ ванну, уприсялъ меня пойти съ нимъ гулять; хотя воздухъ былъ теплый и онъ былъ одѣтъ въ драповое пальто, но дулъ довольно пронзительный вѣтеръ; весенній воздухъ показался ему весьма пріятенъ, и онъ находилъ, что давно уже не чувствовалъ себя такъ хорошо, почему и не хотѣлъ вернуться назадъ. Послѣ двухчасовой прогулки,

у него явился хороший аппетитъ, и онъ, забывъ о діетѣ, которую предъ тѣмъ соблюдалъ, покушалъ хорошо за обѣдомъ, былъ веселъ и доволенъ, много шутилъ, а послѣ обѣда, по обыкновенію, легъ въ своемъ кабинетѣ на полчаса отдохнуть; вставъ же, онъ почувствовалъ тошноту, сдѣлалась рвота, которая никого изъ насъ не испугала; мы отнесли это, конечно, къ простому разстройству желудка, уложили его въ спальнѣ уже наверху въ постель, дали кое-какія домашнія средства противъ разстройства и, успокоившись, разошлись на ночь по своимъ комнатамъ. Ночью меня разбудилъ какой-то шумъ и небывалый топотъ шаговъ, раздававшійся въ корридорѣ. Я встала, чтобы узнать причину этого шума; мнѣ сказали, что у Мих. Алек. опять поднялась рвота, и онъ сонелъ къ себѣ въ кабинетъ. Насъ всѣхъ это такъ встревожило, что мы уже не ложились больше спать, тѣмъ болѣе, что рвота у него не только не прекращалась, но къ утру еще усилилась и сдѣлалась совершенно черной.

Когда утромъ рано я пошла его навѣстить, то, войдя въ кабинетъ, была поражена переменой, происшедшей въ немъ за ночь; онъ былъ неузнаваемъ, лицо осунулось и потемнѣло. Послали въ г. Бронницы за докторомъ, который, пріѣхавъ, осмотрѣлъ больного, покачалъ головою и сказалъ, что болѣзнь очень трудная и опасная. Дѣлали все, что только могли для спасенія больного, но болѣзнь брала верхъ и шла быстро; сдѣлалось разложеніе желчи.

Страданія были жестокія. Томительная жажда изсушала всю внутренность больного; удовлетворять же ее не позволяла несносная рвота, начинавшаяся послѣ каждой ложки освѣжающей воды и доводившая его каждый разъ почти до обморока, такъ что страшно становилось за него. Докторъ, вслѣдствіе сильныхъ приступовъ, совѣтовалъ какъ можно рѣже и осторожнѣе давать ему пить, потому что могло захватить совсѣмъ дыханіе, что составляло для него невыносимую пытку. Томясь палящею жаждой, онъ умолялъ дать ему хоть глотокъ воды; при отказѣ же съ отчаяніемъ восклицалъ: «Что за мученіе такое! Самый послѣдній бѣднякъ на землѣ счастливѣе меня; онъ по крайней мѣрѣ не лишенъ той капли воды, которую я умоляю дать мнѣ!»

Невыносимыя мученія продолжались ровно десять дней; выпи-сали было доктора изъ Москвы; но было уже поздно. Онъ напелъ, что лѣченіе ведено было Бронницкимъ врачомъ правильно, какъ слѣдовало; но что спасти страдальца съ начала болѣзни не было никакой возможности.

Не довѣряя никому давать ему безъ себя лѣкарства, я не отходила ни днемъ, ни ночью отъ постели больного, который все время не терялъ памяти и сознанія; бодрость духа, остроуміе и какая-то дѣтская веселость, не смотря на страшныя страданія, не оставляли его. Онъ лежалъ въ кабинетѣ, увѣшанномъ портретами

предковъ своихъ; въ числѣ ихъ находился и портретъ его матери, смотря на который, онъ часто сталъ повторять, что скоро увидится со всѣми ими и умретъ въ этомъ же кабинетѣ, гдѣ скончалась его матушка. Чтобъ разогнать мрачныя его мысли, мы рѣшили перевести его въ другую комнату. Онъ согласился и имѣлъ еще на столько силы, что самъ перешелъ нѣсколько комнатъ и шутя говорилъ, что «онъ теперь точно выходецъ съ того свѣта». Попросилъ подать ему зеркало, чтобъ, какъ говорилъ онъ, — «запомнить свой образъ при томъ исчезновеніи, въ которое вступаю я теперь».

Въ полумракѣ отъ теплившейся лампы передъ ликомъ Спасителя «Моленіе о чашѣ» и при царившей тишинѣ, мы просиживали ночи около него; бывало онъ выйдетъ изъ забытья и, видя меня постоянно возлѣ него, обернется ко мнѣ съ своимъ, всегда добрыми, нѣжными словами: «А вы все здѣсь, еще, другъ мой? Измучилъ я васъ?» — Или, глядя меня по головѣ, скажетъ: — «Какъ вы похудѣли, ухаживая за мной! Не знаю какъ и благодарить васъ за ваше нѣжное хожденіе за больнымъ старикомъ. И какъ долженъ я благодарить Бога, что я заболѣлъ не тогда, когда пріѣхалъ сюда одинокимъ! Что сталъ бы дѣлать я тогда безъ нѣжныхъ друзей?» Положеніе больного ухудшалось съ каждымъ днемъ, но никому изъ окружавшихъ его не казалось, что онъ скоро насъ оставитъ. Я не допускала мысли, чтобъ это могло случиться, такъ она меня страшила. Хотя я и сознавала тяжелое и трудное состояніе его болѣзни, но все надѣялась, что Господь хоть чудомъ да оставитъ его еще намъ на землѣ. Чтобъ освѣжиться отъ томительной ночи, я утрами уходила на нѣсколько минутъ къ себѣ наверхъ, въ комнату. Видъ великолѣпной картины восходящаго солнца, оживленія природы, чириканіе птичекъ, веселая пѣсня жаворонка, поднявшагося высоко, высоко надъ землею, все это не радовало меня, а еще болѣе придавало грусти, тоска еще сильнѣе сжимала мое сердце отъ поражающаго ужаснаго контраста, что въ то самое время, когда въ природѣ все дышало жизнію, въ только-что оставленной мною комнатѣ угасала жизнь любимаго человѣка. Онъ чувствовалъ и видѣлъ яснѣ насъ, что недугъ его смертельный. Слѣдующій разговоръ его со мною свидѣтельствуешь, насколько душа его была приготовлена къ смерти и переходу въ вѣчность.

Однажды, не за долго до его кончины, подавшись сильному горю при мысли о предстоящей скоро вѣчной разлукѣ съ нимъ, я смотрѣла на умирающаго старца, лежавшаго въ забытѣи, и залилась горькими слезами. Точно ли онъ спалъ, или только лежалъ съ закрытыми глазами, но вдругъ онъ ласково обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— О чемъ вы плачете, другъ мой?

Услыхавъ его вопросъ, я какъ бы очнулась и старалась поскорѣе скрыть слезы, чтобъ не испугать его; но онъ продолжалъ также тихо и кротко:

— Не плачьте, другъ мой, обо мнѣ; я готовъ предстать на судъ милосердаго Бога.—И, показывая рукою на стоящую предъ нимъ икону Спасителя, продолжалъ: — Я молю только Господа Бога, чтобъ онъ послалъ ангела своего отрѣшить мирно душу мою отъ тѣла. Васъ же прошу, другъ мой, когда меня не будетъ здѣсь на землѣ, помолитесь обо мнѣ. Ваша молитва чистая дойдетъ до Господа и будетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ дружбы вашей ко мнѣ на землѣ.

Тогда я ужъ не могла болѣе сдерживать себя и зарыдала, припавъ къ его исхудалымъ рукамъ и цѣлуя ихъ. Любящему его сердцу видимо стало жаль меня, и онъ началъ успокоивать меня, говоря: «Не плачьте, другъ мой, Господь можетъ дать, что мы опять будемъ гулять вмѣстѣ съ вами по любимымъ полямъ!» Но, конечно, я хорошо понимала, что это одно лишь утѣшеніе съ его стороны. Въ продолженіе всей болѣзни Михаила Александровича всѣ съ большою любовію ухаживали за нимъ; старая няня тоже почти не отходила отъ больного, никто не тяготился имъ, кажется, всякій былъ бы радъ цѣлый вѣкъ ходить за такимъ кроткимъ, признательнымъ больнымъ, какимъ былъ онъ. Наталіѣ Дмитріевнѣ, женѣ его, конечно, тяжелѣе всѣхъ было видѣть угасающую, столь дорогую, жизнь, и она съ трудомъ могла сдерживать, въ присутствіи больного, свою скорбь. Мы раза два предлагали ему пріобѣщаться св. Таинъ, но онъ говорилъ:

— Подождите, я еще не готовъ къ этому великому таинству, скажу самъ, когда нужно будетъ.

За день до кончины, Михаилъ Александровичъ поутру попросилъ послать за священникомъ и Святыми Дарами, исповѣдывался, просилъ у всѣхъ прощенія и съ большимъ чувствомъ пріобѣщился Святыхъ Таинъ. Потомъ, часъ спустя, по желанію крестьянъ, которые въ продолженіе всей болѣзни постоянно толпились у дверей дома, узнавая объ его здоровьѣ, принесли ихъ чудотворную икону Скорбящей Божіей Матери, и въ комнатѣ больного отслуженъ былъ молебенъ объ его здоровьѣ. Трогательная была картина, когда комната наполнилась крестьянами, молящимися о дорогомъ отходящемъ. Михаилъ Александровичъ самъ молился съ чувствомъ и видимо былъ тронутъ молитвами крестьянъ, которыхъ онъ всегда очень любилъ. По окончаніи молебна, съ обычнымъ своимъ добродушіемъ онъ прощался съ каждымъ изъ нихъ, благодарилъ за участіе и любовь, выраженную ими. Отдохнувъ не много послѣ утомительнаго утра, онъ подозвалъ меня къ себѣ, посадилъ на кровать и спросилъ: «Какой завтра день, почтовый? Вы будете писать въ Тобольскъ?» и, не давъ мнѣ отвѣтить, продолжалъ: «Теперь выслушайте мою послѣднюю просьбу: напишите и передайте пожалуйста всѣмъ моимъ друзьямъ и товарищамъ, назвавъ каждого по имени, послѣдній мой привѣтъ на землѣ. Вашему же отцу ска-

жите особенное отъ меня спасибо за его дружбу и жертву отпустить васъ ко мнѣ. Вѣдь я знаю, какъ это тяжело было ему, любящему васъ такъ горячо». Отдохнувъ немного, онъ продолжалъ: «Другу же моему Ивану Дмитриевичу Якушкину, кромѣ сердечнаго привѣта, передайте еще, что я сдержалъ данное ему слово при полученіи отъ него въ даръ, еще въ Tobольскѣ, этого одѣяла (онъ былъ покрытъ вязаннымъ одѣяломъ, подареннымъ ему Якушкинымъ), обѣщая не разставаться съ нимъ до смерти. А вы сами видите, какъ близко я теперь къ ней!»..

День прошелъ спокойно: больной жаловался только на боль въ раненой ногѣ. Къ вечеру боль усилилась, а потомъ появилось поражение всей правой стороны и частию языка. Докторъ велѣлъ поставить ногу въ горячую ванну, боль не унималась, а горячая ванна произвела только бредъ; вся кровь прилила къ головѣ; всю ночь онъ бредилъ и порывался встать, но парализованная нога мѣшала ему.

Къ утру 30-го апрѣля 1854 года сдѣлался сильнѣйшій упадокъ силъ съ выступившимъ холоднымъ потомъ; бредъ прошелъ, сознаніе вернулось, и больной видимо угасалъ; ему начали представляться какія-то видѣнія. Я принесла ему крестъ съ мощами и предложила читать за мною молитву «Да воскреснетъ Богъ». Онъ видимо обрадовался, приложился съ благоговѣніемъ къ кресту, но едва могъ уже произносить за мной слова молитвы. Силы все слабѣли, языкъ плохо говорилъ. Послали за священникомъ, началось соборованіе; руки его были слабы и не могли держать свѣчу. Плачъ и рыданія огласили комнату умирающаго; всѣ домашніе собрались помолиться объ отходящемъ, всѣми горячо любимомъ, человекѣ. По окончаніи соборованія, священникъ предложилъ ему еще разъ приобщиться Св. Таинъ; онъ радостно выразилъ свое согласіе и съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія принялъ Господа. Священникъ началъ читать отходную, и во время чтенія ея Михайлъ Александровичъ отдалъ духъ свой въ руцѣ Божіи съ какою-то неземною радостною улыбкою, озарившею его уста.

Это было въ 4 часа пополудни 30-го апрѣля 1854 года.

Какъ только вѣсть о кончинѣ Михайла Александровича принеслась на деревнѣ, такъ къ первой же панихидѣ собрались всѣ крестьяне. Трудно описать неліцемерную скорбь, охватившую всѣхъ присутствующихъ при первыхъ звукахъ заупокойнаго пѣнія, столь умирительно выражающагося въ молитвахъ объ усопшихъ. Во все время четырехдневнаго стоянія тѣла Михайла Александровича, панихиды отъ крестьянъ не прекращались. Они всѣ считали священнымъ долгомъ помолиться за искренно любившаго ихъ человека.

Изъ первыхъ минутъ я какъ будто не понимала, что происходило около меня, плакала и молилась, кажется, только потому, что видѣла,

какъ другіе это дѣлали; не могла даже проникнуться яснымъ сознаніемъ случившагося скорбнаго событія и ходила какъ тѣнь, не принимая ни въ чемъ участія. Но, однако, суетня и бѣготня, которая всегда бываетъ первое время по кончинѣ человѣка, и безсонныя ночи, проведенныя съ больнымъ, на столько меня утомили, что когда всѣ разошлись и все утихло, и мы, оставшись однѣ съ Натальей Дмитріевной, сѣли въ гостиной на диванъ рядомъ съ той комнатою, гдѣ стояло тѣло почившаго, я, положивъ голову къ ней на колѣни, забывъ все, заснула крѣпкимъ сномъ. Но! какое ужасное пробужденіе! До сихъ поръ не могу вспомнить о немъ безъ содроганія.

Я еще не успѣла открыть глазъ, какъ вдругъ слова чтеца, говорившаго медленнымъ, мѣрнымъ тономъ: «Упокой Господи душу новопреставленнаго раба твоего боярина Михаила» — поразили мой слухъ. Невозможно выразить того, что испытывала я въ эту минуту. «Да неужели же свершилось то, чего я никакъ не допускала»? отозвалось у меня глубоко въ разбитомъ сердцѣ. «Неужели же въ самомъ дѣлѣ то существо, которое было такъ недавно еще съ нами, раздѣлявшее вмѣстѣ всѣ наши радости и огорченія, находилось теперь недвижимо тамъ, въ той комнатѣ, откуда неслись эти ужасныя заупокойныя слова? Но гдѣ же онъ самъ? Вѣдь за нѣсколько минутъ онъ былъ тутъ? Теперь же чувствуете, что его нѣтъ уже съ нами? Что же это такое? Человѣкъ былъ, и нѣтъ его? Куда ушелъ?.. Что такое смерть? Что за таинственный, незримый ни для кого переходъ совершилъ онъ»?.. Всѣ эти вопросы одинъ за другимъ толпились въ больной головѣ моей и сжимали невиносимою болью сердце. Открывъ глаза, я увидѣла, что уже наступила ночь; тускло горѣвшая лампа на столѣ разливала полусвѣтъ въ обширной гостиной; луна, показавшись изъ-за тучъ, освѣщала мрачный, безмолвный садъ и ударяла прямо въ окна нашего осиротѣвшаго дома. Когда я поднялась, то Наталья Дмитріевна, взглянувъ на меня, невольно вскрикнула: «Посмотри, что это у тебя съ лицомъ, одна сторона темная, другая совершенно бѣлая»?

О кончинѣ Михаила Александровича послали тотчасъ извѣстіе въ Москву къ роднымъ; но такъ какъ тогда телеграфа еще не было, то родные не могли скоро пріѣхать, почему въ ожиданіи ихъ похороны пришлось отложить до 4-го мая. День былъ жаркій, вѣялъ благотворный вѣтерокъ, деревья распустились, даже черемуха была въ цвѣту. Съ ранняго утра несмѣтныя толпы крестьянъ изъ окружающихъ даже деревень собрались отдать послѣдній долгъ человѣку, страдавшему за идею объ ихъ освобожденіи. До самаго собора въ Бронницахъ гробъ несли на рукахъ своихъ крестьяне, вереница экипажей съ родными и знакомыми тянулась по проселочной дорогѣ. Мы же всѣ шли пѣшкомъ за гробомъ отлетѣвшаго нашего друга.

При торжественномъ богослуженіи совершилось погребеніе. Тѣло опустили, при громкихъ рыданіяхъ всѣхъ присутствующихъ, въ тотъ же склепъ, гдѣ погребенъ былъ и братъ его Иванъ Александровичъ при соборномъ храмѣ въ городѣ Бронницахъ.

По окончаніи церемоніи всѣ печально возвратились въ осиротѣвшее Марьино, гдѣ приготовлено было поминовеніе объ усопшемъ, для гостей въ домѣ, а для крестьянъ на разставленныхъ въ саду столахъ.

VII.

Жизнь наша въ Марьинѣ послѣ кончины Михаила Александровича Фонъ-Визина. — Моя болѣзнь. — Отъѣздъ Натальи Дмитріевны Фонъ-Визиной въ Кострому. — Извѣстіе о кончинѣ моего отца. — Печальное положеніе нашей семьи. — Мое душевное разстройство. — Поѣздка моя въ Кострому къ Натальѣ Дмитріевнѣ Фонъ-Визиной. — Приѣздъ въ Марьино моей матери. — Мои заботы о семьѣ. — Первая, неудачная поѣздка въ Петербургъ. — Вторичная поѣздка въ Петербургъ. — Счастливая встрѣча въ вагонѣ. — Помѣщеніе двухъ моихъ братьевъ въ кадетскій корпусъ. — Третья поѣздка въ Петербургъ. — Хлопоты съ племянницами. — Поѣздка въ Царское Село для подачи просьбы императрицѣ. — Добрый офицеръ-пѣмецъ. — Моя оплошность. — Затруднительное положеніе. — Флигель-адъютантъ графъ Апраксинъ. — Подача моей просьбы императрицѣ. — Определеніе одной изъ моихъ племянницъ въ Елисаветинскій институтъ. — Мое свиданіе съ Николаемъ Николаевичемъ Анненковымъ. — Его любезное участіе ко мнѣ. — Заключение.

Послѣ отъѣзда всѣхъ родныхъ въ Москву, мы остались съ Натальей Дмитріевной вдвоемъ. Дни нашей одинокой жизни потянулись, сопровождаемые мрачной тоской, которая точно камнемъ давила насъ своею тяжестью. Для меня все переѣнилось въ домѣ, все обаяніе жизни исчезло съ смертію Михаила Александровича, поля и сады потеряли всю свою прелесть; привыкнувъ дѣлать постоянно почти все время съ нимъ, я чувствовала живо незамѣнимость его утраты. Явилась какая-то убійственная апатія ко всему и всѣмъ; единственное еще утѣшеніе я находила въ ежедневномъ посѣщеніи могилы и въ молитвенномъ единеніи съ усопшимъ. Здоровье мое не выдержало, и я заболѣла. Даже Наталья Дмитріевна, не смотря на твердость своего характера, не могла выносить убійственной тоски и рѣшилась проѣхать въ свои родовыя Костромскія имѣнія, гдѣ она провела всю свою поэтическую юность, и гдѣ нуженъ былъ для обозрѣнія ея хозяйственный глазъ. Къ несчастью, я не могла, какъ предполагала прежде, сопутствовать ей; у меня такъ разболѣлась нога, что я пролежала нѣсколько недѣль въ постели. Оставшись послѣ отъѣзда Натальи Дмитріевны совершенно одной въ деревнѣ, я нисколько не тяготилась моимъ одиночествомъ, мнѣ сначала даже было пріятно имѣть возможность отдаваться все-

цѣло грусти и воспоминаніямъ о прошломъ. Апатія моя нарушалась лишь однимъ желаніемъ увидаться поскорѣе съ отцомъ, къ которому я стремилась всей душой, и я, не смотря на тайный какой-то страхъ не увидать его больше на землѣ, положила непременно возвратиться къ зимѣ въ Сибирь; но, судьбы Божіи неповѣдимы! Въ концѣ сентября я получила письмо отъ матери моей отъ 9-го сентября, гдѣ она писала, что отецъ захворалъ обычными своими спазмами и вспоминаетъ, что никто такъ не угождалъ ему въ болѣзни, какъ я. Странное впечатлѣніе произвели на меня эти малозначущія какъ будто слова. Мнѣ точно кто-то сказалъ, что все уже кончено и отца нѣтъ больше на этомъ свѣтѣ. Я мрачно передала свое впечатлѣніе старой нянѣ Матренѣ Петровнѣ и доктору, пріѣзжавшему ежедневно ко мнѣ изъ города. Они, конечно, стали меня уговаривать не придавать этому значенія, относя все къ разстройству нервъ. Я слушала ихъ, и сколько не старалась заглушить тайный голосъ разумными доводами, никакъ не могла; но чтобы не спорить, я, взявъ на себя личину равнодушія, стала ждать второго письма, которое недѣлю спустя и было уже въ моихъ рукахъ. Долго не могла я рѣшиться открыть его, перечитала нарочно прежде всѣ другія незначущія отъ разныхъ управляющихъ письма, и когда няня, стоявшая около меня, сказала мнѣ:

— Да оставьте ужъ не интересныя письма, прочтите лучше, что пишутъ изъ Тобольска?

Тогда только рѣшилась я распечатать дрожащими отъ волненія руками письмо, хотя оно и не было запечатано черною печатью. Первые строки письма меня не поразили; писалось о чемъ-то, не помню, незначущемъ. Въ половинѣ же письма вдругъ читаю, что мать «до сихъ поръ не можетъ привыкнуть къ ужасной мысли, что отца нѣтъ больше на свѣтѣ». Я точно окаменѣла, не могла понять: «что же это такое? развѣ въ самомъ дѣлѣ отецъ умеръ? такъ почему же такую ужасную истину сообщаютъ мнѣ слегка, какъ какую-то простую новость».

Чувство злой досады противъ матери за столь легкое сообщеніе охватило меня въ первую минуту. Подробностей никакихъ, кромѣ плача и стѣнованія о своемъ горѣ! но скоро объяснилось это странное увѣдомленіе. Въ тотъ же день, когда мать писала мнѣ отъ 9-го сентября, о легкой болѣзни отца, желая меня нѣсколько приготовить, его уже не было въ живыхъ. 4-го сентября съ нимъ сдѣлался ударъ, а 9-го его уже не стало. Мать моя и добрый нашъ другъ П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ написали мнѣ подробно, какъ объ его внезапной болѣзни, такъ и о кончинѣ, и послали все это къ одной нашей близкой сосѣдкѣ-помѣщицѣ, которой писалъ и прежде о безнадежномъ состояніи отца, прося ее, приготовить меня, передать потомъ ихъ письма. Она же поступила на столько неразумно, что, пріѣхавъ ко мнѣ ранѣе и найдя меня въ сильно нер-

вно-возбужденномъ состояніи отъ предчувствія, что отецъ скончался, испугалась и уѣхала, не рѣшившись даже намекнуть мнѣ о моемъ горѣ. Она только велѣла прислать за ней тотчасъ же, какъ я получу второе письмо отъ своихъ. Глупѣе ея распоряженій ничего не могло быть! Узнавъ о полученіи мною второго письма, она пріѣхала и только теперь прочла первое письмо, гдѣ находилось подробное описаніе христіанской и прекрасной кончины отца. Онъ нѣсколько разъ приходилъ въ себя, два раза пріобщался св. Тайнъ, соборовался, благословилъ всѣхъ дѣтей, а меня заочно; потребовавъ мой портретъ, онъ благословилъ его и велѣлъ написать мнѣ, чтобъ я молилась за него. По прочтеніи отходной, духовнику захотѣлось, чтобъ была пропѣта любимая его пѣснь къ Богородицѣ: «Высшую небесъ», во время которой онъ и испустилъ мирно духъ свой, заповѣдавъ плачущей матери «возверзти печаль свою на Господа». Истерическое рыданіе вывело меня изъ того окаменѣнія, въ которое я впала по прочтеніи перваго мною полученнаго письма; потрясеніе и такъ уже разстроенныхъ моихъ нервъ было такъ сильно, и такъ неожиданъ былъ для меня, не смотря на предчувствіе, послѣдній жестокій ударъ, что я положительно боялась за свою голову, тѣмъ болѣе, что кромѣ жгучаго сердечнаго горя, я понимала, что осиротѣвшая семья наша изъ восьми дѣтей съ больною, слабою и волей, и физическими силами, матерью, осталась въ крайне тяжеломъ положеніи и вся забота о ней падала на меня одну. Я тутъ же рѣшила ѣхать какъ можно скорѣе на помощь къ матери; но мать не захотѣла оставаться безъ отца въ Сибири и предупредила меня, что она со всѣми дѣтьми переезжаетъ въ Россію. Наталья Дмитріевна, узнавъ объ этомъ, предложила въ наше распоряженіе флигель въ деревнѣ. Сколько ни боролась я съ удручающею меня скорбію, но она одолѣла меня и, постоянно усиливаясь, довела до такого нервнаго состоянія, что у меня явилась болѣзнь (столбнякъ), продолжавшаяся и мучившая меня болѣе восьми лѣтъ. Наталья Дмитріевна по своимъ дѣламъ не могла скоро возвратиться изъ Костромскихъ имѣній и писала мнѣ, что она окружена людьми недоброжелательными и боится, чтобъ они не надѣлали ей много зла. Получая такія тревожныя отъ нея письма, мнѣ, при моемъ разстройствѣ, вообразилось, что и она находится въ безпомощномъ положеніи, и я, не смотря на свою болѣзненность, взявъ дѣвушку, одна отправилась на помощь къ Натальѣ Дмитріевнѣ въ имѣніе, верстъ 200 за Кострому. До Троицы Сергія я доѣхала на своихъ лошадяхъ, а оттуда должна была уже ѣхать на передаточныхъ. До Ростова насъ везли въ порядочныхъ повозкахъ, дальше мы уже не имѣли этого удобства, а за Костромой пришлось, буквально, лежа въ узкой какъ гробъ повозочкѣ, запряженной парой лошадей, тащиться съ простымъ мужикомъ на козлахъ по дремучимъ Костромскимъ лѣсамъ. Бывало я подниму рогожу, покрывавшую

нашу гробницу, посмотрѣть гдѣ мы ѣдемъ? и кромѣ зпѣзнаго небосклона, да дремучаго покрытаго снѣгомъ лѣса ничего не видно. Иногда становилось жутко, что мы двѣ незащитныя женщины совершенно находимся въ рукахъ неизвѣстнаго намъ мужика. Но милость Божія покрывала насъ своею святою охраною, и мы доѣхали благополучно. Наталья Дмитріевна, непредупрежденная о моемъ пріѣздѣ, сколько обрадовалась, столько же и удивилась, увидя меня: «точно привидѣнье явилась ты», говорила она. Имѣнье ея «Давыдовка» расположено въ превосходной мѣстности, на крутой горѣ, покрытой густымъ лѣсомъ, внизу же, его живописно огибала, извиваясь, рѣка Унжа, то ускользая отъ глазъ, то снова показываясь вдали лучезарнымъ изгибомъ.

Назадъ я возвращалась уже вмѣстѣ съ Натальей Дмитріевной на почтовыхъ.

По пріѣздѣ нашемъ обратно въ Марьино, чрезъ нѣсколько дней, въ концѣ декабря 1854 года, изъ Сибири пріѣхала мати. моя съ семейю. Несказанно тяжело было мнѣ, увидѣвшись съ своею семейю, не найти посреди ея дорогого отца моего.

Послѣдующая моя жизнь въ Россіи потянулась для меня въ непрестанныхъ заботахъ и хлопотахъ объ оспротѣвшей семьѣ моей, оставшейся, за исключеніемъ небольшой, заслуженной отцомъ пенсіи, почти безъ всякихъ другихъ средствъ къ существованію. Прежде всего я устроила двухъ маленькихъ братьевъ въ пансіонъ, а потомъ стала хлопотать о помѣщеніи ихъ на казенный счетъ въ корпуса. Поэтому надо было самой ѣхать въ Петербургъ, куда я и отправилась въ маѣ мѣсяцѣ 1855 года. Для меня былъ трудный подвигъ рѣшиться совершенно одной ѣхать въ незнакомый городъ, гдѣ я не имѣла никого изъ близкихъ; но дѣлать было нечего; полная надеждой на успѣхъ, я все-таки довольно бодро отправилась туда.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я остановилась у однихъ моихъ знакомыхъ. На другой день, скрѣпя сердце, я отправилась въ Главный Штабъ, гдѣ начальникомъ въ то время былъ генералъ Путья. Спустя долгое время, вышелъ генералъ и обошелъ поочереді просителей. Личность и прекрасныя его манеры плѣнили меня сразу. Онъ учтиво спросилъ о моемъ дѣлѣ и, узнавъ въ чемъ оно состояло, сказалъ, рассмотрѣвъ бумаги, что братья мои имѣютъ полное право на поступленіе въ корпусъ, если только, прибавилъ онъ, попадутъ въ очередь; но что просьба должна быть подана въ сентябрѣ, а не въ маѣ, почему и не можетъ быть теперь принята. Такъ я и уѣхала изъ Петербурга съ подорванной уже надеждою на успѣхъ помѣстити братьевъ, тѣмъ болѣе, что познакомившись съ нѣкоторыми родственниками декабристовъ: братомъ П. С. Бобрищева-Пушкина, Михаиломъ Сергѣевичемъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ, и отыскавъ свою старую пріятельницу, дочь декабриста Анненкова, вышедшую

замужъ и поселивнүюся въ Петербургѣ, я еще болѣе разочаровалась въ успѣхѣ моего предпріятія, такъ какъ они всѣ говорили, чтобъ я не рассчитывала много на любезныя обѣщанія высокопоставленныхъ лицъ: что они всѣ обѣщаютъ, да мало исполняютъ.

Возвратившись съ разбитымъ сердцемъ назадъ, я въ октябрѣ должна была опять ѣхать въ Петербургъ, но только съ меньшею надеждой на людей, а съ большимъ упованіемъ на помощь Божию, которая и выказалась вскорѣ чуднымъ образомъ. Надо сказать, что когда былъ назначенъ день моего отъѣзда изъ Москвы, одни мои знакомые очень упрасивали меня остаться до другого дня, чтобъ присутствовать у нихъ на маленькомъ вечерѣ. Конечно, такая отсрочка ровно ничего не значила, но какъ иногда бываетъ нужно слѣдовать внутреннему влеченію. Хотя меня очень привлекало быть на вечерѣ, но я не могла побороть внутренняго требованія ѣхать именно въ назначенный мною день; сколько я ни колебалась, но все-таки настояла и поѣхала въ тотъ же день. Въ вокзалѣ желѣзной дороги встрѣтила меня Марья Кириловна Нарышкина, которая, зная мою дикость, пріѣхала меня проводить. Вагонъ былъ полонъ, когда мы вошли въ него. Усѣвшись и оглядѣвшись вокругъ, я нѣсколько испугалась непривлекательнаго вида окружавшей меня компаніи; одно только мѣсто какъ разъ противъ меня, было свободное, я и молила Бога, чтобъ сѣлъ кто-нибудь изъ людей болѣе порядочныхъ; на мое счастье входитъ военный очень приличный господинъ, садится, беретъ книжку и въ продолженіе всего дня читаетъ ее. Я совершенно успокоилась, но на одной станціи входитъ въ вагонъ какой-то старый, очень некрасивый господинъ, неряшливо одѣтый, подходитъ прямо къ моему *vis-à-vis* и дружески здоровается съ нимъ; меня испугала непріятная наружность вошедшаго, но, къ счастью, поѣздъ скоро двинулся, и онъ ушелъ, а мой *vis-à-vis* снова принялся за чтеніе. Приходитъ ночь, *vis-à-vis*, замѣтивъ, что я никуда ни на одной станціи не выходила, обратился ко мнѣ съ просьбою побережъ ему, пока онъ пьетъ чай, сосѣднее, опустѣвшее мѣсто, прибавивъ, что онъ ѣдетъ изъ Варшавы и четвертую ночь не спитъ. Я обѣщала. Вернувшись, онъ поблагодарилъ меня и обратился съ вопросомъ, куда я ѣду, и, узнавъ, что я хлопочу о помѣщеніи братьевъ въ корпусъ, сказалъ мнѣ:

— Позвольте записать фамилію вашихъ братьевъ; съ этимъ же поѣздомъ ѣдетъ тестъ г. Путьты; на слѣдующей станціи я его увижу и попрошу замолвить словечко зятю о вашей просьбѣ.

Я поблагодарила его и, конечно, очень обрадовалась такому неожиданному случаю. На слѣдующей станціи почти весь вагонъ опустѣлъ; всѣ ушли ужинать. Оставшись почти одна, я чрезъ нѣсколько минутъ услышала позади меня шумъ, и, оглянувшись, съ испугомъ замѣтила того же непригляднаго старика. Мой *vis-à-vis* представилъ мнѣ его:

— Генераль Пашковъ, тестъ генерала Путятъ.

Онъ очень добродушно и любезно отнесся ко мнѣ, обѣщался исполнить все, что только будетъ отъ него зависѣть, записалъ мой адресъ и просилъ прежде его не являться къ Путятѣ, сказавъ, что онъ самъ черезъ три дня пріѣдетъ сообщить мнѣ отвѣтъ г. Путятъ. Я не знала какъ благодарить Бога за такую неожиданную помощь. Мой *vis-à-vis* былъ нѣкто Барановъ, котораго я тоже благодарила сердечно. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я рассказала знакомымъ о моей счастливой встрѣчѣ съ г. Пашковымъ; меня всячески старались разочаровать: «ждите его обѣщанія и пропускайте время», говорили мнѣ всѣ и опять смутили меня страшно; но торжество мое было полное, когда Пашковъ въ назначенный срокъ привезъ мнѣ отвѣтъ, чтобъ я представила всѣ бумаги г. Путятѣ, и просилъ передать ихъ ему, а онъ уже самъ отдастъ ихъ зятю. Такимъ образомъ, черезъ него Господь помогъ мнѣ помѣстить обоихъ братьевъ во 2-ой Московскій кадетскій корпусъ. Только-что я немного успокоилась отъ всѣхъ этихъ тревоженій, какъ пріѣзжаетъ изъ Кіева моя старшая замужняя сестра съ тремя маленькими дочерьми, у которыхъ отецъ подполковникъ Ногъ, вслѣдствіе разстройства своихъ дѣлъ, сошелъ съума. Онъ тоже служилъ при кн. Горчаковѣ въ Сибири въ Томскѣ и Омскѣ полиціймейстеромъ и, бывъ необыкновенно честнымъ человѣкомъ, отличался, особенно въ Томскѣ, необычайною распорядительностію, уничтожилъ почти всѣ грабежи, бывшіе до него и наводившіе паническій страхъ на жителей Томска; такъ что при ревизіи гр. Толстымъ Томской губерніи, онъ обратилъ на себя особенное вниманіе гр. Толстого и получилъ орденъ за отличную и примѣрную распорядительность. Переведенный потомъ въ Омскъ, онъ не захотѣлъ подчиняться пріохотямъ генеральши Шрамъ, имѣя по этому поводу непріятности съ кн. Горчаковымъ, и вышелъ въ отставку; но, будучи всегда честнымъ труженикомъ, не нажилъ себѣ, конечно, состоянія, хотя и могъ бы обогатиться даже въ Томскѣ. Онъ переѣхалъ къ себѣ на родину въ Кіевъ, сталъ болѣть и, имѣя семью, не вынесъ лишеній и кончилъ сумасшествіемъ. Дѣти подростали и требовали воспитанія, сестра и привезла ихъ къ намъ. Мнѣ же опять пришлось хлопотать за нихъ. Настало время коронаціи императора Александра Николаевича и я надѣялась что-нибудь сдѣлать; прожила съ мѣсяцъ въ Москвѣ, но ничего не успѣла; трудно было въ такое суетливое время имѣть доступъ къ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло дѣло. Подъ конецъ, уже когда дворъ уѣхалъ изъ Москвы, я случайно встрѣтилась у однихъ знакомыхъ опять съ генераломъ Пашковымъ. Обрадовавшись этой встрѣчѣ, я рассказала ему о своихъ новыхъ хлопотахъ и о совершенной своей неудачѣ. Онъ былъ на столько добръ, что снова предложилъ мнѣ свои услуги и сказалъ, что справится въ Петербургъ и напишетъ мнѣ, что нужно будетъ

предпринять. Вскорѣ я получила отъ него извѣстіе, что мнѣ нужно самой опять пріѣхать въ Петербургъ, куда въ ноябрѣ я и отправилась. Однако, мнѣ съ дѣвочками было гораздо больше хлопотъ, чѣмъ съ мальчиками, не смотря на дѣятельную помощь того же добраго г. Пашкова. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что не было нужныхъ бумагъ у дѣтей, а сумасшедшій отецъ не выдавалъ ихъ. Сколько разъ ни ѣздила я вмѣстѣ съ Пашковымъ въ канцелярію императрицы къ секретарю г. Морицу, человѣку произведшему на меня самое отрадное впечатлѣніе своею человѣчностью и деликатностью, но безъ бумагъ ничего не могла сдѣлать. Тогда я рѣшилась подать лично просьбу на высочайшее имя. Написала сама на имя императрицы Маріи Александровны просьбу и поѣхала въ Царское Село, гдѣ еще находилась царская фамилія и гдѣ, казалось мнѣ, было удобнѣе подавать просьбу. Рано утромъ, 21-го ноября я была уже въ Царскомъ. Взявъ извозчика, я велѣла везти себя въ ближайшую гостинницу къ дворцу, которая оказалась довольно грязною; но выбирать было некогда. Номеръ былъ очень плоховатъ. Извозчикъ дорогой рассказалъ мнѣ, что во дворцѣ по случаю праздника есть обѣдня, что туда всѣхъ пускаютъ и государины вѣроятнo будутъ тамъ. Я, оставивъ въ гостинницѣ свои вещи, прямо на томъ же извозчикѣ отправилась во дворецъ къ обѣднѣ; остановившись у подъѣзда, я робко, не зная куда идти, поднялась по лѣстницѣ на верхъ. Проходя залы, ведущія въ церковь, наполненныя придворными, я невольно смутилась, думая туда ли я иду, и не знала идти ли дальше; но они замѣтили мое смущеніе и учтиво указали дорогу въ церковь. Церковь поразила меня своей красотой, она была голубого цвѣта и покрыта золотыми звѣздочками, полъ устланнй дорогими коврами, впереди стояли бархатныя кресла и мягкіе стулья. Я сначала все поджидала прихода императрицы, но она, какъ оказалось послѣ, не была у обѣдни по нездоровью. Тихое, стройное пѣніе придворныхъ пѣвчихъ невольно вызывало у меня слезы отъ страха, какъ я рѣшусь одна, безъ руководителя, подавать прошеніе. Помолясь усердно Господу, я предалась на Его святое милосердіе. Обѣдня кончилась, всѣ стали расходиться; я, смущенная, послѣдовала за другими и запуталась въ корридорахъ, не зная какъ и куда выйти; разспросивъ какъ пробраться въ колоннаду, о которой мнѣ прежде говорили, я только-что вошла въ нее, какъ вижу подають одиночныя сани; спрашиваю у кого-то:

— Для кого эти сани?

— Государь сейчасъ ѣдетъ на парадъ въ Петербургъ, — отвѣтили мнѣ.

У меня сейчасъ мелькнула мысль не подать ли ему тутъ прошеніе? Я пошла дальше, вдали стояла группа офицеровъ; подойдя къ нимъ, я остановилась; нѣкоторые спросили меня, что мнѣ нужно?

И отвѣтила, что я пріѣхала изъ Сибири и желала бы видѣть государя. Одинъ изъ офицеровъ нѣмецъ спросилъ меня, не хочу ли я подать просьбу государю,—я отвѣтила отрицательно, потому что Пашковъ и многіе другіе предупреждали меня, чтобъ я не всѣмъ рассказывала, что хочу подавать просьбу императору. Вдругъ всѣ зашевелились. — «Государь ѣдетъ!» пронеслось по саду; меня поставили ближе къ рѣшеткѣ. Государь выѣзжалъ шагомъ изъ-за рѣшетки въ колоннаду, всѣ обнажили головы; государь, проѣхавъ мимо меня, вдругъ остановился и громкимъ, строгимъ голосомъ, смотря впередъ, спросилъ:

— Кто вы такой?

Тихимъ, дребезжащимъ голосомъ отвѣчаетъ кто-то:

— Вашего императорскаго величества вѣрноподанный такой-то.

— А развѣ вы не знаете, что мои вѣрноподанные передо мной шапки снимаютъ?—также строго и громко замѣтилъ государь.

Мы всѣ невольно оглянулись и увидѣли стоявшую несчастную фигуру какого-то человѣчка, съ поднятою къверху просьбою, забывшаго снять шапку.

— Отведите его къ дежурному флигель-адъютанту и скажите, чтобъ рассмотрѣлъ просьбу!—сказалъ гораздо уже мягче государь и поѣхалъ дальше.

Несчастнаго окружили офицеры и повели дальше; я же осталась какъ громомъ пораженная этою сценой; у меня сжалось сердце отъ предстоящаго и мнѣ самой подвига подавія прошенія и также полного незнанія правилъ для этого. Куда же, думаю, мнѣ идти? Офицеръ-нѣмецъ, уже не молодой и очень добрый на видъ, замѣтивъ мое смущенное состояніе, опять, когда всѣ разошлись, обратился ко мнѣ, повторяя вопросъ, не думаю ли я подать просьбу? Съ участіемъ сдѣланный имъ вопросъ внушилъ мнѣ къ нему довѣріе, и я рѣшилась ему сознаться. Онъ, узнавъ, что просьба у меня написана на имя императрицы, замѣтилъ мнѣ, что она только и можетъ быть подана императрицѣ, а не другому кому. Онъ принялъ живое участіе во мнѣ, рассказалъ подробно на мой вопросъ, гдѣ я могу увидать императрицу, объяснилъ, что она въ два часа всегда гуляетъ по саду, и тутъ я могу легко подать ей просьбу. Онъ повелъ меня по царскосельскому саду, показывая черныхъ лебедей и, разставаясь, пожелалъ полного успѣха. Оставшись совершенно одна въ неизвѣстномъ саду, я пошла бродить по расчищеннымъ и указаннымъ мнѣ офицеромъ дорожкамъ, гдѣ обыкновенно гуляетъ императрица, ожидая ея выхода. Долго бродила я въ тревожномъ ожиданіи; сначала много гуляющихъ встрѣчалось мнѣ, потомъ садъ началъ пустѣть; началъ перепадать маленькій снѣжокъ и сдѣлалось довольно сумрачно, а императрицы все нѣтъ, какъ нѣтъ. Страхъ запалъ у меня на сердце; а что можетъ быть она по этой погодѣ совсѣмъ не пойдетъ, что мнѣ тогда дѣлать? силы

стали мнѣ измѣнять, такъ какъ я съ утра ничего не ѣла; отдохнувши немного на скамейкѣ и собравъ послѣднія силы, я поплелась опять по аллеѣ, ведущей ко дворцу. Вдали показалась какая-то группа, я направила къ ней свои шаги; подойдя ближе, я увидѣла очень быстро идущую, одѣтую въ черное, женщину, окруженную мальчиками и собачками, покрытыми красными попонами. Она такъ скоро шла, что я, принявъ ее за придворную даму съ дѣтьми, посторонилась, давъ имъ дорогу. Поднявшись выше, я встрѣтила вѣмца-офицера, который обратился ко мнѣ съ словами:

— Ну что подали императрицѣ просьбу?

— Какой императрицѣ, она еще не выходила!—растеряннымъ голосомъ отвѣчала я.

— Какъ не выходила, она вѣдь сейчасъ прошла мимо васъ, поспѣшите поскорѣе обогнуть эту аллею и дойти до той рѣшетки, за которую не пускаютъ уже постороннихъ, раньше ея прихода,—сказалъ онъ нѣсколько разсерженнымъ голосомъ на мою глупую оплошность. Какъ я ни спѣшила къ рѣшеткѣ, но, подойдя къ ней, увидала, что императрица, опередивъ меня, уже была за ней.

Положеніе мое было ужасное; я впала буквально въ отчаяніе; досада на себя, на свою глупость, терзала невыносимо мое сердце; я не знала, что мнѣ дѣлать; разбитая и усталая, я еле тащилась по дорожкѣ, какъ вдругъ слышу за собой шлепанье калошъ, чаще другихъ встрѣчавшагося мнѣ какого-то офицера. Онъ прошелъ мимо меня, оглянувшись и, вернувшись, обратился съ вопросомъ:

— Видѣла ли я великихъ князей и съ кѣмъ они прошли?

Я отвѣчала очень сухо:

— Не знаю съ кѣмъ, кажется съ государыней.

— Какъ, кажется, вы развѣ не знаете ее?

— Не знала, но мнѣ сказали послѣ, что это она.

— Стало быть вы не здѣшняя?

— Нѣтъ.

— Откуда же вы, изъ Петербурга?

— Да, изъ Петербурга.

— Постоянно тамъ живете?

— Нѣтъ.

— Такъ вы московская?

— Нѣтъ, не московская.

— Такъ откуда же вы?—приставалъ онъ ко мнѣ съ своими докучливыми вопросами.

— Изъ Сибири,—угрюмо отвѣчала я ему.

— Есть ли у васъ знакомые въ Царскомъ?

— Никого нѣтъ.

— Съ кѣмъ же вы пріѣхали?

— Одна.

— Какъ одни, гдѣ же вы остановились?

— Сама не знаю, въ какой-то гостинницѣ, куда привезъ меня съ вокзала извозчикъ и теперь, не зная ея названія и мѣстности, я не знаю даже какъ и дойти до нея.

— Вы что же пріѣхали?—у васъ есть просьба?

— А вамъ что за дѣло? — отвѣтила я ему сурово, вспомнивъ, что мнѣ не совѣтывали говорить объ этомъ.

— Да можетъ быть я могу вамъ быть полезенъ?

— Вы! не думаю!

— Отчего же?—я дежурный флигель-адъютантъ.

Тогда взглянувъ на него пристальнѣе и замѣтивши на немъ аксельбанты, я, нисколько не растерявшись, спросила:

— А фамилія ваша?

— Графъ Апраксинъ.

— Ну, это другое дѣло.

— Я обязанъ даже, если вы имѣете просьбу къ императору, принять и передать ее.

— Моя просьба къ государынѣ.

— Жаль, тогда я не имѣю права принять ее; почему же вы пропустили удобный случай и не подали ей?

— Я не знала, что это императрица.

— Что же вы думаете дѣлать теперь?

— Остаться до завтра, хотя для меня это будетъ ужасно, мнѣ еще надо отыскать гостинницу, гдѣ я остановилась.

— Позвольте мнѣ васъ проводить.

— Я обрадовалась его предложенію.

Выйдя съ нимъ на площадь, я совѣмъ не узнавала мѣстности и не знала, гдѣ была та гостинница, въ которой я остановилась; но къ моему счастью попался тотъ самый извозчикъ, который везъ меня съ вокзала; я тотчасъ его узнала и закричала ему, чтобъ онъ насъ довезъ.

— Хороша гостинница?—спрашиваетъ меня гр. Апраксинъ.

— Не очень.

— А можно мнѣ войти съ вами?

— Пожалуйста.

Вошли мы въ номеръ, который былъ довольно грязенъ и теменъ.

— Ахъ, какъ тутъ дурно!—воскликнулъ онъ.—Развѣ нѣтъ лучшихъ номеровъ? — обратился онъ къ стоявшему со свѣчой корридорному.

— Есть, но дороже, рубля на два.

— Это для меня слишкомъ дорого,—поспѣшила я сказать.

— Позвольте мнѣ вамъ нанять.

— Съ какой это стати? — гордо отвѣтила я, взглянувъ прямо ему въ глаза.

— Мнѣ вѣдь это ничего не стоитъ.

— Благодарю за вниманіе, но остаюсь тутъ же въ этомъ номерѣ.

— Такъ позвольте нѣсколько минутъ пробывать съ вами?

Я воспользовалась его присутствіемъ, чтобъ показать, по формѣ ли написана моя просьба. Оказалось, какъ слѣдуетъ; онъ, повертѣвшись, опять говоритъ:

— Какъ здѣсь холодно!—Вамъ не холодно?

— Нѣтъ, не холодно.

— Что же вы не обѣдаете?

— Не хочу.

— Какъ не хотите?—да вѣдь я все время въ саду слѣдплъ за вами, только боялся подойти къ вамъ, вы такъ сурово смотрѣли, и знаю, что вы еще не кушали. Позвольте мнѣ взять вамъ обѣдъ?

— Благодарю, я не хочу ѣсть.

— Какая вы гордая!

Посмотрѣвъ на часы, онъ воскликнулъ:

— Ужъ 5-ть часовъ, скоро пріѣдетъ государь изъ Петербурга, а мнѣ нужно еще пообѣдать; да какъ же вы-то останетесь безъ обѣда? — позвольте мнѣ хоть съ царскаго стола прислать обѣдъ, вѣдь это не мой, а царскій.

На мой рѣшительный отказъ онъ воскликнулъ:

— Видно, что вы сибирячка, гдѣ много гордости.

— То есть достоинства, хотите вы сказать,—замѣтила я ему.

— Однако, прощайте, мнѣ пора идти, да какъ же вы одна останетесь, можно мнѣ вечеромъ зайти къ вамъ?

Я молчала.

— Такъ вѣрно вамъ непріятно мое посѣщеніе?

Я опять молчу.

— Ну такъ прощайте, если случится когда вамъ въ Петербургѣ подавать просьбу императору, спросите въ дежурной комнатѣ флигель-адъютанта графа Апраксина, я всегда буду къ вашимъ услугамъ. Впрочемъ, если и здѣсь что нужно будетъ, то пришлите, я все доставлю вамъ.

Сказавъ это, онъ протянулъ мнѣ руку. Такъ мы простились, и я его больше никогда не видала. Нервы мои въ продолженіе всего дня были такъ натянуты, что, по его уходѣ, мнѣ сдѣлалось дурно. Я впала въ свое каталептическое состояніе, которое съ большимъ трудомъ сдерживала въ его присутствіи. Очнувшись часовъ въ 9-ть вечера и почувствовавъ холодъ, я закуталась въ шубу и заснула, не раздѣваясь. Проснувшись на другой день, хотя я и чувствовала большую слабость, но пошла въ соборъ къ обѣднѣ. Я насилу могла дойти назадъ; сильный вѣтеръ отнималъ у меня и физическія, и нравственныя силы; въ страхъ я предполагала, что въ такой вѣтеръ императрица не пойдетъ гулять, а мнѣ за неимѣніемъ съ собой денегъ нельзя было уже оставаться дольше. Напившись чаю, чтобъ нѣсколько подкрѣпитесь, я въ часъ дня снова пошла въ садъ, который на этотъ разъ былъ почти пустъ. Опять

долго бродила я по его аллеямъ, подъ конецъ, изнемогая совѣтъ, стала ходить взадъ и впередъ по аллеѣ, ведущей во дворецъ. Начало смеркаться, а императрицы все нѣтъ какъ нѣтъ. Я шла, опустивъ голову, и двугъ услышала опять какой-то шумъ. Я присмотрѣлась и увидѣла вдали нѣсколькихъ офицеровъ въ красныхъ фуражкахъ, идущихъ мнѣ на встрѣчу. Мнѣ стало досадно на нихъ, что они могутъ быть свидѣтелями моего непріятнаго положенія при подачѣ просьбы; желая разсмотрѣть ихъ хорошенько, я взглянула въ лорнетъ и представьте мой ужасъ, когда въ этой группѣ я узнала государя подъ ручку съ государыней, а впереди ихъ великихъ князей въ красныхъ фуражкахъ. Всѣ они быстро приближались ко мнѣ на встрѣчу. Я пришла въ такое смущеніе, что кажется еслибъ была возможность, то куда-нибудь ускользнула бы. Однако, подавивъ смущеніе, внутренно перекрестившись и держа въ рукахъ просьбу, я пересѣкла имъ дорогу; великіе князья, какъ только замѣтили, что я хочу подойти, тотчасъ посторонились и дали мнѣ дорогу. Государь съ императрицей остановились; я поклонилась имъ, подошла прямо къ ней и съ волненіемъ сказала:

— Ваше величество, я имѣю къ вамъ просьбу.

— Что вамъ угодно?—спросила она тихимъ голосомъ, взглянувъ на меня своими кроткими глазами.

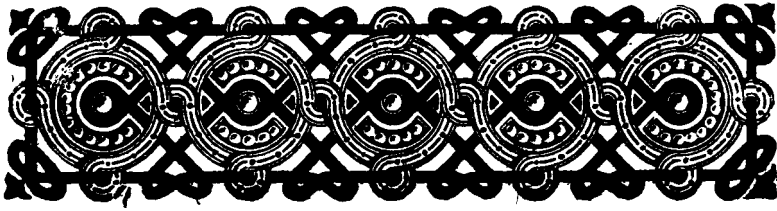
Я, вмѣсто отвѣта, подала ей свою просьбу; она приняла ее и, держа въ рукахъ, сказала:—«Хорошо». Государь же въ это время, осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, спросилъ:—«Кто вы такая»? Я назвала себя, посмотрѣвъ прямо ему въ глаза. Онъ еще разъ повторилъ:—«Какъ фамилія?»—Я отвѣтила. Онъ, поклонившись, сказалъ:—«Хорошо».—Я то же поклонилась, и они пошли въ одну сторону, а я въ другую. Я спѣшила, чтобы не опоздать на поѣздъ, наскоро взяла въ гостинницѣ свои вещи и отправилась въ Петербургъ. На другой день, я вмѣстѣ съ Пашковымъ опять поѣхала въ карцелярію императрицы и горе мое было велико, когда тотъ же секретарь ея, г. Морицъ, отвѣтилъ мнѣ, что не смотря на то, что я лично подавала просьбу императрицѣ, безъ формулярнаго списка отца дѣвочекъ, невозможно ничего сдѣлать. Когда же на мое несмѣлое замѣчаніе, не можетъ ли онъ самъ, какъ секретарь императрицы, потребовать этихъ бумагъ? онъ, ухватившись за эту мысль, воскликнулъ:—«Какъ это мнѣ прежде въ голову не приходило, вѣдь это возможно и я непременно это сдѣлаю; а вы теперь же можете спокойно отправляться домой».

Весной, къ моей великой радости, я получила отъ него формальное увѣдомленіе, что одна изъ племянницъ (а я хлопотала о двухъ) зачислена въ Московскій Елисаветинскій институтъ пансіонеркой императрицы. Я даже заплакала, получивъ такую неожиданную радость. Поблагодаривъ Господа за устройство дѣвочки, я начала хлопотать и о другой, съ которой тоже не мало было труда. Но

мнѣ въ этомъ очень помогъ генераль-адъютантъ Ник. Ник. Анненковъ, котораго, какъ уже сказано мною раньше, въ бытность его на ревизіи въ Западной Сибири въ 1851 году, я знала въ Tobольскѣ. Мнѣ не приходилось еще обращаться къ нему въ Петербургѣ съ моими дѣлами, которыя, благодаря г. Пашкову, Богъ помогалъ мнѣ обдѣлывать; но, при помѣщеніи другой племянницы, статсъ-секретарь Гофманъ началъ дѣлать затрудненія, и нужно было имѣть рекомендацію отъ болѣе высокопоставленнаго лица, почему я и обратилась къ Н. Н. Анненкову, который въ то время былъ государственнымъ контролеромъ въ Петербургѣ. Я поѣхала къ нему съ его двоюродной племянницей генеральшей Ивановой, моей хорошей пріятельницей, (дочерью декабриста Анненкова). Ник. Ник. принялъ меня такъ любезно, какъ старую свою знакомую, наговорилъ кучу любезностей, какъ это бывало и въ Tobольскѣ, и даже упрекнулъ, когда узналъ, что я не въ первый уже разъ въ Петербургѣ по дѣламъ, что какъ же я, имѣя такого стараго друга, не обращалась къ нему. Я поблагодарила за его доброту и объяснила, что мнѣ теперь нужна для генерала Гофмана рекомендація о моемъ покойномъ отцѣ, котораго онъ хорошо зналъ въ Tobольскѣ. Анненковъ общалъ вечеромъ же прислать мнѣ письмо въ Гофману. И въ самомъ дѣлѣ, часовъ въ 10 вечера вдругъ отыскиваетъ меня курьеръ съ пакетомъ на мое имя; распечатавъ его, я нашла копію съ письма Анненкова къ Гофману и записочку ко мнѣ, гдѣ онъ писалъ, чтобъ я прочитала эту копію и отвѣтила бы ему, довольна ли я ею. Письмо отъ отцѣ было очень лестно написано, и я храню его у себя до сихъ поръ. Но другой день, я передала уже настоящее его письмо Гофману; но онъ такъ медлилъ своимъ рѣшеніемъ, а время уходило, что я была принуждена снова обратиться къ Анненкову, который прямо уже самъ просилъ императора, и вскорѣ я получила бумагу, что по особому ходатайству генераль-адъютанта Анненкова, помѣщена и другая моя племянница въ Московскій Екатерининской институтъ пансіонеркой императора. Такъ Господь помогъ мнѣ, не смотря на мою немощь, устроить осиротѣлыхъ дѣтей.

Въ коронацію покойнаго императора Александра Николаевича, въ 1856 году возвращены были всѣ декабристы изъ Сибири. Вѣстникомъ ихъ свободы былъ сынъ декабриста же, князь Михайлъ Сергѣевичъ Волконскій, посланный въ Сибирь курьеромъ съ милостивымъ манифестомъ. Вскорѣ большая часть изъ нихъ перебралась на родину, а нѣкоторые предпочли остаться въ Сибири, гдѣ жизнь удобнѣе и дешевле для людей, не имѣющихъ большихъ средствъ. Мы были очень обрадованы пріѣздомъ къ намъ въ Марьино возвратившихся нашихъ дорогихъ друзей: Павла Сергѣевича Бобринцева-Пушкина, Свистунова, Пущина, Басаргина и многихъ другихъ, пострадавшихъ болѣе 30-ти лѣтъ въ изгнаніи.

М. Д. Францева.

ВОСПОМИНАНІЯ О ДЕКАБРИСТАХЪ.

(Изъ бумагъ М. Д. Францевой ¹⁾).

1. Декабристы и общество въ Сибири.

ВЪ СИБИРСКОМЪ народѣ много было въ наше время хорошаго въ нравахъ, радушнымъ гостепріимствомъ тоже отличается онъ не мало, особенно передъ здѣшними русскими. Бывало, помню я, когда случалось намъ проѣздомъ изъ Тобольска въ Омскъ на протяженіи 600 верстъ останавливаться въ деревняхъ у такъ называемыхъ передаточныхъ, то хозяйка закормить всѣмъ, что у нея есть въ запасѣ, и Боже сохрани, чтобы она когда-нибудь взяла за это плату; это надо ее обидѣть, если за ея радушное угощеніе вы предложите ей что-нибудь заплатить. «Господь еще не обидѣлъ насъ Своею милостію», отвѣтитъ она вамъ обидчивымъ тономъ. Правда, что крестьяне живутъ тамъ зажиточно, земли много, лѣсу тоже, развѣ ужъ особенный лѣнтій или негодяй какой-нибудь, при тѣхъ удобствахъ, которыми пользуется, живетъ бѣдно. Вооб-

¹⁾ Воспоминанія М. Д. Францевой о жизни декабристовъ въ Сибири, преимущественно супружеской четы Михаила Александровича и Натальи Дмитриевны Фонвизинныхъ, печатались въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1888 года (май, июнь, июль) и въ то время обратили на себя вниманіе своею искренностію и правдивостію. Въ видѣ дополненія къ нимъ печатаются нынѣ замѣтки о декабристахъ, сохранившіяся въ бумагахъ М. Д. Францевой и сообщенныя ею редакціи «Историческаго Вѣстника».

Ред.

ще въ Сибири за оказанную услугу другому съ негодованіемъ отвергалось всякое вознагражденіе, тогда какъ здѣсь, въ Россіи, шагъ не сдѣлають даромъ для другого. Я ужасно любила сибиряка за его прямоту и пониманіе своего личнаго достоинства. Униженнаго подобострастія онъ совершенно былъ чуждъ. Придетъ, бывало, къ вамъ какая-нибудь усталая торговка или молочница, съ молокомъ и, чувствуя утомленіе, она, нисколько не стѣсняясь, сядетъ возлѣ васъ отдохнуть, и этимъ она нисколько не хочетъ сравняться съ вами или умалить ваше превосходство передъ ней, или оказать вамъ дерзость, показать равенство, — ничего подобнаго, она только этимъ показываетъ, что, какъ человѣкъ уставшій, она имѣетъ полное право въ присутствіи вашемъ присѣсть отдохнуть, не переставая въ то же время быть учтливой и почтительной относительно васъ.

Вообще слѣдуетъ сказать о сибирскомъ народѣ, что онъ удивительно какъ выше развитъ умственно передъ русскимъ мужикомъ. Въ Сибири никогда не было крѣпостнаго права, почему народъ выработался болѣе самостоятельнымъ, съ своими убѣжденіями. Благодѣтельное же вліяніе прямого, простого благорасположеннаго обращенія декабристовъ развило въ нихъ высокое пониманіе достоинства человѣческой личности. Сибирякъ обыкновенно не хвастливъ, онъ не вдругъ выразитъ свой взглядъ, свое мнѣніе, сначала выслушаетъ, въ чемъ дѣло, подумаетъ, скажетъ: «Что же, и мы, скажетъ, сумѣемъ сдѣлать это». И, навѣрно, если возьмется за что, то сдѣлаетъ хорошо. Еще отличительная черта сибиряка, это большая чистоплотность. Когда, бывало, проѣзжаешь деревнями, то, куда ни взойдешь, въ самую ветхую избенку, чистота васъ невольно поражаетъ. Полъ чисто вымытъ, устланъ чистымъ холщевымъ половикомъ, на столѣ безукоризненной бѣлизны скатерть, въ переднемъ углу святые иконы, кровать съ периною, покрытая непременно чистымъ одѣяломъ.

Декабристы были все люди умные, образованные, прекрасно воспитанные, сохранившіе утонченную вѣжливость высшаго общества, къ которому они нѣкогда принадлежали, а вмѣстѣ съ тѣмъ, прошедши тяжелыя испытанія въ жизни и узнавъ всю превратность ея, у нихъ выработались необыкновенная простота и добродушіе. Они относились ко всякому человѣку, цѣня въ немъ прежде всего человѣческое достоинство, почему и были чужды всякаго самолюбія. Всѣмъ было какъ-то легко и хорошо съ ними. Отдавая ихъ въ то же время полное предпочтеніе, никто также не чувствовалъ себя униженнымъ передъ ними и подавленнымъ ихъ превосходствомъ. Ихъ умныя, серьезныя, а иногда полныя остроты и игривости бесѣды доставляли истинное наслажденіе.

2. М. А. Фонвизинъ и Н. Д. Фонвизина.

Михаилъ Александровичъ былъ сынъ Александра Ивановича Фонвизина, родного брата извѣстнаго Дениса Ивановича Фонвизина,

Отецъ Михаила Александровича женился на двоюродной сестрѣ своей, вслѣдствіе чего Мамоновы оспаривали законность этого брака, желая лишить дѣтей его права на наслѣдство Мамоновскаго огромнаго имѣнія, что и побудило Александра Ивановича помѣстить въ военную службу сына своего, Михаила Александровича, едва достигшаго 15-лѣтняго возраста; и точно, за отличіе его по службѣ, Высочайше утверждены были права его на Мамоновское наслѣдство.

Михаилъ Александровичъ служилъ въ Измайловскомъ лейбъ-гвардіи полку и произведенъ въ офицеры подъ Аустерлицемъ въ 1805 году. Въ 1812 году онъ былъ адъютантомъ у начальника штаба, Алексѣя Петровича Ермолова, который особенно любилъ и уважалъ его и даже въ своихъ запискахъ упоминаетъ о немъ: «при Маломъ-Ярославцѣ, — пишетъ Ермоловъ, — храбрые адъютанты мои поручикъ Фонвизинъ и артиллеріи поручикъ Поздѣевъ чрезвычайно мнѣ способствовали всюду, куда ни посылали ихъ, не менѣе вѣрили имъ, какъ самому себѣ».

Во время кампаніи Михаилъ Александровичъ скоро дослужился до полковничьяго чина, такъ что въ 1813 году ему ввѣрено было командованіе полкомъ. Въ 1814 году онъ находился въ авангардѣ въ городѣ Provins, гдѣ дивизіонный командиръ назначилъ ночлегъ и велѣлъ дать отдыхъ солдатамъ, расположивъ ихъ по квартирамъ. Ночью маршалъ Удино напалъ врасплѣхъ на нашъ авангардъ; русскіе ударили тревогу, и войско выступило, не успѣвши одѣться, съ одними ружьями въ рукахъ. Тутъ былъ взятъ въ плѣнъ весь отрядъ русскій, въ томъ числѣ и Михаилъ Александровичъ Фонвизинъ и Константинъ Марковичъ Полторацкій. Французы сняли съ нихъ обувь и мундиры. Маршалъ же Удино, увидѣвъ плѣнныхъ, велѣлъ тотчасъ Фонвизина снабдить одеждой и съ рекомендательнымъ письмомъ къ друзьямъ своимъ отправилъ его въ Парижъ, гдѣ онъ жилъ на свободѣ и ласково былъ принятъ. Когда союзныя войска стали подходить къ Парижу, всѣхъ плѣнныхъ отправили въ Бретань, въ городъ Марьякъ? Тамъ находились нѣсколько тысячъ плѣнныхъ русскихъ и австрійцевъ.

Между жителями было много роялистовъ. Фонвизинъ, узнавъ отъ нихъ, что дѣло Наполеона проиграно, рѣшился поднять бѣлое знамя, уговоривши на это заранѣе всѣхъ русскихъ плѣнныхъ; они завладѣли арсеналомъ, обезоружили караулы и сдѣлались

хозяевами въ городѣ, объявивъ его на военномъ положеніи. Австрійскіе офицеры побоялись принять участіе въ этомъ дѣлѣ; лишь одинъ изъ нихъ, славянинъ, уговорилъ австрійскихъ рядовыхъ пристать къ русскимъ. На подкрѣпленіе къ войску Наполеона шелъ, между другими, конно-егерскій полкъ, которому слѣдовало пройти черезъ городъ. Фонвизинъ согласился на это подъ однимъ условіемъ, чтобы полкъ прошелъ черезъ городъ обезоруженный, оружіе же на подводахъ слѣдовало за полкомъ.

По вступленіи союзниковъ въ Парижъ государь Александръ Павловичъ очень сухо принялъ Фонвизина, бывши недоволенъ его самоуправствомъ; но вслѣдъ за тѣмъ Фонвизинъ, будучи представленъ королю Людовику XVIII, былъ осыпанъ его ласками и удивился, встрѣтивъ во дворцѣ мушкетеровъ знакомаго герцога де-Брисака, который незадолго передъ тѣмъ былъ принятъ юнкеромъ въ Семеновскій полкъ.

Въ 1815 году Фонвизинъ командовалъ полкомъ въ корпусѣ гр. Воронцова, командовавшаго оккупационнымъ русскимъ отрядомъ во Франціи въ теченіе трехъ лѣтъ. Возвратясь въ 1818 году въ Россію, въ эпоху аракчеевскаго владычества, онъ не могъ вынести новыхъ порядковъ и вышелъ въ отставку; но въ скоромъ времени графъ Петръ Александровичъ Толстой, который командовалъ корпусомъ въ Москвѣ, упросилъ Фонвизина вновь поступить на службу и назначилъ его командиромъ Егерскаго полка, гдѣ онъ устроилъ на свой счетъ юнкерскую школу. Узнавъ объ этомъ, графъ Дибичъ при посѣщеніи школы до того былъ восхищенъ этимъ учрежденіемъ, что представилъ государю проектъ объ учрежденіи для юнкеровъ казенныхъ школъ.

Михаилъ Александровичъ Фонвизинъ такъ былъ любимъ и уважаемъ офицерами полка, что при выходѣ его въ отставку офицеры поднесли ему на память золотую шпагу. Насколько же онъ былъ обожаемъ и солдатами за свое кроткое и человѣчное обхожденіе съ ними (у него въ полку запрещено было даже тѣлесное наказаніе), доказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ его казематной жизни. Когда впоследствии образовалось такъ называемое тайное общество, Фонвизинъ вступилъ въ его и принималъ въ немъ дѣятельное участіе. 14-го декабря 1825 года онъ лично не былъ замѣшанъ въ дѣлѣ, будучи въ своей подмосковной деревнѣ Крюковѣ, теперешней Крюковской станціи по Николаевской желѣзной дорогѣ. Здѣсь онъ былъ арестованъ, увезенъ въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость.

Во время его заточенія въ крѣпости случилось однажды быть въ караулѣ солдатамъ того полка, которымъ онъ прежде командовалъ; во время его прогулки по берегу Невы, вокругъ крѣпости, подъ конвоемъ этихъ солдатъ, они, рискуя жизнію, убѣждали и умоляли его воспользоваться свободой и бѣжать. Какъ онъ ни

былъ тронуть и пораженъ такой преданностію съ ихъ стороны, но, конечно, не согласился ради своей свободы подвергнуть ихъ наказанію и въ то же время ухудшить положеніе своихъ товарищей, которые послѣ его побѣга подверглись бы, конечно, еще болѣе строгому надзору.

Въ началѣ ссылки не дозволялось писать къ роднымъ, и Наталья Дмитріевна, волнуемая постоянными совѣтами жандармскаго генерала Волкова, который имѣлъ тайное приказаніе отъ правительства склонить ее отложить свою поѣздку хотя до тѣхъ поръ, пока получитъ извѣстіе о мужѣ, рѣшилась по своему глубокому религіозному чувству поѣхать помолиться преподобному Сергію въ Троицкую лавру и дѣйствовать потомъ, какъ Богъ положитъ ей на сердце. Тамъ съ ней былъ знаменательный случай, коимъ Провидѣніе видимымъ образомъ указало ей на то, что ей слѣдовало ѣхать въ Сибирь къ мужу.

Итакъ, она отправилась въ монастырь съ своей молодой кузиной, въ сопровожденіи одного слуги. Посѣтивъ одного затворника, къ которому пошла вмѣстѣ съ своей кузиной и лакеемъ, она была поражена прозорливостію старца, который при входѣ ея прямо, безъ всякихъ вопросовъ, далъ ей крестикъ съ слѣдующими словами: «Отвези тому, къ кому ѣдешь».

Эти немногія, но знаменательныя слова старца тотчасъ ее успокоили; она ясно поняла изъ нихъ, что мужъ ея живъ и она должна къ нему ѣхать; тѣмъ болѣе она увѣрилась въ прозорливости святого старца, что тотъ, обратившись тутъ же къ молодой дѣвушкѣ, ея кузинѣ, желавшей очень выйти замужъ, также не дождавшись съ ея стороны вопроса, сказалъ ей: «Въ настоящемъ году выйдешь замужъ», что и сбылось потомъ въ точности. Лакею же, сидѣвшему по его указанію вмѣстѣ съ господами, сдѣлавъ обличеніе, сказавъ: «На тебѣ лежитъ тяжкій грѣхъ, покайся въ немъ». Наталья Дмитріевна, вернувшись домой, узнала отъ людей, что однажды на исповѣди священникъ не разрѣшилъ этому чловеку пріобщиться святыхъ таинъ, но онъ, стыда ради чловѣческаго, незамѣтно проскользнулъ между народомъ и пріобщился самовольно св. таинъ, что потомъ его очень смущало и тяготило.

Пушкинъ очень вѣрно схватилъ основныя черты ея характера, ея юную наивную душу, но твердую въ исполненіи своихъ обязанностей.

Пушкинъ взявшій типъ Натальи Дмитріевны изъ юной ея жизни въ богатомъ костромскомъ помѣстьѣ ея отца, гдѣ она развивалась вдали отъ мелочной суеты столичной жизни и гдѣ ея наивная, легко вѣрящая во все хорошее натура въ то же время крѣпла въ глубокомъ религіозномъ чувствѣ покорности волѣ Божіей, художественно передалъ всѣ главныя черты ея характера въ лицѣ Татьяны въ своей знаменитой поэмѣ «Евгеній Онѣгинъ».

Но толчокъ разочарованія въ вѣрности человѣка, къ которому она такъ было довѣрчиво отнеслась, не заставилъ ее потерять вѣру въ людей, что она и доказала впоследствии, сумѣвъ отличить настоящее отъ ложнаго. Она оцѣнила великодушный поступокъ своего двоюроднаго дяди Михаила Александровича Фонвизина, разорвавшаго долговую вексель ея отца, и приняла его предложеніе стать его женой. Не «тупо покоряясь», какъ ошибочно сказано у Пушкина, волѣ родительской, ставши, какъ будто, послѣ разочарованія равнодушной ко всему окружающему, она пошла за него добровольно, имѣя въ виду, съ одной стороны удовлетворить самолюбіе отца, съ другой, отплатить Михаилу Александровичу за его благородный поступокъ. Сдѣлавшись женой генерала, она дала сильный отпоръ на балу бывшему ея ухаживателю, какъ говоритъ Пушкинъ въ своей поэмѣ, и это доказываетъ твердый въ правилахъ и исполненіи обязанностей ея характеръ. Не имѣя страстнаго увлеченія, она тѣмъ не менѣе привязалась и полюбила мужа за благородныя чувства, что и оправдала своею твердою рѣшимостью не покидать его въ несчастіи, слѣдуя за нимъ въ изгнаніе, на каторгу, несмотря на мольбы отца и матери.

Михаилъ Александровичъ обожалъ ее въ полномъ смыслѣ этого слова до послѣдней минуты жизни. Она своею глубокою религіозностью имѣла огромное вліяніе на него, такъ что подъ ея вліяніемъ изъ человѣка равнодушнаго къ религіи и онъ сдѣлался горячо вѣрующимъ. Его прямая чистая душа легко поддавалась всему возвышенному и прекрасному.

3. Н. Д. Фонвизина по возвращеніи изъ Сибири и замужество ея съ И. И. Пуцинымъ.

Наталя Дмитріевна была замѣчательнаго ума, необычайно краснорѣчива и въ высокой степени духовнаго религіознаго развитія. Въ ней много было увлекательнаго, особенно когда она говорила, такъ что передъ ней невольно преклонялись всѣ слушатели ея. Память у нея была удивительная, она помнила даже всѣ сказки, которыя рассказывала ей въ дѣтствѣ ея няня, и такъ умѣла передать живо и картинно все, что видѣла и слышала, что простой рассказъ ея увлекалъ каждого изъ слушателей; характера она была твердаго, рѣшительнаго, энергичнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень веселаго, несмотря на то, что жила больше внутренней жизнью, мало обращая вниманія на сужденія или пересуды людскіе. По возвращеніи изъ Сибири, послѣ кончины Михаила Александровича, въ Марьино Наталя Дмитріевна должна была заняться приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ по доставшемуся ей по наслѣдству отъ Ивана Александровича Фонвизина огромному имѣнію, но разстроенному до крайности. Она въ продолженіе двухъ лѣтъ

рѣшительно не имѣла отдыха. Приходилось разъѣзжать по разнымъ своимъ имѣніямъ, находящимся въ нѣсколькихъ губерніяхъ, чтобы имѣть возможность сохранить ихъ отъ грозившаго полнаго разоренія. Крестьяне обожали ее и обличали предъ ней всѣ неблагородные и корыстолюбивые поступки управителей огромныхъ ея владѣній, отъ чего возникали у ней постоянныя непріятныя столкновенія съ ними. Все это настолько нравственно и физически утомило Наталью Дмитріевну, привыкшую всегда къ болѣе отвлеченной, чѣмъ дѣятельной жизни, что она рѣшилась поѣхать въ Tobольскъ отдохнуть тамъ душою и взглянуть еще на сотоварищей покойнаго мужа, а своихъ друзей, Къ тому времени одно еще обстоятельство, о которомъ буду говорить ниже, побудило ее рѣшиться окончательно на эту поѣздку, почему въ началѣ 1856 года и отправилась въ Сибирь, взявъ съ собою маленькую свою воспитанницу, привезенную ею изъ Сибири, родители которой оставались въ Tobольскѣ. Опасаясь же, чтобы не показалось страннымъ правительству и всѣмъ окружающимъ ея путешествіе въ Сибирь, она устроила свой отъѣздъ такъ, что никто, кромѣ меня, ни родные, ни знакомые, ни домашніе не знали объ этомъ. Для охраны же въ дальней дорогѣ взяла она съ собою преданнаго и вѣрнаго человѣка; она выѣхала изъ Марьина въ Москву, сказавъ всѣмъ, что ѣдетъ въ свои костромскія имѣнія на все лѣто.

Одна я знала только, куда она отправлялась, и у насъ съ ней сдѣланъ былъ уговоръ, что когда она будетъ мнѣ писать въ Марьино, гдѣ я оставалась, чтобы прочитывала письма я старой нянѣ Матренѣ Петровнѣ, какъ бы полученныя мною изъ деревни, а не изъ Сибири, также и всѣмъ спрашивающимъ отвѣчала бы то же. Заранѣе условлено было названія мѣстъ костромскихъ понимать за нѣкоторыя мѣста въ Сибири, гдѣ она должна была останавливаться.

Тайну ея я сохранила во всей полнотѣ; никто не подозрѣвалъ, что я прочитывала письма изъ Сибири, рассказывая какъ о полученныхъ изъ костромскихъ имѣній.

Однажды едва, впрочемъ, не пришлось мнѣ выдать вѣренную мнѣ тайну. Встрѣтила я разъ, бывши въ Москвѣ у княгини Евдокии Михайловны Голицыной, графиню Елизавету Петровну Потемкину, рожденную княжну Трубецкую, сестру декабриста князя Сергѣя Петровича Трубецкого, только что пріѣхавшую изъ Петербурга, которая рассказывала княгинѣ Голицыной, какъ интересное событіе, что князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій, тоже сынъ декабриста, состоящій на службѣ въ Петербургѣ, былъ посланъ государемъ императоромъ курьеромъ въ Сибирь съ высочайшимъ милостивымъ манифестомъ по случаю коронаціи о прощеніи всѣхъ декабристовъ и возвращеніи ихъ на родину

въ Россію. Князь Волконскій описываетъ, говорила она, какъ онъ, пріѣхавши въ Ялutorовскъ, возбудилъ общій восторгъ и радость у всѣхъ сосланныхъ; всѣ бросились обнимать другъ друга и благословляли императора Александра II. Онъ пишетъ также, что между ними находилась въ это радостное время и Наталья Дмитріевна Фонвизина. Княгиня же Голицына, зная отъ меня о пребываніи Натальи Дмитріевы въ деревнѣ, не вѣрила этому извѣстію, и такъ какъ я тутъ же находилась въ гостинной, то удивленная обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, правда ли, что Наталья Дмитріевна въ Сибири. Я, конечно, ради тайны должна была скрыть и отвѣтить отрицательно, что ея тамъ нѣтъ, что, вѣроятно, вышло какое-нибудь недоразумѣніе въ письмѣ князя Волконскаго.

Вскорѣ возвратилась и сама Наталья Дмитріевна изъ Tobольска, и когда она рассказывала о своемъ таинственномъ путешествіи, то всѣ очень смѣялись и удивлялись моему умѣнью, какъ онъ выражались, хранить чужую тайну.

Вообще въ характерѣ Наталья Дмитріевна много была страннаго и непонятнаго для свѣта. Не выносила она никакой похвалы себѣ, почему часто старалась выказывать себя не тѣмъ, чѣмъ была, напуская иногда на себя видъ юродства, чтобы только не считали ея за праведную, и иногда, чтобы еще сильнѣе опровергнуть похвалу, старалась напускнымъ какимъ-нибудь выдающимся и даже порицаемымъ условіями свѣта дѣйствіемъ нарушить хорошее мнѣніе о ней.

До старости въ ней сохранилось много юношеской воспримчивости, доходящей до самоотверженія, особенно когда касалось ея религіозной стороны и подчасъ экзальтированной покорности волѣ Божіей. Требовалось ли стѣсненіе свободы, которой она больше всего дорожила, или другой какой жертвы для спасенія ближняго, она тогда ни передъ чѣмъ не останавливалась, какимъ бы уродствомъ для свѣта ни казались ея дѣйствія. Это самопожертвованіе ради спасенія ближняго и было главной причиной ея второго брака съ Иваномъ Ивановичемъ Пушкинымъ, не мало удивившаго всѣхъ ея знакомыхъ и даже друзей.

Иванъ Ивановичъ Пушкинъ, отличаясь либеральными идеями, принадлежалъ также къ тайному обществу декабристовъ и вмѣстѣ съ другими былъ сосланъ въ Сибирь. Какъ человѣкъ, онъ былъ чрезвычайно добрый, честный, милый, всѣми уважаемый и любимый; но, къ несчастію, какъ христіанинъ, мало вѣрующій; хотя и не уклонялся отъ исполненія обрядовъ церковныхъ, какъ многіе свѣтскіе люди, но никогда не вникалъ въ духовную сторону христіанской жизни. Когда онъ, бывало, пріѣзжалъ изъ Ялutorовска въ Tobольскъ, гдѣ былъ поселенъ и останавливался у Фонвизинныхъ, то мнѣ нерѣдко приходилось присутствовать при ихъ религіозныхъ спорахъ. Какъ Михаилъ Александровичъ, такъ и

Наталья Дмитріевна усердно старались возбудить въ немъ духовную внутреннюю жизнь, безъ чего, по ихъ христіанскимъ воззрѣніямъ, спасеніе его души казалось имъ сомнительнымъ, но онъ по обыкновенію всегда отшучивался, говоря, что они изъ него хотятъ сдѣлать святошу. и мало поддавался ихъ благочестивому вліянію.

Когда же впослѣдствіи въ Ялutorовскѣ получено было изъ Россіи извѣстіе о праведной и мирной кончинѣ Михаила Александровича Фонвизина, то это грустное событіе сильно поразило его, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ къ тому времени сталъ уже серьезно прихварывать и невольно поддаваться унынію.

Наталья Дмитріевна не прерывала, конечно, и послѣ смерти Михаила Александровича дружескихъ сношеній съ Пушцинымъ, интересовалась попрежнему его внутренней душевной работой и, какъ умная женщина, имѣла большое на него вліяніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она была какъ громомъ поражена неожиданно сдѣланнымъ имъ ей предложеніемъ. Ея экзальтированная натура тотчасъ же приняла это за особенное указаніе Провидѣнія, требовавшего отъ нея новой жертвы для спасенія черезъ нее прекрасной, но мало вѣрующей души Пущина.

Но въ то же время въ ней самой началась страшная борьба: она очень хорошо сознавала, что, рѣшившись на второй бракъ, она лишится своей дорогой свободы и волей-неволей должна будетъ подчиниться человѣку и новой обстановкѣ жизни, тогда какъ ея свободная воля тяготилась всякой зависимостью.

Тайна съ предложеніемъ никому же была открыта, кромѣ меня, съ которой она дѣлила всѣ свои возрождающіяся и мучившія ее потомъ сомнѣнія насчетъ того, что дѣйствительно ли есть на это воля Божія, какъ ей показалось въ первыя минуты. «Къ чему этотъ бракъ?—съ сомнѣніемъ воскликнула она:—развѣ безъ него не можетъ подѣйствовать благодать Божія, уже не обольщеніе ли это вражіе?» Страхъ быть невѣрной въ призваніи Божиѣмъ охватывалъ ея вѣрующую, преданную до самоотверженія душу, и она съ тоской говорила мнѣ: «Какъ ты думаешь, имѣю ли я право отказаться отъ требуемой Богомъ отъ меня жертвы для спасенія ближняго?» Душевная эта борьба настолько ее истомила, что она съ обычной своей энергіей окончательно рѣшилась съѣздить въ Сибирь, какъ выше было сказано, повидаться со всѣми оставшимися тамъ друзьями-декабристами и въ то же время переговорить лично съ Пушцинымъ о несообразности ихъ брака. При свиданіи же ихъ въ Ялutorовскѣ Пущинъ настолько выразилъ ей свою глубокую преданность и уваженіе къ ней, что она не могла не откликнуться на искренніе его чувства, хотя въ то же время независимая ея природа не уступала своимъ правъ...

Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, Наталья Дмит-

ріевна писала мнѣ изъ Tobольска, что для прекращенія этой тягостной борьбы съ самой собою рѣшается положить за чудотворную икону Абалацкой Знаменія Божіей Матери билетикъ съ вопросомъ, выходитъ ли ей за Пущина, или нѣтъ. Абалацкій мужской монастырь, отстоящій отъ Tobольска въ 25 верстахъ, гдѣ находится чудотворная, всею Сибирью чтимая икона Божіей Матери, куда, бывало, мы часто изъ Tobольска ѣзжали съ Натальей Дмитріевной говѣть и гдѣ всегда находили отраду и успокоеніе. Туда-то и обратилась теперь она за помощью и уясненіемъ своей судьбы. Вынутый билетъ—«выходитъ» не только, однако, не успокоилъ ее, а еще болѣе разстроилъ: она питала, какъ потомъ сама говорила, тайную надежду, что эта чаша минуетъ ее. Неисполненіе же этой надежды подняло снова бурю борьбы въ ней, что и заставило ее для большаго удостовѣренія рѣшиться еще испытать судьбы Божіи.

Почему и положила разубѣдить Пущина, что въ предполагаемомъ бракѣ не найти ему счастья съ ней. Стараясь въ письмахъ къ нему выставить себя съ самой дурной стороны и даже смѣшной, зная его слабость бояться *d'être ridicule*, ухватила за эту мысль, выставляя себя именно въ болѣе смѣшномъ видѣ, рассказывая ему, какъ въ ней въ 52 года снова ожила Таня Евгенія Онѣгина съ тѣми же будто юношескими порывами, какіе были въ 17 лѣтъ, наговаривая на себя при этомъ Богъ знаетъ какія еще небылицы. Противъ этого я часто возставала. «Для чего наговаривать на себя то, чего нѣтъ?» возражала я ей. «Чтобы убѣдиться послѣднимъ испытаніемъ воли Божіей на этотъ бракъ,—отвѣчала она мнѣ.—Если Пущинъ, несмотря ни на какія дурныя данныя обо мнѣ,—вѣдь я ему писала то, чему повѣрить трудно, не перемѣнится, то ужъ тогда, вѣрно, ужъ нужно будетъ покориться волѣ Божіей, Его несповѣдимымъ путямъ».

Пущинъ же, зная ее хорошо, ничему, конечно, не вѣрилъ, и оставался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи, что она и приняла, какъ уже окончательное указаніе воли Божіей, которой ужъ не смѣла сопротивляться.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ былъ однокашникъ по лицію съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Они были большіе друзья между собой. Дружба ихъ не измѣнилась и тогда, когда судьба такъ рѣзко разъединила ихъ по положенію въ свѣтѣ. Иванъ Ивановичъ всегда отзывался о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ, неизмѣнномъ въ своихъ благородныхъ чувствахъ и вѣрномъ въ дружбѣ, что и доказалъ онъ въ дѣйствительности.

По возвращеніи изъ Сибири въ 1856 году вмѣстѣ съ прочими декабристами Иванъ Ивановичъ Пущинъ поселился на жительство въ Петербургѣ, гдѣ жили почти всѣ его родные, но здоровье его, однако, настолько ужъ было разстроено, что, несмотря на радость свиданія съ родными, онъ сталъ видимо угасать. Наталья

Дмитріевна не разъ ѣздила въ Петербургъ навѣщать его больного. Познакомилась и съ его родителями. Врачи Петербурга находили климатъ Петербурга для него вреднымъ и совѣтовали ему для поддержанія угасавшихъ его силъ переѣхать какъ можно скорѣе въ южный климатъ, на что онъ не соглашался, а сталъ торопить, напротивъ, Наталью Дмитріевну со свадьбой, что сохранялъ, впрочемъ, въ тайнѣ отъ всѣхъ своихъ родныхъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1857 года они обвинялись въ имѣніи его друга князя Эристова, бывшаго единственнымъ свидѣтелемъ при ихъ бракосочетаніи. Наталья Дмитріевна послѣ рассказывала о своемъ вѣнчаніи: «Въ церкви мнѣ казалось, что я стою съ мертвецомъ: такъ худъ и блѣденъ былъ Иванъ Ивановичъ, и все точно во снѣ совершалось. По возвращеніи изъ церкви, выпивъ по бокалу шампанскаго и закусивъ, мы поблагодарили добраго хозяина за его дружбу и радушіе и за всѣ хлопоты, отправились на станцію желѣзной дороги и прямо, черезъ Москву, на житѣе въ Марьино, откуда уже извѣстили всѣхъ родныхъ и друзей о нашей свадьбѣ. Родные были крайне удивлены и недовольны, что все было сдѣлано безъ ихъ вѣдома».

Родные его, зная Наталью Дмитріевну за оригиналку, скоро примирились съ этимъ. Въ самомъ дѣлѣ въ ней такъ много было своеобразнаго, не подходящаго къ обыкновенному уровню свѣтскихъ приличій, что она и при совмѣстной жизни своей съ Иваномъ Ивановичемъ казалась совершенно вывихнутою костью, особенно, когда бывало наѣдутъ въ деревню къ нимъ его свѣтскіе петербургскіе родные и знакомые. Въ столовой тогда накрывался большой, круглый столъ, за которымъ собирались всѣ пріѣзжіе гости. Иванъ Ивановичъ любилъ, чтобы хозяйка сама разливала чай, и Наталья Дмитріевна въ угоду ему (она никогда раньше не занималась этимъ) садилась передъ самоваромъ и неопытной рукой, едва умѣя держать чайникъ, при общемъ веселіи угощала гостей.

Привыкши, что въ прошлой ея жизни ей все подавалось готовое, она и сама часто смѣялась надъ своей неловкостью и не обижалась, когда и другіе шутили надъ ея неумѣньемъ управляться съ мелочами домашняго обихода; но зато подчасъ очень тяжелой казалась ея роль не быть тѣмъ, чѣмъ всегда была. Уѣзжая по дѣламъ въ свои костромскія любимыя имѣнья, она тамъ въ уединеніи отдыхала душой.

Посѣщать Наталью Дмитріевну въ Марьинѣ при новой ея обстановкѣ жизни было для меня очень грустно и тяжело, да и взятая ею на себя роль, совершенно неподходящая къ ней, не легко ложилась у меня на сердце. Бывало, только и душу отводили мы вмѣстѣ съ старой няней Матреной Петровной, которая никакъ не могла освоиться съ мыслью, что Наталья Дмитріевна

болѣе не Фонвизина, а Пушкина. Съ трудомъ переносила и поваго хозяина Марьяна, хотя она всегда любила и уважала его.

Но все-таки она была самая преданная до своей смерти и горячо попрежнему любящая слуга, другъ Натальи Дмитриевны.

При свиданіи моемъ съ Иваномъ Ивановичемъ въ Марьинѣ, по приѣздѣ ихъ послѣ свадьбы я была поражена страшной перемѣной, происшедшей въ немъ. Точно выходецъ съ того свѣта: такъ онъ былъ худъ и блѣденъ. Угасающая его жизнь протянулась, однако, въ Марьинѣ, вопреки приговорамъ петербургскихъ врачей, еще два года. Уздный лекаръ гор. Бронницы сумѣлъ какъ-то поддерживать упадающія его силы. Но эти страдальческіе болѣзненные два года не прошли для него безъ пользы. Подъ вліяніемъ любимой, горячо вѣрующей женщины, сердце его отозвалось на призывъ благодатнаго чувства, и онъ скончался вполне вѣрующимъ человѣкомъ, мирной христіанскою кончиной, напутствованный святымъ таинствомъ пріобщенія тѣла и крови Христовой въ той же Марьинкѣ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ назадъ предалъ духъ и старый другъ его Михаилъ Александровичъ, и похороненъ тоже въ Бронницахъ, рядомъ съ могилой Михаила Александровича Фонвизина въ 1859 году.

Вскорѣ послѣ смерти Ивана Ивановича Пушкина Наталья Дмитриевна купила въ Москвѣ домъ на Садовой, переѣхала туда на жительство и зажила снова своей прежней независимой жизнью. Устроивъ хорошо дѣла по имѣніямъ, она могла жить совершенно безъ заботъ и стѣсненія. Няня тоже успокоилась и въ новомъ домѣ по старому занялась хозяйствомъ, ходатайствуя часто у Натальи Дмитриевны за бѣдныхъ крестьянъ, обращавшихся къ ней съ своими жалобами о своихъ нуждахъ. Она по прямотѣ честнаго своего характера всегда высказывала правду, не стѣсняясь страхомъ быть за это въ немилости.

Домъ Натальи Дмитриевны въ Москвѣ былъ открытъ для всѣхъ друзей и знакомыхъ ея. Къ ней любили съѣзжаться всѣ хорошо знающіе и уважающіе ее. Бывало, какихъ разнородныхъ личностей не встрѣтишь въ ея гостиной, начиная съ высшаго аристократическаго круга сотоварищей покойныхъ ея мужей и кончая простыми небогатыми и нерѣдко нуждающимися лицами. Для всѣхъ равно находила она сказать что-нибудь пріятное, никакой не чувствовалось натяжки; напротивъ, ея веселая, умная бесѣда заставляла забывать время, и часто далеко за полночь просиживали у нея гости, слушая ея краснорѣчивые рассказы о жизни въ Сибири. Въ ея многочисленныхъ анекдотахъ изъ жизни ихъ на каторгѣ, всегда было много юмору: она особенно умѣла передавать живо и характерно самый незначительный эпизодъ, чѣмъ и увлекала слушателей. Попрежнему любила угощать. Прислуга у нея была такъ поставлена, что относилась одинаково вѣжливо какъ къ бога-

тымъ и высокопоставленнымъ ея посѣтителемъ, такъ и къ бѣднымъ и незнатнымъ, которыхъ у нея бывало не мало. Въ Москву часто прѣзжали навѣщать Наталью Дмитріевну друзья ея, декабристы: Михайлъ Михайловичъ и Елизавета Петровна Нарышкины изъ своего имѣнія, села Высокаго, находящагося въ семи верстахъ отъ Тулы, купленного и приготовленного сестрой княгиней Евдокіей Михайловной Голицыной для своего брата, возвращеннаго изъ Сибири чрезъ Кавказъ прежде еще 1856 года, гдѣ они и поселились на житье.

Елизавета Петровна Нарышкина, рожденная графиня Коновницына, единственная дочь знаменитаго въ 1812 году генерала Коновницына, получила блестящее образованіе. Прекрасно воспитанная, любимица отца, обожаемая мужемъ, она послѣдовала за нимъ въ Сибирь на каторгу, гдѣ и подружилась очень съ Натальей Дмитріевной Фонвизиной, передъ духовными совершенствами которой впослѣдствіи преклонялась и благоговѣла. Много было въ ней тоже юмору; вспоминая съ Натальей Дмитріевной о своей жизни на каторгѣ, безъ малѣйшей горечи смѣялись и шутили, рассказывая о разныхъ эпизодахъ, случавшихся тамъ съ ними. Какъ, бывало, подходя къ тюремному частоколу просовывали свои пальчики мужьямъ, а грубые часовые отгоняли ихъ ружьями, и какъ онѣ ухитрились смягчать ихъ жестокость подачками табаку и другихъ мелкихъ предметовъ. У ней была большая способность идеализировать восторженно, къ кому чувствовала симпатію. Наталья Дмитріевна, несмотря на дружбу къ ней, не выносила ея увлекающихся восторговъ къ ней. «Опять въ рамку меня ставишь, не выношу этого!» часто останавливала она ея порывы.

Елизавета Петровна мнѣ, какъ вѣрной союзницѣ Натальи Дмитріевны, по ея выраженію, много показывала расположенія и съ большимъ участіемъ относилась къ моей нервной болѣзни, постигшей меня послѣ смерти Михаила Александровича Фонвизина, и смерти моего родного отца въ Тобольскѣ. Увозила нерѣдко къ себѣ въ имѣніе свое Высокое и однажды уговорила меня, чтобы я прѣехала къ нимъ вмѣстѣ съ ихъ племянницей В. А. Нарышкиной на ихъ сельскій праздникъ 15-го іюля, куда собиралась въ этотъ день почти вся Тула съ самоварами на цѣлый день. Всѣмъ позволялось тогда гулять по ихъ парку и саду. Изъ Москвы отправились мы туда въ почтовой каретѣ. Прекрасная мѣстность села Высокаго съ каменною церковью въ нѣсколькихъ шагахъ отъ великолѣпнаго дома съ башнями и террасами, утопающаго въ цвѣтникахъ розъ и резеды, пріятно поражала посѣтителей. Карета наша подкатила съ крыльцу, гдѣ насъ радушно встрѣтили милые хозяева. Домъ большой, удобный. Для всѣхъ прѣзжающихъ гостей были отдѣльныя комнаты, изъ которыхъ

открывались живописныя виды. Гостей и родныхъ къ этому дню наѣхало изъ Москвы и Петербурга множество, и всѣмъ достало мѣста.

Наканунѣ престольнаго праздника отправились всѣ къ все-нощной, а на другой день къ обѣднѣ. Съ ранняго утра началось уже движеніе приходящаго народа изъ Тулы и окрестныхъ селъ на праздникъ. Съемщики съ самоварами размѣщались въ отдаленной части парка; когда мы выходили изъ церкви, то громадныя толпы народа имѣли видъ разноцвѣтнаго ковра со своими пестрыми яркими нарядами.

На большой террасѣ приготовленъ былъ чай, гдѣ всѣ гости размѣстились и любовались гуляющими. Послѣ обѣда начались крестьянскіе хороводы. Молодые деревенскія дѣвушки въ вѣнкахъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, а женщины въ своихъ типичныхъ кичкахъ, парни же, молодые запѣвалы, въ красныхъ рубашкахъ водили хороводы. Заунывны наши русскія мелодичныя пѣсни, въ которыхъ чувствовалась какая-то затаенная грусть неволи и зависимости бѣднаго крѣпостного народа отъ произвола какого-нибудь барина, не знающаго иногда границъ своимъ разгулявшимся страстямъ. Живя долго въ Сибири, не разъ приходилось мнѣ выслушивать отъ несчастныхъ сосланныхъ по волѣ помѣщиковъ въ Сибирь ихъ горькія и грустныя исторіи.

Между гостей находились и нѣсколько человѣкъ изъ возвращенныхъ декабристовъ: Николай Ивановичъ Лореръ, Цебриковъ, Бобринцевъ-Пушкинъ. Юмористическій складъ ума Елизаветы. Петровны разнообразилъ и сообщалъ непринужденную веселость обществу, хотя въ ея остротахъ иногда и слышались колкія насмѣшки, и попасть на ея зубокъ несимпатичнымъ ей личностямъ бывало бѣда. Михаилъ Михайловичъ былъ болѣе мягкимъ, даже нѣжнаго характера, онъ не умѣлъ сердиться, тѣмъ болѣе взыскивать съ людей. Когда приходилось дѣлать какія нибудь замѣчанія или взысканія, онъ обращался съ просьбою къ женѣ взять на себя эту непріятную обязанность. Она, несмотря на то, что обожала мужа, часто острила надъ нимъ по этому поводу. «Хорошо намъ быть въ милепкиихъ,—говорила она ему:—когда что непріятное для насъ, мы сваливаемъ на другихъ, а сами останемся въ сторонѣ».

Больше мѣсяца съ пріятностью прогостили мы въ Высокомѣ, нѣсколько разъ ѣздили въ Тулу, а однажды намъ пришлось присутствовать на трогательномъ торжествѣ отправленія ратниковъ на войну. Преосвященный Дмитрій, бывшій потомъ архіепископомъ херсонскимъ, торжественно совершалъ на площади молебствіе и благословлялъ ряды ратниковъ на трудный путь положить животы свои за царя и отечество. Площадь была переполнена народомъ; у женъ и матерей лились горячія слезы; солнышко ярко освѣщало будущихъ борцовъ и пригрѣвало своими теплыми лучами.

Владыка сказалъ имъ прочувствованное напутственное слово. Самъ тронутый до слезъ, владыка былъ неподражаемъ; точно ангелъ Божій, стоялъ онъ среди окружающихъ его ратниковъ и многолюднаго стеченія народа.

4. Декабристы: Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, Гавріилъ Степановичъ Батенковъ, Петръ Николаевичъ Свистуновъ, Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ.

Нерѣдко также пріѣзжалъ въ Москву къ Нат. Дмит. и нашъ общій другъ, декабристъ Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ. Онъ по возвращеніи изъ Сибири поселился вмѣстѣ съ умалишеннымъ своимъ братомъ Николаемъ Сергѣевичемъ, возвращеннымъ съ нимъ же вмѣстѣ изъ Сибири, въ ихъ родовомъ имѣніи Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда, у родной своей сестры, Маріи Сергѣевны Бобрищевой-Пушкиной.

Пріѣзжая въ Москву, онъ всегда останавливался въ домѣ у Натальи Дмитріевны, гдѣ наверху у нея были опредѣлены комнаты для пріѣзжающихъ къ ней друзей.

Каждый пріѣздъ добраго Павла Сергѣевича былъ для всѣхъ знавшихъ его радостнымъ и пріятнымъ. Зная его за глубоко вѣрующаго и любящаго человѣка, всѣ, у кого накоплялось болѣе или менѣе горечи и недовольства на душѣ, всѣ облегчали тяжесть душевную съ нимъ, вѣря, что онъ всегда приметъ сердечно участіе въ какой бы то ни было неудачѣ или непріятности и дастъ свой сердечный правдивый совѣтъ. Въ Тобольскѣ его не иначе звали, какъ другомъ человѣчества. Наталью Дмитріевну уважалъ настолько, что преданъ былъ ей всей душой. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ къ ней онъ сильно заболѣлъ; сначала думали, что скоро поправится, но болѣзнь день за днемъ увеличивалась. Медицинскія средства мало помогали. Явилась какая-то особенная сухость во рту, совершенный недостатокъ всего слизистаго, такъ что съ большимъ трудомъ онъ могъ наконецъ пропускать пищу, не иначе, какъ предварительно смочивъ ее супомъ или теплой водой. Болѣзнь шла быстро впередъ. Дыханіе съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе, на рукахъ показалась злокачественная сыпь, предсказывавшая разложеніе крови. Видимо для всѣхъ было, что жизнь его угасала. Написали въ деревню къ его роднымъ, ждали ежедневно ихъ пріѣзда. Онъ и самъ начиналъ сознать свое опасное положеніе, но желаніе увидѣть любимую сестру и братьевъ отдаляло отъ него мысль о близости смерти.

Не выдавъ его нѣсколько дней, я поражена была страшной переменой, происшедшей въ немъ. Печать смерти видимо лежала на немъ. Я осталась ночевать п ночью сидѣла вмѣстѣ съ Наталіей Дмит-

ривной у постели почти умирающаго больного; она мнѣ тихо говоритъ: «Предложи ему приобщиться св. таинъ, сама я боюсь ему сказать, чтобы не испугать его». Оставшись одна съ больнымъ, вижу, дыханіе у него становилось затруднительнѣе, такъ что при дыханіи онъ втягивалъ почти всю нижнюю часть лица въ себя, прося воздуха. Мечась по кровати, страдалецъ восклицалъ: «Что же это такое! Чѣмъ же это все кончится?»

Предсмертная агонія, видимо, началась у него. Зная хорошо его глубокую всегда набожность и непривязанность къ земному, меня невольно смутила мысль: неужели онъ боится умирать и настолько не сознастъ своего опаснаго положенія, что не можетъ покориться предстоящей смерти? Мнѣ стало жаль его.

Собравшись съ духомъ и внутренно помолившись, подошла къ нему и прямо спросила его: «Павелъ Сергѣевичъ, неужели вы, будучи всегда такимъ преданнымъ Господу, боитесь смерти? Ваши болѣзненныя восклицанія: «Чѣмъ же это наконецъ кончится?»— какъ будто бы выражаютъ недостатокъ покорности волѣ Божіей. Сообщитесь въ св. тайнахъ съ Господомъ и предайтесь ему на жизнь и на смерть. Вамъ будетъ легче».—Онъ выслушалъ меня очень серьезно и, углубившись нѣсколько въ себя, отвѣчалъ тихо, но также серьезно: «Нѣтъ, я не боюсь смерти».—«Не послать ли за священникомъ, чтобы онъ пришелъ съ св. дарами?»—обрадовавшись, продолжала я ему. Онъ снова, углубившись внутрь себя и также тихо и серьезно отвѣтилъ мнѣ: «Нѣтъ, я сегодня преданъ еще землѣ».

Было ясно, что онъ ждалъ сестры съ братьями, о которыхъ часто спрашивалъ, не пріѣхали ли они.—«А завтра день рѣшительный, жизнь или смерть предстоять мнѣ!»

Послѣ этихъ словъ онъ успокоился и даже какъ будто забылся. Пришла Наталья Дмитриевна, я передала ей нашъ разговоръ съ нимъ. Очнувшись, больной самъ сталъ просить Наталью Дмитриевну: «Послѣ ранней обѣдни завтра пошлите, пожалуйста, карету за священникомъ, чтобы онъ обѣденными св. дарами пріѣхалъ приобщить меня». Къ концу ночи ему стало очень дурно, страдалъ жестоко; но сколько мы ни уговаривали его, не дожидаясь утра, послать за священникомъ съ запасными дарами, онъ не соглашался, хотя были такія тяжелыя минуты, что ему самому казалось, что не доживетъ до утра. Однако выдержалъ эту борьбу страшную, говоря, что если бъ согласился, то это было уже съ его стороны признакомъ маловѣрія. Что онъ хотѣлъ сказать этими словами, осталось тайной. Не было ли ему такое видѣніе или предчувствіе, что раньше утра онъ не умретъ?

Тотчасъ же по окончаніи ранней обѣдни пріѣхалъ священникъ съ св. дарами и прямо съ чашей въ рукахъ вошелъ къ нему. Больной съ радостью встрѣтилъ св. дары, исповѣдывался и приобщился св. таинъ въ полной памяти, послѣ чаю успокоился, душевное то-

мленіе прекратилось, благодарилъ насъ, а къ 12-ти часамъ дня физическія его страданія стихли, дыханіе дѣлалось короче и менѣе мучительно, въ глазахъ начало выражаться остолбенѣніе, хотя видно было, что взглядъ не терялъ еще ни своей ясности, ни сознательности. Говорить пересталъ. Всѣ мы окружили умирающаго, я поддерживала рукой голову его, лежавшую на подушкѣ, и слѣдила съ большимъ вниманіемъ за смертнымъ процессомъ. Смерть медленно отсѣкала чувствительность въ его членахъ, сперва ногъ омертвило, потомъ животъ при дыханіи пересталъ дѣйствовать. Дыханіе медленно переходило въ грудь и чувствовалось лишь только въ верхней части ея и горлѣ. При омертвѣніи каждаго члена на лицѣ выражалось судорожное подергиваніе. Потомъ дыханіе слабо уже показывалось только около рта. Казалось, что вотъ еще одинъ вздохъ, жизнь улетитъ, но взоръ, хотя остановившійся уже, не терялъ еще своей выразительности. Вдругъ умирающій, точно собравъ послѣднія силы, потянулся, сжавъ крѣпко глаза и губы, и на лицѣ изобразилась такая болѣзненная мука, будто ему дѣлали страшную операцію. Это продолжалось не болѣе минуты. Когда раскрылъ глаза, то взглядъ поблѣкъ и не выражалъ уже ничего: видна была только безжизненность во взорѣ, свѣтъ, какъ говорится, выкатился изъ нихъ. Потянувшись еще разъ съ тою же болѣзненной мукой на лицѣ, сжавъ опять глаза и губы, отошелъ въ вѣчность. Лицо умершаго тотчасъ приняло спокойное, пріятное выраженіе, какъ будто удостовѣряя этимъ, что, покорившись и предавшись въ св. волю Спасителя, онъ уснулъ спокойно. Продолжая поддерживать одной рукой его голову, я другой закрыла ему глаза и, перекрестивъ, поцѣловала въ голову такъ еще недавно бывшаго между нами добраго друга. Скончался Павелъ Сергѣевичъ на масленицѣ, 13-го февраля, въ 3 часа дня 1865 года.

Въ то время, когда умирающій боролся со смертію, масленичный разгулъ на улицахъ еще болѣе давалъ чувствовать пустоту земной суеты. Минута смерти была очень торжественна. Чувствовалось, что совершалась какая-то невидимая тайна между душой и Богомъ. Тѣло покойнаго долго оставалось теплымъ. Товарищи-декабристы, тутъ присутствовавшіе, сами обмывали его. Къ 8-ми часамъ вечера была первая панихида, во время которой пріѣхали сестра его съ братьями. Горестъ ихъ была безгранична, особенно сестры его, Маріи Сергѣевны. Она въ немъ потеряла брата и друга и покровителя. Павелъ Сергѣевичъ, живя въ деревнѣ по возвращеніи изъ Сибири вмѣстѣ съ сестрой, былъ для нея настоящимъ помощникомъ. Его здравый, разсудительный совѣтъ всегда и во всемъ былъ полезенъ. Крестьяне тоже обращались къ нему въ разныхъ своихъ затруднительныхъ случаяхъ, и онъ какъ въ Сибири, такъ и на родинѣ съ одинаковой любовью относился къ нуждамъ каждаго, почему его высокохристіанскіе успокоительные совѣты

благотворно дѣйствовали на всѣхъ, за что полюбили его всѣ знавшіе его.

Похоронили Павла Сергѣевича на Волковскомъ кладбищѣ, близъ церкви. Всѣ собрались въ домъ Натальи Дмитріевны, какъ родные и товарищи его по Сибири, такъ и всѣ знакомые отдать ему послѣдній долгъ. Отпѣвали въ ея приходѣ, въ церкви св. Ермолая на Садовой. До кладбища мужчины и дамы провожали тѣло пѣшкомъ.

Сестра покойнаго, Марія Сергѣевна, оставалась до 40 дней у Натальи Дмитріевны, гдѣ и остановилась. Часто мы съ ней ѣздили на свѣжую могилу отшедшаго друга. На памятникъ была вѣлана его фотографическая карточка, которую спустя уже нѣсколько лѣтъ нашли почему-то неудобнымъ имѣть на памятникъ, и велѣно было ее снять.

Однажды у Натальи Дмитріевны случилось мнѣ познакомиться съ замѣчательной личностью, съ однимъ декабристомъ, Гавріиломъ Степановичемъ Батенковымъ. Онъ прежде, чѣмъ быть сосланнымъ въ Сибирь, просидѣлъ 20 лѣтъ въ одиночномъ заключеніи въ крѣпостяхъ Свартъ-Гольмъ въ Финляндіи и Петропавловской въ Петербургѣ. Какъ оказалось потомъ, его просто забыли тамъ, но не помню по какому уже случаю вспомнили о немъ и перевели на поселеніе въ Томскъ, куда онъ самъ просился. По возвращеніи же изъ Сибири онъ поселился въ Калугѣ, откуда нерѣдко пріѣзжалъ въ Москву навѣщать старыхъ товарищей. Его интересные рассказы о своихъ нравственныхъ страданіяхъ въ 20-лѣтнемъ заключеніи были очень занимательны. Сколько перестрадалъ этотъ человѣкъ тамъ душой, можно судить изъ его стихотворенія «Одичалый». Легко понять, какую выносилъ онъ муку..... Это была могучая цѣльная личность, перенесшая столько душевныхъ потрясеній, что одно время, какъ самъ рассказывалъ, думалъ, что сходитъ съ ума. Несмотря на все перенесенное, у него не осталось никакой горечи на людей. Онъ былъ дѣтски веселъ со всѣми, хотя по наружности казался суровымъ. Онъ довольно часто бывалъ у насъ въ Москвѣ и оставилъ по себѣ самую добрую память вслѣдствіе своего добродушія и прямоты характера. Скончался онъ въ Калугѣ въ 1863 году на рукахъ преданныхъ и любившихъ его друзей. Похороненъ же въ селѣ Петрищевѣ Тульской губерніи, въ имѣніи своихъ хорошихъ и добрыхъ друзей Елагиныхъ.

Декабристъ Петръ Николаевичъ Свистуновъ въ началѣ своего возвращенія изъ Сибири избралъ было тоже мѣстомъ своего жительства Калугу. Тамъ онъ вступилъ во владѣніе переданной ему братомъ его частью родового имѣнія въ Калужской губерніи, Лихвинскаго уѣзда, и былъ выбранъ дворянствомъ Лихвинскаго уѣзда въ члены комитета по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостного права. Тутъ посчастливилось ему приложить свою трудовую лепту къ дѣлу, составлявшему предметъ его сердечныхъ желаній съ са-

мой молодости. Затѣмъ онъ былъ назначенъ отъ правительства членомъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, которымъ и состоялъ въ теченіе двухъ лѣтъ подъ предсѣдательствомъ переведеннаго изъ Тобольска въ Калугу губернатора, Виктора Антоновича Арцимовича. Въ Калугѣ Свистуновъ оставилъ по себѣ хорошую память и былъ всѣми тамъ уважаемъ.

Вышедши въ отставку, онъ переѣхалъ на житье въ Москву, сколько для воспитанія дѣтей, столько и же и для того, чтобы быть ближе къ Натальѣ Дмитріевнѣ, которую какъ онъ, такъ и вся его семья глубоко уважали и любили. Наталья Дмитріевна была крестной матерью всѣхъ его дѣтей. Въ Москвѣ онъ купилъ себѣ домъ въ Гагаринскомъ переулкѣ и велъ жизнь семейную, тихую, занимался много по обыкновенію чтеніемъ и не оставлялъ также своей любимой віолончели. Онъ любилъ музыку до страсти, и хотя самъ новыхъ знакомыхъ не заводилъ, но всѣ, кто только его зналъ, какъ старые его товарищи, такъ и ихъ родные, постоянно его навѣщали. Острота его ума, любезное обращеніе очень къ нему привлекали всѣхъ.

Чаще другихъ встрѣчала я у него почтенную личность вдовы генерала Муравьева-Карскаго. Какъ теперь помню, худенькая, съ сѣдыми буклями, прямо держащаяся старушка съ выраженіемъ кротости и доброты, своей простотой, ласковой привѣтливостью привлекала всѣхъ къ себѣ. Она очень любила и уважала старика Петра Николаевича Свистунова.

Декабристъ Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ въ то же почти время переѣхалъ изъ Твери въ Москву съ семействомъ, женой и двумя своими воспитанницами, привезенными ими изъ Сибири. Своихъ дѣтей у нихъ не было. Онъ женился еще въ Сибири, будучи на поселеніи. Жена его, Марія Константиновна, была дочь священника изъ дворянъ, которая, оставшись сиротой, воспитывалась у тетки своей г-жи Брантъ, жены чиновника бухтарминской таможи.

Марія Константиновна была кроткая, любящая сердцемъ, всѣми товарищами ея мужа уважаемая и любимая. Она съ большой любовью занималась своими воспитанницами; особенно одна изъ нихъ была подъ ея вліяніемъ; а другая находилась совершенно подъ вліяніемъ Матвѣя Ивановича, который занимался исключительно ея умственнымъ образованіемъ. Способности ея ума быстро воспринимали умственное развитіе, но, къ сожалѣнію, въ ущербъ сердцу. Страшная гордость овладѣла ею и начала проявляться передъ доброй, скромной, хотя тоже далеко не лишенной здраваго смысла и ума Маріей Константиновной своимъ мнимымъ превосходствомъ надъ ней, чѣмъ впослѣдствіи много заставила страдать свою добрую воспитательницу, такъ что подъ конецъ мѣра терпѣнія переполнилась уже настолько, что, по желанію самого Матвѣя Ивановича, она

должна была удалиться изъ ихъ дома. Возвращенію же ея опять къ нимъ много содѣйствовалъ старикъ Свистуновъ; зная хорошо, какъ Матвѣй Ивановичъ былъ привязанъ къ ней, принялъ на себя трудъ умиротворить обѣ стороны; но потомъ и ему, миротворцу, вмѣсто благодарности пришлось перенести тяжелое испытаніе клеветы, возведенной на него передъ Матвѣемъ Ивановичемъ. Чувствительнѣе всего было старику Свистунову перенести охлажденіе многолѣтней дружбы къ себѣ товарища своего послѣ столькихъ лѣтъ, проведенныхъ вмѣстѣ въ изгнаніи въ постоянной дружбѣ и довѣріи другъ къ другу. Но, будучи истиннымъ христіаниномъ, Свистуновъ съ Божіей помощью сумѣлъ выработать въ себѣ смиренную, полную любви покорность къ волѣ Божіей. Вотъ какъ онъ выражался въ одномъ сохранившемся у меня письмѣ ко мнѣ: «Повѣрите ли, что при несенномъ тяжкомъ ударѣ моей гордынѣ бывають минуты радости; давно мною не испытанныя. Богъ даетъ мнѣ чувствовать, что допущенное имъ торжество злобы людской на меня свидѣтельствуєтъ о милосердіи Его ко мнѣ, недостойному, и что безъ этого испытанія я погибалъ, и тогда не только не ропщу и не досаую, но со слезами благодарю Бога».

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ скончался въ Москвѣ, также и жена, Марія Константиновна, гдѣ они и погребены.

Кончина Н. Д. Фонвизиной-Пуцциной.

Здоровье Натальи Дмитріевны начало тоже понемногу подламываться, не могла она уже съ той же энергіей заниматься дѣлами по своимъ родовымъ имѣніямъ, какъ прежде. Задумала было продать ихъ, чтобы имѣть возможность распорядиться капиталомъ при жизни еще своей по своему желанію, но не сошлась въ цѣнѣ съ покупателями. Ей хотѣлось продать костромскія имѣнія за 400 тысячъ рублей, а ей давали 375 тысячъ, и изъ-за 25 тысячъ разошлась, о чемъ она послѣ очень сожалѣла. Новыхъ же покупателей не являлось, а здоровье ея стало очень упадать.

Проводя жизнь болѣе сидячую, занимаясь постоянно письменной работой или чтеніемъ, подъ конецъ отразилось у нея на голову, сначала легкимъ ударомъ, отъ котораго ей скоро помогли, и запретили доктора много заниматься дѣлами, но, несмотря на запрещеніе, она продолжала заниматься; особенно большого труда стоило ей привести въ законную форму духовное завѣщаніе, по которому ей хотѣлось послѣ своей смерти оставить родовое фонвизинское имѣніе небогатой двоюродной сестрѣ, Натальѣ Сергѣевнѣ Ржевской, урожденной тоже Фонвизиной, помимо прямого наслѣдника, ея родного брата Ивана Сергѣевича Фонвизина, имѣвшаго значительное состояніе. Годъ прошелъ благополучно, но къ концу его ударъ повторился, оставивши уже болѣе разрушительное дѣйствіе:

память ослабѣла, голова съ трудомъ работала, но окончательнаго сознанія не теряла, хотя очень чувствовала свое разрушающееся состояніе. Въ ея письмѣ ко мнѣ въ Ниццу, гдѣ я въ то время находилась, она такъ описываетъ мнѣ его: «Ты имѣешь все право сѣтовать на меня, милая Машенька, что я до сихъ поръ не отвѣчала тебѣ. Мое здоровье такъ разстроено, и такъ безотрадно проходитъ жизнь моя, что я почти какъ не живу въ смыслѣ жизни, голова отказывается работать, слова съ своими значеніями исчезаютъ, и передать ихъ въ понятномъ смыслѣ почти не въ состояніи и чрезвычайно меня утомляетъ, а потому прошу тебя, не взыщи съ меня, убогой и больше, нежели когда-нибудь, неключимой рабы, эта неключимость сокрушаетъ меня и унижаетъ. Никакой болѣзни не могу опредѣлить и лечиться отъ чего—не знаю и что со мной—не вѣдаю. Видно, такъ нужно, и Богу такъ угодно».

По возвращеніи изъ-за границы я нашла Наталью Дмитріевну въ Москвѣ очень измѣнившуюся. Второй бывшій съ ней ударъ хотя не совсѣмъ еще лишилъ ее памяти, но она не могла уже ни заниматься попрежнему, ни разсуждать долго, голова слабѣла, что ее очень озабочивало. Часто повторяла мнѣ, что не понимаетъ, что съ ней дѣлается. Доктора, хотя скрывали отъ нея настоящую причину, приписывая все нервамъ и успокаивая, что это пройдетъ, но къ концу года возобновился третій ударъ, который совершенно уже отнялъ у нея память, и языкъ плохо произносилъ слова. Она впала въ какое-то дѣтское состояніе, доходящее до бессмысленнаго, почти идіотскаго, смѣялась, сама не зная чему иногда, видимо, страдая и томясь душой, желала бы выразить свое тяжелое и подчасъ невыносимое состояніе, но языкъ отказывался служить, и она съ отчаяніемъ била себя въ грудь, показывая мнѣ этимъ всю тяжесть своего душевнаго мученія. Помочь же ей никакой не было возможности. Но для меня тяжелѣе было видѣть ее, когда она впадала въ бессмысленное состояніе, особенно вспоминая прошлое, какимъ была она дѣятелемъ, богато одаренная умомъ и краснорѣчіемъ, энергичной твердой волей и глубоко вѣрующей душой. Ее вполне можно было назвать духовнымъ вождемъ душъ къ Богу. Живя духовно внутренней жизнью, она никогда себя не щадила. Люди, не понимающіе этой жизни, берутся иногда судить по своимъ мелкимъ соображеніямъ далеко неправильно о такихъ личностяхъ. Иногда вырвавъ изъ ихъ жизни какой-нибудь эпизодъ, сбивающій ихъ мелкія понятія, они силятся очернить даже память такихъ людей, какъ была не понята ими и покойная Наталья Дмитріевна.

Развѣ они могутъ имѣть вѣрное понятіе о духовныхъ сношеніяхъ людей, развитыхъ духовно? По своимъ нечистымъ воззрѣніямъ, для нихъ и въ другихъ все кажется нечистымъ. Злостно и радостно они готовы понавѣсить имъ въ руки какими-нибудь судъ-

бами даже и исповѣдныя листки такихъ людей выставять на показъ свѣту въ осужденіе и порицаніе ихъ, забывая потомъ, насколько это недобросовѣстно, но врядъ ли, чтобы такими путями они могли достигнуть своей черной цѣли

9-го октября 1869 года наконецъ окончились тяжелыя страданія Натальи Дмитріевны. Тихой, христіанской кончиной, послѣ приобщенія св. тайнъ Христовыхъ почилъ она. Сознаніе во взорѣ, видимо, сохраняла до послѣдней минуты, но выразить его вслѣдствіе парализаціи языка не могла. Похоронена въ Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ, гдѣ лежатъ и ея родители.

